

Слово к читателям	2
-------------------------	---

СМЫСЛОВЕДЕНИЕ

<i>Александр Миронов.</i> Русло русского речения, или Обретение словосочетаний, русскую душу вполне упасающих... (фрагмент из еще незаконченной книги)	3
<i>Евгений Раевский.</i> У надгробия Владимиру Далю	11

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Е. С. Роговер.</i> «Мёртвые души» Н. В. Гоголя в зеркале литературы и искусства	12
<i>Александр Миронов.</i> «Мёртвые души» Н. В. Гоголя — едкий миф о русской доле (фрагмент из книги «Литературы лукавое лицо»)	18

ПРОЗА XXI

<i>Александр Образцов.</i> Блаженство смерти (киносценарий)	25
<i>Наталья Веселова.</i> Не такая как прочие (фрагмент романа)	52

ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ

Сущность исторического образа П. А. Столыпина. Редакционный обзор материалов, собранным и предоставленным редакции журнала Реставратором — Андреем Павловым-Арбениным.	78
---	----

АКТУАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

<i>О. Т. Виноградов.</i> О роли писателей в формировании представления о стране	98
<i>А возможно ли здоровое мировосприятие без самокритики? (точка зрения редакции журнала)</i>	103

ПОЭЗИЯ КАК ПОЭЗИЯ

<i>Галина Тычина</i>	104
----------------------------	-----

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

<i>Вадим Петров.</i> На пути к Пакту Молотова — Риббентропа. Военное строительство в СССР и Германии	109
--	-----

ПРОРОКИ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Что ждет Россию в начале III тысячелетия? (редакционный анализ православных пророчеств и предсказаний)	129
--	-----

О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ

<i>В. П. Федорова.</i> Служить Отечеству любя (о патриотизме)	140
<i>Адвокат российской власти.</i> Худителям России	143
<i>Точка зрения редакции журнала.</i> О патриотизме, сознающем свой дух (свою суть)	144

УСПЕШНАЯ ПЕДАГОГИКА

<i>С. Я. Водовозова.</i> Позитивный потенциал времени урока	149
<i>Акмеологические новации С. Я. Водовозовой (точка зрения редакции журнала)</i>	153

О РАДЕТЕЛЯХ ЖУРНАЛА «ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК»

<i>В. П. Федорова.</i> Через сто лет в мире прекрасного... ладно постигать истину!	154
--	-----

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Андрей Каратыгин.</i> Творчество Йозефа Гайдна — золотое сечение музыки	156
--	-----

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

*Здравствуйте,
дорогие читатели журнала «Писатель. XXI век»!*

Перед вами третья попытка ведения серьезного и зрелого разговора о литературе и ее влиянии на жизнь России и русского мира в целом в начале третьего тысячелетия от рождения Христова. В прошлых выпусках сотрудниками нашего журнала было сказано много слов о возникших трудностях на пути литературы, несущей зрелое или ответственное слово. Были представлены новые произведения наших современников. В настоящем номере во многом речь пойдет уже о самых разнообразных проблемах как литературного творчества, так и самой нашей жизни. Иначе говоря, от уже привычных сетований по поводу ранее несчастливо сложившихся обстоятельств жизни журнал переходит непосредственно к публикации наиболее интересных для самостоятельно думающих читателей, и главное — глубоких по заявленным темам работ самого последнего времени. То есть члены редакционной коллегии журнала очень надеются, что им удастся впредь последовательно выделять и поддерживать именно подобные творения наших с вами современников. Кроме того, наш журнал продолжит публикации исторических исследований, выявляющих подлинную суть когда-то случившихся крайне важных событий нашей истории. Не предадим забвению и поиск причин глобального нестроения всего человечества. Другими словами, все ключевые проблемы нашей эпохи в части их доступности для редакции всенепременно найдут отображение на страницах журнала «Писатель. XXI век». И еще. Коллектив журнала вполне отдает себе отчет в том, что по ряду причин он может и будет меняться, обновляться. Но он также твердо рассчитывает, что подобные перемены не смогут изменить самой заявленной им изначально стратегии издания на реанимацию в сознании русскоговорящей читательской аудитории понятия «писатель», ныне, скорее всего, намеренно преданного поруганию. С другой стороны, современные прагматические виды на писательский труд все равно уйдут в прошлое, а значит, имена подлинных мастеров новой литературы всенепременно взойдут и засияют как никогда ранее в русской истории. Как раз для этого на страницах настоящего выпуска и начинается ряд дискуссий по важнейшим вопросам и литературы, и русского мировоззрения в целом. Коллектив журнала искренне полагает, что именно этот новый непростой курс журнала на открытое обсуждение всего насущного даст ему и надежду и перспективу.

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

Александр Миронов

РУСЛО РУССКОГО РЕЧЕНИЯ,

или

Обретение словосочетаний, русскую душу вполне упасающих...

(фрагмент из ещё незаконченной книги)

Вступление

«Что это такое? Зачем сие вдруг? — спросит некто. — Неужели настоящая сущая заумность нужна людям?» В заголовке данной работы её автор полагает повести рассказ о... Но сначала задумаемся, дорогой читатель, о смыслах приведённых в заголовке слов. Слово *русло* означает путь, направление движения или развития чего-либо. Слово *русский* означает принадлежность к смыслам русского языка. И наконец, слово *речение* означает устойчивое сочетание слов или образное выражение. Суммируя все три приведённых выше смысла, получаем, что словосочетание *русло русского речения* означает путь движения или развития устойчивого сочетания слов или образных выражений в русском языке. То есть сформулированный заголовок является заявкой на рассказ о пути превращения русской речи в речь ясную, наглядную и не подверженную превратному восприятию. Другими словами, взятый автором книги курс есть курс на утверждение в русском сознании культуры мышления и культуры речи. Причём разговор пойдёт главным образом не о правильности произношения слов русского языка, речь пойдёт об уместности использования тех или иных слов в той или иной ситуации. Иначе говоря, употребление слов должно стать в норме строго адекватным явлениям, предметам, вещам, со-

бытиям, чувствам. То есть задача всякого думающего лица состоит в том, чтобы понять ту простую мысль, что соразмерное речение или речение в русле природного или объективного смысла слова строго насущно каждому человеку. Почему же? А потому, что подобное поведение решительно позволяет изжить злое из собственной души и обрести взамен доброе. Но как так? — спросит нетерпеливый читатель. Для ответа на последний вопрос сначала спросим сами себя откровенно: почему мы бываем злы? Кто-то скажет, что сие вытекает из нашей природы, а кто-то заметит, что подобное происходит из социума, давным-давно пропитанного злобным духом. С другой стороны, никто не станет спорить, что не все люди от рождения злы, а значит, и социум имеет на человека не абсолютное влияние. Тем более что и общественное бытие имеет также и вполне добрые проявления. Но тогда у нас имеются веские основания считать, что злое не абсолютно, а значит, оно всё-таки преодолимо. Впрочем, дело сие ой как не просто будет. Но ведь оно и стоит того, чтобы им заниматься. Поэтому-то и не будем сами себя пугать тем, что не справимся с ним. А подумаем-ка лучше о том, что же вызывает к жизни злое начало в повседневной практике нашей жизни. Или почему мы злимся и зачем желаем мстить кому-либо? Попробуем задаться вопросом: неужели нам прият-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

но думать злое, ведь сие звание и нас самих разрушает?

Но тогда что же приводит нас в сторону злых дум? Автор предлагаемой к прочтению книги рекомендует, что именно *неточное* название осязаемого всяким человеком и есть невидимая основа всякого зла, превращающего всех людей в носителей злых мыслей, а значит, и чувств. То есть приписывание одним словам родной речи не присущего им смысла совсем других слов ведёт в конце концов к большим конфликтам. Иначе говоря, непонимание говоримого или думаемого нами смысла в конечном счёте ведёт каждого из нас объективно в зону явных или неявных противоречий. Столкновение и взаимное отрицание не может не омрачать нашу душу, особенно в случае печальной традиции непонимания причин этих явлений. Именно перманентная и досадная путаница в смыслах языка и ведёт человечество в сторону непрерывной борьбы с самим собою. Впрочем, бог с ним, с человечеством. Нам бы с русским миром разобраться. С другой стороны, кто-то, вероятно, заявит, что автору ещё следует доказать правоту собственной гипотезы зла как производной от смысловой путаницы. Что ж, сие требование отнюдь не беспочвенно, а значит, придётся отвечать на него.

Драма и трагедия русского смыслового несовпадения или странного неумения русских людей быть в ладу со смыслами родной речи

Хотели как лучше, а получилось как всегда...

Виктор Черномырдин

Что есть Россия сама по себе? Зачем она человечеству? Кто-то с насмешкой скажет, что она есть грустный пример того, как не надо жить. С дру-

гой стороны, иные заметят, что она есть нечто уникальное, а значит, и крайне важное для всего мира. Но в чём её неповторимость? Как это выразить точно в слове? И какое слово наиболее подходит для этого? Вопросы, вопросы. Впрочем, вернёмся всё-таки к теме смыслового несоответствия как к ключевой русской особенности. Кстати, она и вытекает непосредственно из свойств русского языка, которые весьма и весьма удивительны. В чём их специфика? Она в том, что русский язык очень пластичен и очень терпим сам по себе к иностранным словам, которые с удовольствием поглощает и делает своими. То есть русский язык широко открыт для разнообразного заимствования. Но что в этомстораживает? А то, что делается сие не строго или как бы фпривольно. Что так и почему? Видимо, виноват в том русский характер как много мнящий о себе, впрочем, с другой стороны, вполне мотивированно. Иначе говоря, русский человек изначально смеет о многом судить, полагая занятие сие вполне для себя по силам. Вместе с тем он же часто попадает впросак, так как не утруждает себя подробностями, считая их порой совсем несущественными. В результате русские люди сплошь и рядом оказываются в конфликте с самими собою же. Другими словами, они отчаянно воспроизводят во многих поколениях одни и те же ошибки восприятия сложных явлений жизни. Вероятно, отсюда и проистекает русское печальное речение: бей своих, чтоб чужие боялись! То есть история борьбы русских людей с русскими же собратьями имеет огромное число страшных примеров. В свою очередь автор книги усматривает причину сего главным образом в восприятии русским человеком смысла слов родной речи. Иначе говоря, частое приписывание словам не присущего им изначально значения и ведёт русское сознание к драме, а то и к трагедии. Но почему? Неужели ошибочное название кого-чего-либо так существенно? А вы, уважаемый читатель, вдумайтесь, например, в то, что

вас кто-то с кем-то путает, и ответьте сами себе: важно ли подобное? Очевидный ответ, что сие очень важно, ведь вряд ли кого-то смутит. Поэтому-то несоответствие в большом наглядно ранит и тревожит каждого, тогда как в малом уже многие из нас разрешают себе сплошь и рядом шалить и пренебрегать как бы малыми неточностями, полагая сие занятие совсем невинным. При этом каждый раз мы подчёркиваем, что убыль от сего грешка невелика, а значит, и говорить-то, собственно, не о чем. Но так ли это в самом деле? Ведь привычка к «скольжению» по смыслам уже вовсе не шутка будет. Она легко будет провоцировать нас на глупое и даже очень опасное поведение. Какое же именно? А такое, например. Мы полагаем, что доброе — это нечто для нас удобное и даже комфортное. Тогда как доброе на самом деле — это лишь свободное от греха. В свою очередь само освобождение от греха есть для всякого очень трудное движение ума и души. То есть добро там и тогда, где и когда свершается движение в сторону праведного, причём свершается именно необратимое движение или, если хотите, происходит, пускай на йоту, но происходит уже преобразование человека. А подобное событие ой как тяжко каждому дастся. Поэтому-то строгость и щепетильность в отношении к смыслу каждого без исключения слова лишь представляется простою, тогда как на практике она потребует от человека полной собранности и полного внимания, во всяком случае на первых порах. Всё иное, конечно, будет легче, но и ценность его также будет в перспективе совсем небольшой. Или так: кто из нас дружен с подлинными смыслами слов, тот действительно разумен, а значит, действительно хорош и может даже стать доподлинно счастливым человеком. Почему? А потому, что сможет тогда жить в ладу с миром и с собой. А что мы знаем пока на практике? Или что мы знаем о сформулированной выше проблеме из самой нашей истории? Давайте вникать и разбираться в этом.

Почему словосочетание «люблю тебя» вместо «я люблю тебя» сулит нам благо?

«Ну, вот ещё новость! — воскликнет некто. Или, успокоившись, ещё также скажет: — сначала докажите сие, а потом уж и говорите». Что ж, и действительно надо объясниться. Когда мы говорим «я люблю тебя», мы невольно подчёркиваем или ставим во главу угла своё «я». То есть мы тем самым безотчётно выделяем именно себя, как бы сообщая, что «тебя» любит не кто-нибудь там, тебя люблю именно «я», и ты должен(на) хорошенько понимать и ценить именно это. С другой стороны, когда мы произносим словосочетание «люблю тебя», мы говорим просто о своём чувстве к кому-либо. В результате наше чувство совсем не омрачается нашим эгоизмом. Другими словами, сокращая мысль до её сути, мы тем самым и себя вполне упасаем от лишних тревог и обид в случае безответности. Почему? А потому, что мы любим тогда без избыточного мнения о самих себе. Или любим, уже самозабвенно. Впрочем, попробуем увидеть правоту сего речения и на многих других примерах. Для этого воспользуемся Словарём сочетаемости слов русского языка (М.: Астрель, АСТ, 2002).

Почему грамотно говорить не «подрыв авторитета», а «разоблачение иллюзии способности к убеждению»?

Многим из нас с ранних лет знакомо словосочетание «подрыв авторитета». Оно воспринимается весьма легко и мало кого смущает само по себе. Но если вдуматься всерьёз, то невольно закрадывается подозрение, что данное выражение не совсем, что ли, честно. Почему? А потому, что авторитет как *подлинная способность производить предполагаемое впечатление* либо имеет место быть в действительности как

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

нечто *устойчивое*, либо она на самом деле имеет не подлинный, или фиктивный, характер. В таком случае и выходит, что употребление словосочетания «подрыв авторитета» есть попытка сокрытия того факта, что вместо подлинного авторитета кто-то имеет лишь его видимость. В результате мы должны будем признать ту простую истину, что авторитет нигде и никогда «не подрывается», он лишь регулярно подтверждается подлинной способностью к убеждению либо в случае своей поддельности сам себя рано или поздно разоблачает. Кстати, подобной иллюзорной способностью весьма отличается нынешняя российская власть.

Почему агрессивный непременно неправый?

Слово «агрессивный» сплошь и рядом употребляется не к месту. Особенно этим грешат специалисты — психологи всех мастей и оттенков. Но почему вдруг? А потому, что они полагают наступательную энергию или экспрессию таковою. Тогда как агрессивность в сути своей есть яростное неприятие, но неприятие посягательств на веру в мнимое добро или благо. То есть агрессивный обычно имеет выраженную или высокую степень веры в некое заблуждение, например в собственную избранность. В результате он начинает резко атаковать нейтральное или презрительное отношение к символам его веры и производным от него. Тем самым агрессивный человек стихийно приходит в позицию лица, принуждающего других людей к тому, чтобы они разделили его превратное убеждение на некий счёт. С другой стороны, человек правый никогда не согласится с грешным проявлением и будет ему также противиться. При этом такое лицо вполне может напоминать агрессора, так как оно также будет энергично провозглашать им понимаемую истину и правду. Но подобное лицо никогда не станет насиловать и обма-

нывать других людей. Тогда как агрессор непременно станет прибегать к тому. Поэтому агрессивный человек — это очевидно неправый человек.

Почему прилагательное «аккуратный» употребляется порой неаккуратно?

Существует та признанная точка зрения, что слово «аккуратный» означает нечто точное, соблюдаемое в порядке и чистоте, выполняемое в срок. Но ведь в употреблении рассматриваемого слова есть противоречия. Какие именно? А такие, что в него часто вкладываются ещё значения «старательный», «тщательный». То есть слово «аккуратный» содержит в себе как нечто точное, так и нечто неточное. Почему же? А потому, что, например, слово «старательность» предполагает её всенепременно. Иначе говоря, слово «аккуратный», с одной стороны, ясно свидетельствует о точности чего-либо, с другой — лишь об усердии в чём-либо. Последнее же, как известно, может разниться степенью. В результате и выходит, что прилагательное «аккуратный» обозначает лишь старательно стремящегося к абсолютной точности. Поэтому-то правильно или верно говорить: «аккуратный человек», но ошибочно или неверно — «аккуратная работа». Почему так? А потому, что человек, пока жив, имеет шанс ещё более приблизиться к истине, тогда как работа — уже есть акт, зафиксированный его собственным смыслом или оценка «аккуратная» есть свидетельство её уже *окончательно* достигнутого состояния.

Почему русское сознание до сих пор не в ладах со словом «анализ»?

В Словаре сочетаемости слов русского языка выделенное в заголовке слово «анализ» имеет значения: изуче-

ние, исследование чего-либо с разных сторон; определение состава вещества. Казалось бы, всё ясно и хорошо. Но с сущностной точки зрения слово «анализ» всё же нечто больше того, что сформулировано выше, а именно: *анализ — это умозрительное действие, связанное с вычленением элементов объекта исследования, изучение их свойств, и последующее получение нового знания об объекте путём смысло-логического обобщения ранее полученных частных данных.* То есть сам смысл анализа не бывает вне смысло-логического обобщения получаемых частных данных об элементах целого, характеризующегося обретением нового знания о целом. В таком случае известное и как бы научное выражение «всесторонний анализ» есть свидетельство непонимания смысла используемого слова. Другими словами, анализ кого-чего-либо имеет место быть, или нет. При этом без *сущностного восприятия* смысла полученных предварительно составляющих невозможно надеяться и на получение общего достоверного результата. Иначе говоря, вне подробной смысловедческой подготовки всякий анализ будет заведомо уязвим в самой своей основе.

Слово «безопасность» как бич России начала XXI века

«Во даёт, — скажет автору некто, глядя на заголовок, и продолжит, — надо же такое придумать». Да, с обывательской точки зрения всё ровно так. С научной точки зрения *безопасность означает достижение и поддержание состояния доминирования где-либо, в чём-либо или среди кого-либо.* То есть хлопоты о безопасности — это хлопоты строго властные. Другое дело, что власть может пониматься как средство решения конкретных задач, а может как средство собственного господства ради него самого. Чем опасно для России увлечение проблемой безопасности? А тем, что через увлечение проблемой безопасности Россия может легко

не заметить собственного смещения в сторону превращения самой себя в агрессора. Почему же? Если безопасность становится во главу угла, то тогда под её нарочитое поддержание начинают подвёрстываться всё большие и большие ресурсы. На базе чего, в свою очередь, начинают возникать деспотические наклонности и привычки. В результате позиция выраженного борца за безопасность становится отчётливо уязвимой, так как он в жертву собственному страху начинает приносить всё, что только можно принести. Тем самым создаётся плохо различаемый, но всё равно очевидный перекос или зажим развития. Подобное положение дел не может не приводить к конфликту или к столкновению различных тенденций, с одной стороны, удержания уже имеющегося состояния, с другой — неуклонного развития уже наличного качества. Ну так уж устроена наша жизнь, что никому не дано ей перечить без последствий. Поэтому-то борьба России за собственную безопасность непременно в очередной раз завершится большими издержками. Тогда как разумно вовсе иное: необходимо искать не «сваво» господства над кем-чем-либо, на самом деле важно искать подлинного понимания себя и своих подлинных нужд.

Почему словосочетание «благородные металлы» порочно в своей сути?

«Откуда вдруг такое и почему? — возмутится некто и продолжит: — неужели нельзя без фокусов?» Да, обыватель российский также поддержит противника автора настоящего материала и, вероятно, посчитает предложенное в заголовке рассуждение просто шуткой. Но разве, например, злато не причастно к бедам человеческим? Да, золото, серебро и платина красивы сами по себе и легко сохраняют себя во всякой природной среде, не смешиваясь с нею. Но разве подобное

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

свойство и есть само благородство? Или неужели неукоснительное отделение самого себя редкого и красивого от других или другого и есть акт рождения подлинного блага? Да, в названных выше металлах наличествует великолепная игра света и цвета, в них ощущается приятная тяжесть, которая сама по себе чарует человека, придаёт ему ощущение *как бы* благого. Почему *как бы*? А потому, что сам человек при этом мало меняется в лучшую сторону. Иначе говоря, он лишь выявляет недра своей души, которая, как правило, склонна к страстному обожению собственных приятных чувствований. То есть злато как мерило всего лучшего в жизни человека, конечно же, есть страшная для его души обманка. Другими словами, истари злато заслоняет в сознании людей подлинное благо человека — *праведность и даже святость*. Именно названные металлы есть символ трагической подмены смысла человеческой жизни, приведения её содержания к торжеству идеи обожения человеком самого себя. Причём речь идёт прежде всего о власти одних над другими, и даже над душами этих других. То есть нет и не может быть в этом блага человека. Но кто-то яростно возразит, что сии металлы кормят, лечат, защищают человека, а значит, они дают ему всё самое существенное для его же жизни. Да, в сложившейся исторической традиции всё так. С другой стороны, они же порой становятся в душе человека и богом. Иначе говоря, они не терпят компромисса, а значит, либо понуждают всякого из нас полагать себя эталоном благородного начала, либо они же просто выбрасывают сомневающегося человека из среды своего тотального господства. Поэтому-то словосочетание «благородные металлы» есть на самом деле глубоко порочное суждение. Благодаря ему люди и теряли истари человеческое достоинство. Но как тогда их величать правильно? Вероятно так: золото, серебро и платина — это соблазняющие к греху человеческую душу металлы.

Почему словосочетание «реформы направлены на повышение благосостояния народа» есть фальшивое изречение?

Да, как и в предыдущем случае, мы имеем странное, а именно: внешне благое речение скрывает в себе самом подмену. Какую же именно? А такую, например, что даже само «повышение благосостояния» есть суждение глупое. Но сначала спросим сами себя: что есть такое благосостояние? Оно есть по словарю достаток, обеспеченность. С другой стороны, обладание значительными материальными ресурсами или богатством разве образует благо человека? Кто-то непременно скажет, что именно так, образует. Да, если человек в главном есть желудок, то тогда его благо — много разнообразной и вкусной еды. А если же говорить о его душе, которая может быть, например, злой, то тогда её благо — это преодоление зла в себе самой. И здесь много пищи и даже полная обеспеченность материальными средствами вряд ли уже помогут. Поэтому следует ясно понимать, что богатство само по себе не есть благо человека, а значит, этому понятию лишь нарочито присваивается чужой смысл. То есть запомним хорошенько, что благо никогда не повышается, а либо оно же приходит к человеку как его изменение в сторону праведного, либо нет. В заключение скажем, что правильное речение будет таким: реформы направлены на увеличение народного богатства. Почему богатства? А потому, что именно оно и может быть вполне конкретно увеличено (приращено).

О проблеме веры в добро и справедливость

Многие и многие люди верят в добро и справедливость. Но очень мало кто из них задумывается над тем обстоятельством, что вера сия в самой своей основе ущербна будет. Почему? Да потому, что, например, верить в добро как в конечное торжество низ-

ложения или умиротворения зла могут лишь наивные и неграмотные лица. О чём здесь идёт речь? Она идёт о том, что добро на самом деле со злом не борется. Оно либо возникает как особый смысл, либо не возникает как оный. То есть добро имеет в себе самом и опыт творения красоты правды, и творения разумной пользы, и преображения человека. Иначе говоря, оно есть огромный и очень разумный труд, но никак не дело. Почему? А потому, что дело всегда отчуждаемо от личности делателя, тогда как уже труд — никогда. Другими словами, трудящийся всегда сам себе аттестация, а делатель дела — лишь иногда совпадает с ним. Поэтому-то обретение добра есть труд, который позволяет всякому стать носителем такового. А верить в добро и не нужно вовсе, так как для всякого хотящего его оно не проблема будет. Аналогично разговор получится и в случае веры в справедливость. Сама справедливость как состояние беспристрастного восприятия кого-чего-либо, во-первых, невозможна, а во-вторых, и не нужна вовсе. Почему? А потому, что она попросту мертвит человека, делает его ко всему безучастным, ведь нельзя же всерьёз предполагать равную способность у человека в восприятии всех окружающих его явлений жизни, в том числе и внутренней. Поэтому вера в справедливость есть вера негодная. А что же взамен? Взамен необходимо верить в Бога, в Его милосердие и участие в жизни каждого. Впрочем, Его добро не сахар будет, оно совсем не бывает преходящим и приторным. То есть его решительное проникновение в человека означает необратимое изменение последнего к лучшему (праведному).

Возможно ли на самом деле воспитание в человеке чего-либо частного, или воспита- ние — это уже нечто целое?

В Словаре сочетаемости слов русского языка напротив слова *воспитывать* в числе прочего мы читаем такое:

растить, давая образование, обучая правилам поведения и т. п.; формировать образ мыслей, характер; развивать в ком-либо какие-либо черты, чувства; прививать, внушать кому-либо что-либо. Кроме этого, там же приведены как норма такие словосочетания: мать воспитала сына честным, трудолюбивым человеком; походы по местам боевой и трудовой славы помогают воспитывать в детях любовь к Родине; отец старался с детства воспитать у сына любовь к труду. Казалось бы, все хорошо и совсем даже неплохо. Но разве само воспитание есть лишь формирование некой отдельной склонности, разве оно может быть только узконаправленным? С одной стороны, а почему бы и нет? Но, с другой стороны, — не может действительно воспитанный человек иметь серьезные недостатки. Это почему вдруг так-то? А потому, что подобная нехватка или нехватка насущного человеку самообладания и делает его в мгновение ока уже невоспитанным. Поэтому и выходит, что воспитание все-таки сложнее понимаемого многими филологами станет. Иначе говоря, внутри воспитания имеется своего рода системообразующий центр, который и позволяет с гарантией удерживать вполне достойно всевозможное внешнее и даже внутреннее возмущающее воздействие. Но что он такое, в чем его суть? А это присущий всякому человеку от рождения талант или его ключевая способность, дающая ему устойчивость в жизни или, если хотите, дающая каждому из нас непреходящий смысл жизни. То есть обнаруживая свой талант, человек начинает всерьёз ценить собственную жизнь, начинает верить в ее осмысленность и нужность. Вот и выходит, что *воспитание — это инструмент пробуждения и развития таланта*. Поэтому и выходит, что истинно воспитанный человек живет осмысленно и достойно в целом, и совсем не нуждается в понукании и дрессировке. Все иное, конечно же, воспитанием никак не является.

Почему шутки со смыслом слова «выгодный» могут вести к нечестию?

Многие, прочитав заголовок заметки, вероятно, возопят: что такое? почему вдруг? неужели не ясно, что выгода бывает разная? А собственно, из-за чего сам сыр-бор? А вот из-за чего. В Словаре сочетаемости слов русского языка по рассматриваемому разделу читаем: «Вам нужно выбрать выгодный для такого разговора момент... Новые стихи молодого поэта выгодно отличаются от его первых стихотворных опытов». При этом там же читаем такое: «Выгодный — благоприятный, удачный, удобный по своим условиям». То есть авторы словаря весьма смело трактуют упомянутое слово как якобы совсем не имеющее нравственного оттенка или оттенка лукавства. Иначе говоря, получается, что в одном случае (когда речь идёт о выгадывании материальной прибыли) слово «выгода» всё-таки имеет аморальный оттенок, тогда как в других, когда речь не идёт напрямую о чём-то материальном, то оно уже становится как бы нейтральным. Но так ли это в самом деле? Представляется, что стремление к лишь отнесённой во времени и в пространстве материальной прибыли никак не становится от этого морально безупречным. Мы ведь все знаем, как корыстные люди выстраивают «в долгую» свои отношения с кем-либо, полагая в дальнейшем от этого вполне себе осязаемый вещественный гешефт. Другими словами, нет у слова *выгода* никакого исключения, а значит, его употребление всегда указывает либо на глупое, либо на корыстное. Точка.

Почему выражение «кто главный герой этого романа?» есть выражение неправильное?

«Вот еще новость, — скажет кто-то и продолжит: — видели умников, но таких еще не доводилось!» И в самом

деле: все и давно привыкли говорить так и не надо нас путать. Но давайте задумаемся: разве главное действующее лицо какого-либо романа обязательно отличается героизмом? Или сама постановка «кто главный герой?» не является ли странной, ведь среди подлинных героев разве существует табель о рангах (старшинстве)? Вот и выходит, что многое привычное не обязательно бывает правильным. С другой стороны, а кто и почему может считаться настоящим героем. Словарь сочетаемости слов русского языка дает следующее определение героя: человек, который совершил или совершает подвиг, подвиги. А уже сам подвиг там же устанавливается в свою очередь так: героический, самоотверженный поступок. То есть герой обязательно связан с поступком особого или выдающегося свойства. Вот и выходит, что главенства среди героев нет и быть-то совсем не может. Поэтому, если даже главное действующее лицо какого-либо романа и является одновременно ещё и истинным героем, то и другие персонажи этого художественного произведения, совершающие по воле автора выдающиеся поступки, не могут, логически рассуждая, считаться героями второго ряда. В результате и получается тот самый изначальный смысл, что совсем негоже полагать действующих лиц романа героями разной категории.

Теперь о выражении «Герой России». В Словаре сочетаемости слов русского языка названное выше словосочетание означает: почетное звание в Российской Федерации, высшая степень отличия за заслуги перед государством, связанные с совершением героического подвига, а также лицо, носящее это звание. Все вроде бы правильно, а значит, и хорошо. Но разве какое-либо героическое действие само по себе требует в свою очередь своего признания кем-либо извне, разве подобное признание не становится при этом в странную позицию подателя самого героического смысла? Иначе говоря, поступок определенного свойства разве нуждается в подтверждении самого себя со стороны? Другое дело,

если есть подозрение, что известного качества поступка и не было вовсе. Но тогда разговор идет не об оценке, разговор идет лишь о подтверждении самого факта героического события. В результате и выходит ровно то, что ежели некие полномочные властители признают чей-либо поступок как героический, то он вдруг становится не просто героическим, а героическим в смысле высшей героической категории. Но ведь ранее мы уже установили, что деление героизма по сортам есть глупость несусветная. Другое дело, что порой чье-то свершение кому-то представляется выгодным представить как самое значительное. Поэтому словосочетание «Герой России» лишь внешне выглядит гладко, тогда как в сути своей оно, конечно же, есть выражение неправильное. Другими словами, всякий настоящий герой никак не нуждается ни в каком смысловом приращении.

И еще. С сущностной точки зрения *герой — это носитель способности к со-*

вершению ясных и решительных поступков, основанной на знании правды, и доминирующий широко и типично через влияние, сравнимое с божественным, а героизм — это свойство носителя способности к... То есть подлинный герой как посланец Бога не нуждается ни в каком удостоверении себя в качестве такового. Иное же деяние (даже как государственное) есть деяние лукавое, а значит, и постыдное. А как же тогда поощрять мужественное поведение, скажем, у военных? А так, что тот или иной военнотружущий есть выдающийся военнотружущий, чье воинское деяние является значительным вкладом, например, в конкретную военную победу, и не более того. Если же он своим *самопожертвованием* спасает жизни своих боевых товарищей, то он автоматически становится героем, и ни в чем подтверждении этого смысла уже нуждаться не будет. А всякие назначенные свыше герои могут вполне и не быть таковыми по сути. Будем об этом твердо помнить.

Евгений Раевский

У НАДГРОБЬЯ ВЛАДИМИРУ ДАЛЮ

Спугнул кладбищенские тайны
Мой необузданный восторг,
Мне лик надгробья величальный
В глаза свет мудрости исторг.

Молчаньем в камень упираясь,
Перекрестив свой нервный взгляд,
Я подавлял в рассудке зависть —
Великим правду говорят.

Живой язык великорусский
Светил сквозь землю в мысль мою,
Я осознал на тропке узкой
Всё, чем творю и говорю.

Волненья сладостного смысла
Иль всплески гордости во мне...
Надгробья, строки, буквы, числа
Блистают музыкой извне.

Смятенье, грёзы и молитвы
Шептал я другу наугад
Под грусть кладбищенской палитры...
Великим правду говорят.

Комментарий редакции: ниже публикуются статья Е. С. Роговера, а также фрагмент из книги А. Миронова «Литературы лукавое лицо» (СПб.: Геликон Плюс, 2007). У многих знатоков русской классической литературы уже давно сложился устойчивый стереотип, что подобная литература отличается совершенством и не полагает собой какой-либо существенный вред для читателя. Однако если все-таки воспринимать её без поблажек, то весьма легко обнаружить, что в ней имеются *серьёзные расхождения с жизнью*. То есть, несмотря на очевидную выдающуюся одаренность соответствующих писателей, она «сеет» порой далеко не разумное, и далеко не вечное. Иначе говоря, она своими удивительными и чарующими многозначными формами очень даже ловко иногда прикрывает много недостойного и даже прискорбного. Поэтому только ясное понимание этой стороны классического наследия и позволяет всем нам не впадать в опасное обольщение от его ярких и завораживающих образов. Кроме того, оно позволит не создавать самим себе как непосредственно от чтения прославленных текстов, так и через многих толкователей литературы ложное представление о действительности, кое никогда и никого не научит ничему воистину ценному. Другими словами, не могут широко известные безупречные произведения литературы не оказывать благое влияние на нравы человечества. На деле же из века в век пока происходит нечто совсем иное: нравы сущностно скорее портятся, чем совершенствуются. То есть классическая литература выходит либо чем-то индифферентным к реальности, либо она все-таки исподволь как-то оказывает на нее не совсем благое влияние. Впрочем, в настоящей рубрике читатели смогут познакомиться с полярным отношением двух экспертов к одному и тому же произведению великого русского гения, смогут сами решить, что в ней хорошо, а что и не очень.

Е. С. Роговер

«МЁРТВЫЕ ДУШИ» Н. В. ГОГОЛЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Работа Гоголя над его гениальным творением продолжалась 17 лет: от первоначального замысла (1835) до последних деталей, внесённых писателем в текст перед самой смертью в 1852 году. Этот труд стал явлением непреходящего искусства.

Прежде всего, мастерство художника слова сказалось в *портретах* «поместных существователей». Построенные часто на принципе алогизма, они нередко отличаются гротескной диспропорцией или включают в своё описание ряд повторяющихся деталей, помогающих автору раскрыть своеобразие характера. Так, в описании Манилова доминирует сравнение с сахаром, которое распространяется на глаза (он имел «глаза, сладкие, как сахар»), улыбку, позу, жесты, манеру разговаривать, облик лица (он являл «в лице своём выражение

не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно»). В итоге наружность великолепно отражает и запечатлевает мёдоточивость, сентиментальность, праздную мечтательность, характерные для Манилова и людей подобного типа. Д. С. Лихачёв в одной из своих статей заметил, что «такою же сентиментальностью отличались отношения Бенкендорфа с Николаем I, отчасти напомилавшие отношения с Чичиковым, о которых мечтал Манилов (дружить, ездить в одной карете и пр.)». То же можно сказать и о дружбе Дубельта с Бенкендорфом, которая была вполне в духе маниловщины. Когда Бенкендорф уезжал за границу, Дубельт плакал и писал жене: «Ты знаешь, душенька, как я люблю моего графа, и Бог видит, что за каждый год его жизни я отдал бы год своей»¹.

Примечательно, что в своей графической сюите, посвященной гоголевским типам (1850-е гг.), П. М. Боклевский представил Манилова отдыхающим в полуденные часы. Мягкие валики софы располагают его к мечтательности. Расстегнув жилет и распустив галстук, отставив свой неизменный длинный чубук, Манилов, исполненный неги, предаётся своим фантазиям. Глаза превратились в узкие щелочки, сладкая улыбка пухлых губ и игривые кудри вполне дополняют сахарное выражение его округлого лица. У Манилова запрокинутая и склонённая набок голова. По всему видно, что он уносится в облака, испытывает «именины сердца» и прелесть «райского дня», мечтая о подземном ходе или каменном мосте, построенном над соседним прудом.

Великолепное мастерство проявил Гоголь, окружая героев поэмы тщательно подобранными *вещами*. Мир этих предметов оказывается столь же выразительным, как и портретная характеристика персонажа. Изображая Коробочку, писатель упоминает старинные маленькие зеркала «с темными рамками в виде свернувшихся листьев», за которыми заложены старая колода карт или чулок; стенные часы с нарисованными цветами, которые издают шипенье, затем хрипенье и, наконец, звуки, напоминающие удары палкой по разбитому горшку. Гоголь не забывает упомянуть «целый потоп перьев», наводнивший всю комнату, перины и подушки, пеньку, множество мух, пробудившихся на окнах, фляжку с фруктовой водой, «произведения домашней пекарни и стряпни». Подробно описывает писатель устройство чичиковской шкатулки с её ящичками, которая по ассоциации соотносится с самой Коробочкой. Этот детально воспроизведённый мир мелких предметов красноречиво рисует обмельчание человека, погружённого в накопление, стягивание, приобретение, грубую и унылую прозу и расчёт, обнажающие духовную скудость и патриархальную узорность «дубинноголовой» помещицы с выразительной фамилией.

Гоголь умеет уподобить своих персонажей *животным*, намеренно вводя описание последних. Вспомним, что главным достоянием Ноздрёва является псарня с обилием разнообразных собак, наделённых всевозможными кличками (припекай, касатка, награда, попечительница). Ноздрёв был «среди них совершенно как отец среди семейства». Это сравнение уравнивает Ноздрёва с собачьим миром так же, как Коробочка была соотнесена с бесчисленной птицей на её хозяйском дворе и как Собакевич будет уподоблен медведю средней величины.

В главе, посвящённой Собакевичу, читателя поражает гоголевское искусство *интерьера*. В доме этого помещика всё упористо, «без пошатки», в каком-то крепком и неуклюжем порядке, хотя и отмеченном уродливостью и безвкусицей. В описании интерьера господствует та же неуклюжесть, всё — «самого тяжелого и беспокойного свойства». Наиболее примечательным в описании убранства помещения становится удивительная похожесть мебели на медведебразного Собакевича. Каждый предмет в доме как бы говорит о своей предназначенности «для медведя»: «...и я тоже Собакевич! Или: и я тоже очень похож на Собакевича!» Об этом же, казалось, свидетельствуют и картины на стенах, и ореховое бюро на четырёх ногах, и громоздкий тяжёлый стол, имевший странное сходство с хозяином. Отсутствие души вполне компенсируется телесностью и неумеренным, гиперболическим насыщением желудка. Поэтому такую важную функцию в пятой главе выполняет *натюрморт*, представленный в сцене обеда у Собакевича и включающий огромный кусок няни из бараньего желудка, бараний бок с кашей, ватрушки (каждая больше тарелки), индюка ростом с теленка, набитого всяким добром. Такой же выразительностью отличается изображение мёртвой природы в «плюшкинской» главе, в особенности знаменитая куча, выросшая в углу комнаты и состоящая из хлама и бесполезных вещей. Она свидетельствует о нелепом накопительстве Плюшкина, не замечающего,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

как ценные припасы — хлеб, мука, сено, ткани — гниют и превращаются в пыль.

Тщательно продуманной оказывается и *речевая характеристика* каждого из названных персонажей; замечательно искусство диалога, представленное в каждой главе. Чичиков, например, говорит «ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует», как нужно беседовать с каждым из очень разных людей, чтобы очаровать своей деликатностью, подладиться под речь любого и, конечно же, добиться поставленной цели.

В шестой и одиннадцатой главах Гоголь демонстрирует мастерство *жизнеописания*, обстоятельного и исполненного смысла изложения биографии героя, будь то Плюшкин или Чичиков. При этом писатель вскрывает закономерность судьбы своих персонажей, неизбежность их падения и глубочайшую их типичность. Широкой распространённостью отличается и маниловщина, и плюшкинство, и чичиковщина, явления, глубоко обобщённые художником слова.

В описании губернского города и чиновничества Гоголь являет мастерство *групповой характеристики*, соединённой с блистательно воспроизведёнными индивидуальными портретами, в частности жеманных дам «просто приятных» и «приятных во всех отношениях». Параллельно с изображением мёртвых душ небокоптителей писатель раскрывает подлинно «живые души» крестьян, обречённых на крепостническое рабство, но сохранивших свою удаль, богатырство, талант, умения, способность без усталости трудиться и дорожить человеческим достоинством. Вставная новелла о капитане Копейкине обогащает наше представление о горестной судьбе народа.

Гоголь сумел ввести в структуру своей удивительной книги и многочисленные *лирические отступления* о «толстых» и «тонких», о двух типах писателей, о высокой миссии автора, о противоречиях жизни и годах юности. Эти мастерски введенные отступления обогащают эпическое полотно глубоким лиризмом и вместе с главами

второго тома существенно расширяют художественное пространство книги.

Писатель обнаружил мастерство в раскрытии *пейзажа*, передаче российских просторов. Лирическим пафосом исполнено отступление о дороге и птице-тройке, несущейся по ней, тройке, вырастающей в символ Руси, тоже устремляющейся вперёд с неудержимой силой.

Жанр гоголевского создания глубоко своеобразен. Книга имеет черты романа, дающего социальный срез общества и переданного прозой. Подыскивая видовое определение, можно говорить о *романе-путешествии*, захватывающем среднерусские губернии, о романе характеров и чертах плутовского романа, сравнимые с испанским романом Франциско Кеведо-и-Вильегас («История жизни пройдохи по имени дон Паблос», 1626) и английским романом Генри Филдинга («История Тома Джонса, найденыша», 1749)². Но перед нами и *поэма* с резко выраженным субъективным элементом, постоянным присутствием автора и его оценками, с разнообразными лирическими отступлениями и пафосом жизнеутверждения. Это творение, наделённое художественным совершенством формы, хотя и оказавшееся в силу ряда причин не завершённым.

Гоголевская книга оказала огромное воздействие на последующую литературу и различные виды искусства, в зеркалах которых она отражена с удивительным разнообразием. Следует упомянуть о цикле статей В. Г. Белинского, посвящённых «Мёртвым душам», о брошюре К. С. Аксакова «Похожения Чичикова, или “Мёртвые души”» (1842), где автор писал об эпически-мудром, спокойном созерцании действительности, свойственном гомеровской эпохе; нельзя не вспомнить работы Н. Чернышевского, подчеркивавшего типичность гоголевских героев: «Во Франции, как и всюду, есть свои Маниловы и Чичиковы... В Англии Чичиковы заняты биржевыми и фабричными проделками»³. М. Е. Салтыков-Щедрин в своих «Письмах к тетеньке» изображает Ноздрёва, став-

шего в новых исторических условиях редактором грязной реакционной газеты «Помои» и влиятельным политическим деятелем: «... трактиры посещает исключительно ради внутренней политики и обе бакенбарды содержит одинаковой пушистости». По Щедрину, благоденствует и Собакевич. Он «по смерти Феодулии Ивановны воспользовался её имением и женился на Коробочке с тем, чтоб и её имением воспользоваться»⁴. В «Круглом годе» Щедрина оживает и Чичиков, ставший модным адвокатом, а «В среде умеренности и аккуратности» у Чичикова появляется сын, тоже адвокат, носящий фамилию Подковыркин-Клещ. В «Губернских очерках» того же писателя Порфирий Петрович своей «низою души» во многом напоминает бессмертного Чичикова.

В XX столетии И. Анненский помещит в свою «Книгу отражений» рассуждение о живучем Чичикове с «его несокрушимой, стяжательской крепостью, ... чисто зоологической приспособляемостью»⁵. А. Белый в блестящей книге «Мастерство Гоголя» обратит внимание на искусство сюжетного построения «Мёртвых душ», где «сцены, как кольца, надеты на дорожную линию и, как кольца, легко снимаемы»⁶. В своих «Лекциях по русской литературе» Владимир Набоков высказал интересные соображения об атрибутах персонажей поэмы, которые «помогают им кругообразно распространяться в самые дальние пределы книги»⁷. В 1931 году свои стихи «Гражданин Чичиков» Павел Антокольский посвятил неумирающему гоголевскому герою, который живёт и в условиях советского времени:

Не от казенных пирогов ли
Жирея так, что нету глаз,
В глубоких недрах госторговли
Сия зараза завелась⁸.

Говоря об искусстве, назовём прежде всего *графику*. Отдельные образы «Мёртвых душ» нашли запечатление в рисунках П. Федотова. Таков, например, его графический лист «Взяточник», изображающий вручение обязательного подношения чиновнику, ко-

торый принимает деньги, не глядя на них, но отлично зная, что ему подсовывают. Рисунок не является иллюстрацией к поэме, но навеян ею и напоминает сцену, в которой участвует дающий Чичиков и берущий чиновник Кувшинное Рыло. Последний тоже «совершенно не заметил» бумажку и «накрыл тотчас её книгой».

Великолепную серию иллюстраций к поэме создал А. Агин, выпустив книгу «Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя “Мёртвые души”» (1846). Образы писателя предстали на языке графического искусства. При жизни Агина и гравёра его рисунков Ефима Бернардовского вышли, правда, только 72 иллюстрации, но позже, в 1893 году, были опубликованы уже 104 рисунка. В центре внимания двух художников оказались основные типы гоголевской поэмы, показанные в действии и в различных жизненных ситуациях. Тут и медвежья поступь Собакевича, лишённого шеи, и вытянутая фигура его Феодулии Ивановны, перед которой угодливо склоняется обтекаемый Чичиков, держа в руке цилиндр. Здесь и круглолицый, с высоко поднятыми бровями и одной бакенбардой Ноздрёв, предлагающий Чичикову свою шарманку. Далее — лишённый признаков пола Плюшкин, явно поражённый предложением Павла Ивановича или протягивающий дрожащие руки с полученными деньгами. Затем — Чичиков, лишённый обаяния и привлекательной внешности, то пляшущий, забыв свою степенность, то расшаркивающийся перед Председателем. Все эти образы исключительно выразительны, психологически достоверны. Они часто гротескны (особенно это относится к канцелярским «крысам»), но в карикатуру не впадают. Рисунки связаны и сюжетно, и стилистически: объединяет их сатирический пафос иллюстраторов. Высоко оценил эти гравюры Валериан Майков, особо отметив великолепную технику торцового гравюра Е. Бернардовского. Позже иллюстрации к поэме создавали уже упоминавшийся П. Боклевский, П. Соколов, С. Коровин, А. Лаптев.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

«Мёртвые души» были представлены и на сцене русского *театра*. Первая их инсценировка была осуществлена в 1842 году, когда литератор Куликов выделил «Комические сцены из новой поэмы “Мёртвые души”» и они были тогда же разыграны в Александринском театре. Ставили поэму и в петроградском Театре им. В. Ф. Комиссаржевской (реж. В. Г. Сахновский).

Значительным событием в истории драматургии и театра стала *инсценировка* «Мёртвых душ», выполненная М. Булгаковым. Она сменила те 160 неудачных инсценировок, которые были выполнены до автора «Дней Турбиных». Булгаков отказался от драматизации отдельных фрагментов и от воспроизведения всего плана поэмы. Он создал самостоятельную, оригинальную пьесу со своим сюжетом и внутренним действием. Пьеса состояла из четырёх актов и одиннадцати картин. Чтец «от автора» вводил зрителей в суть происходящего, и вечер у губернатора открывал представление. Далее шли сцены у Манилова, Собакевича, Плюшкина, Ноздрёва, Коробочки (как видим, гоголевская последовательность была нарушена). После возвращения Чичикова в город проходил бал у губернатора, когда апогей славы героя сменялся его катастрофой. В четвёртом акте Чичикова арестовывают и он оказывается в тюрьме, из которой ловко вывертывается, дав взятку полицейским чинам. К. Паустовский справедливо назвал булгаковскую инсценировку великолепной, отметив её горький смех над несовершенством людского общества и человеческих отношений.

По этой инсценировке в Московском Художественном театре в 1932 году был показан интереснейший спектакль, в котором играли Топорков (Чичиков), Москвин (Ноздрёв), Тарханов (Собакевич), Леонидов (Плюшкин), Кедров (Манилов), Станицын (губернатор), Подгорный (прокурор) и другие выдающиеся мастера МХАТа. Режиссёром спектакля был В. Г. Сахновский, сценографом — В. А. Симов (ему отлично удались декорации комнаты

Манилова с амурами в виде статуэток в голубовато-розоватых тонах и диванными подушками в форме сердец). Театр отдал на подготовку этого спектакля около трёх лет⁹. Особая трудность состояла в том, чтобы передать динамичное действие в сценах, отличающихся принципиальной бездейственностью, как в случае с эпизодом, изображающим Манилова. Но блестящая игра актеров преодолела эту преграду.

В 1934 году М. Булгаков создаёт и *киносценарий* «Мёртвые души». Воплотить его на *экране* должен был И. Пырьев. Обоим мастерам предстояло существенно перестроить инсценировку, чтобы события пьесы были увиденны глазами современного человека и чтобы были использованы технические и эстетические возможности кино. Необходима была сжатая фабула, заманчивая завязка и оглушительная развязка. Понадобились три редакции киносценария, чтобы он приобрел разработанность кинообразов, внутреннюю связанность, органичность развития действия и был одобрен соответствующими органами. Оформителем фильма должен был стать Н. П. Акимов, композитором — Д. Д. Шостакович, образ Плюшкина обещал играть В. Э. Мейерхольд, роль Ноздрёва — Н. П. Охлопков, Манилова — Ю. А. Завадский. Фильм обещал быть очень интересным во многих отношениях, но он не состоялся. И. Пырьев объяснял это влиянием статьи «Правды» «Сумбур вместо музыки», после которой он отказался от воплощения фильма¹⁰. Лишь много позже на плёнку был снят спектакль МХАТа, а *телевизионный вариант* «Мёртвых душ» осуществил по своему сценарию в 1960 году Л. Трауберг.

Вновь к графической интерпретации «Мёртвых душ» обратился художник-иллюстратор. На этот раз им стал М. Шагал. В 1923–1925 годах он выполнил по заказу известного французского маршана 96 страничных *иллюстраций* в технике офорта, акватинты и сухой иглы. Эти иллюстрации великий живописец подарил Третьяковской галерее. Из печати они вышли в Париже лишь в 1948 году. На одной из первых иллюстраций был изображен

губернский город, широко развёрнутый на плоскости листа. В своих оформлениях Шагал использовал и графический, и живописный стиль, отчего в рисунках рядом с резкими штрихами появляются белые и черные пятна краски. Имея значительный театральный опыт, художник выстраивает интересные мизансцены, применяет весёлую клоунату, использует некоторые приёмы театра В. Мейерхольда. Гоголевские образы приходят в движение, освобождаясь от статики, жестикулируют, хотя выглядят отчасти марионеточными. Художник передал в этих иллюстрациях свою ностальгическую тоску по России, которую всегда любил, но которую после революции вынужден был покинуть. К числу наиболее удачных листов следует отнести изображение Собакевича и капитана Копейкина.

В семидесятые годы «Мёртвые души» оказались претворёнными в *оперном искусстве*. Крупное и талантливое произведение в этом жанре создал Родион Щедрин. 7 июня 1977 года премьеры его оперы была осуществлена на сцене Большого театра в Москве. Она стала значительным вкладом в музыкальную гоголиану. Идейным центром оперы стал образ дороги, эпический и лирический одновременно, напоминающий о раздолье Руси и резко контрастный по отношению к поступкам Чичикова. В произведении прослеживается поэтическая линия, связанная с пейзажем страны, и линия сатирическая, вобравшая в себя ряд индивидуальных и групповых образов, наделённых гротеском. Композитору удалось найти яркие музыкальные краски для воплощения этих разнохарактерных портретов. Р. Щедрин создал оперу на основе собственного либретто, проявив бережное отношение к тексту поэмы. Большой выразительностью отличаются музыкальные монологи (Чичикова), диалогические (Чичиков и Петух), ансамблевые (чиновники) и хоровые сцены, основанные на песенном мелосе (народные образы). Как писал в своём отклике Арно Бабаджанян, «большая “полнометражная” опера в трёх актах смотрится и слушается

с неослабевающим интересом. Разнообразие, насыщенность, выразительность, я бы сказал, остроумие музыки, музыкально-драматургическое мастерство, с каким композитор проникает в самую суть гоголевской поэмы, позволили авторам спектакля воссоздать резкий контраст между затхлым миром чичиковых, маниловых <...> и Россией народной, страдающей, чистой, великой духом»¹¹.

Вскоре опера Р. Щедрина была поставлена в Мариинском театре Ленинграда и в театре имени Яначека в чехословацком городе Брно, где имела заслуженный успех. Можно было бы обратиться и к другим зеркальным отражениям гоголевской поэмы в искусстве (интересному спектаклю Театра им. В. Маяковского в Москве), но объём статьи не позволяет сделать этого. Очевидно одно: поэма Н. В. Гоголя продолжает жить своей неумирающей жизнью, по-прежнему радуя благодарных слушателей и зрителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лихачёв Д. С. Социальные корни типа Манилова // Проблемы теории и истории литературы: Сб. статей... — М.: МГУ, 1971. С. 304.
2. См.: Егоров И. В. «Мёртвые души» и жанр плутовского романа // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1978. Т. 37. № 1. С. 31—36.
3. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. — М., 1947. Т. 3. С. 83.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 12 т. — М., 1951. Т. 9. С. 269, 331.
5. Анненский Иннокентий. Книга отражений. — М.: Наука, 1979. С. 228.
6. Белый А. Мастерство Гоголя. — М.; Л., 1934. С. 24.
7. Набоков Владимир. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. — М.: Независимая газета, 2001. С. 90.
8. Антокольский Павел. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. пис., 1982. С. 146.
9. Данилов С. Гоголь и театр. — Л.: Худ. лит., 1936. С. 267—269.
10. Пырьев И. О прошлом и пережитом // Москва. — 1978. № 1. С. 126.
11. Бабаджанян А. Окрылённость классикой // Комс. правда. — 1977. 30 июня.

«МЁРТВЫЕ ДУШИ» Н. В. ГОГОЛЯ — ЕДКИЙ МИФ О РУССКОЙ ДОЛЕ

(фрагмент из книги «Литературы лукавое лицо»)

Я прошу тебя, читатель, поправить меня.

Н. В. Гоголь.

Из вступления в поэму «Мёртвые души»

«Но почему вдруг “едкий миф о русской доле”? — скажет некий читатель настоящего очерка. «А потому, — ответит его автор, — что само название поэмы содержит в себе нечто разъедающее само русское бытие». В пользу сформулированной претензии говорят слова М. П. Погодина, адресованные им Н. В. Гоголю в письме от 6 мая 1847 года: “Мёртвых душ” в русском языке нет. Есть души ревизские, приписные, убылые, прибылые». Впрочем, кто-то, возможно, возразит, что русский писатель на самом деле имел в виду героев своего повествования, а значит, и претензий к названию поэмы и быть не должно. Да, с последним пониманием весьма трудно не согласиться, однако ж Павел Иванович Чичиков вместо бытовавших убылых душ вдруг зачем-то скупает мёртвые. Иначе говоря, использованное Н. В. Гоголем «умрачение» («утяжеление») смысла известного юридического понятия «убылые души», видимо, совсем незаметно для него самого вошло и в другие смыслы рассматриваемого литературного произведения. Кстати, если речь идёт о душе всерьёз, то она, как известно, смерти не подвластна. В противном случае, то есть в ситуации непризнания самого факта её существования уже сам разговор о её же умирании также, очевидно, неуместен будет. С другой стороны, а почему речь в очерке идёт о доле? А потому, что участь или судьба в доле выражена грустным смысловым оттенком. Поэто-

му-то следует вспомнить, как говорится, к месту слова самого Н. В. Гоголя: «...надобно смотреть на вещь в её основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую из неё сделали». Но если вдруг карикатуру выдают за основание, за самое что ни на есть исходное? Что ж тогда? А может быть, искренний русский взгляд на само русское начало иным и не бывает, а значит, в поэме и в самом деле нечто сущностное, а не наведённое? Но в таком случае выходит, что для русского автора объективное описание самого себя и вовсе заказано? Странно сие будет, похоже прямо-таки на колдовское действие какое-то. Тем более, что высказывание А. С. Пушкина после знакомства с первыми главами поэмы «Боже, как грустна наша Россия!» вполне попадают в сформулированное выше подозрение. Другими словами, даже Пушкин оказывается не в состоянии отличить яркий вымысел от действительности. Но почему? Видимо, в данном случае сказался удивительный дар Н. В. Гоголя, его умение удовлетворять наклонностям всякого русского человека, его же чувству изящного. Да и в самом деле, разве знаменательные слова автора поэмы «И долго ещё определено мне чудной властью идти об руку с своими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать её сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слёзы» не подтверждают ли с лихвою сделанно-

го выше предположения? Впрочем, приступим к прочтению бессмертной поэмы русского гения.

Что привлекает наше внимание прежде всего? А то, что главный герой поэмы Чичиков Павел Иванович, как путешествующее по России лицо, ставит во главу угла установление приятельских отношений со всеми властными чинами губернского города N, в который он только что успел заехать. При этом смущает следующее обстоятельство: «О себе приезжий (речь идёт о Чичикове. — *Авт.*), как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностью, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначущий червь мира сего и недостойн того, чтобы много о нём заботились, что испытал много на веку своём, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать наконец место для жительства, и что, прибывши в этот город, почёл за неперменный долг засвидетельствовать своё почтение первым его сановникам». Странно читать подобное. Видимо, Н. В. Гоголь несколько и сам впал в своего рода маниловщину, так как без опыта и лишь умозрительно проделал вместе со своим героем весьма непростой путь знакомства с губернскими властями. Почему так? Да потому, что подлинные власти на то и власти, что с приезжим незнакомцем поведут себя, знамо, несколько отлично от того, как это описано было Н. В. Гоголем. Иначе говоря, входить запросто в приятельские отношения с совсем посторонним человеком без убедительных с его стороны аттестаций и рекомендаций они вряд ли где будут, хотя бы из соображений собственной безопасности. Теперь, уже самые первые расспросы, учинённые Чичиковым на балу у губернатора, в отношении состояния имений бывших там помещиков Манилова и Собакевича не могли бы не удивить председателя местной палаты и почтмейстера. Особенно это при-

влекло бы их внимание с учётом выказанной Чичиковым ранее по отношению уже к ним самим вежливости и учтивости, а также заметной скромности в рассказах им о себе самом. Поэтому-то начало поэмы отдаёт явной стилизацией под анекдот, страдает упрощением реалий подлинной российской жизни, в которой власти без наведения твёрдых справок бросаться в приятельство с первым встречным ни за что не станут. Теперь следующее замечание. Н. В. Гоголь, характеризуя Чичикова, говорит о нём так: «О чём бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его... Но замечательно, что он всё это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники были довольны приездом нового лица». Странно это, ведь ранее сам Чичиков говорил о себе, что он «претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его». В таком случае всякий опытный сановник непременно задумался бы над тем, что Чичиков, видимо, опасное лицо, так как очевидно фальшиво представлял самого себя новому начальству. И даже его маскировка своего прошлого якобы гонениями за правду никак не спасала его от подозрения, так как он невольно становился в таком случае либо неким подобием карбонария, либо явно лицом с мошенническим душком. С другой стороны, уже проявленные способности главного действующего лица поэмы почему-то не привели его ранее к вполне закономерным чинам и к соответствующему им качеству материального состояния. Иначе говоря, он как будто «сваливается» в губернский город в ореоле выдающихся достоинств или свойств, которые по всему не могли уже ранее не «отлиться» в его твёрдое и заметное социальное положение. Поэтому-то весь «заход» героя поэмы в губернский город N представлен её автором явно искажённо в сравнении с тем, как бы он мог осуще-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ствиться в реальности, что, впрочем, могло бы стать уже препятствием всему авторскому замыслу. Иначе говоря, автор вынужден был выдумывать начало, дабы получить возможность для изложения задуманного им продолжения.

Но перейдём к первому из заметно или выпукло представленных сюжетов — визиту Чичикова к помещику Манилову. Что прежде всего привлекает внимание в описании Гоголем последнего? Манилов выглядит весьма меланхолическим и праздным человеком, который пребывает в неких высокопарных мечтаниях. Причём сам характер последних поисков сильно отдаёт легкомыслием. Вместе с тем Манилов с супругой уже более восьми лет сохраняют друг к другу вполне трепетные любовные чувства, над которыми автор зачем-то несколько подтрунивает. А зря! Иначе говоря, ему самому, видимо, непонятно было сие странное сочетание очевидно пустого с одной стороны и вполне наполненного — с другой. Впрочем, в подлинной жизни подобный мечтатель вряд ли сможет сохранять трепетное чувство к собственной жене, чего великий писатель как бы и не осознаёт вовсе. Даже если в поэме описана лишь имитация теплых семейных чувств, то и она в жизни вряд ли возможна. То есть Н. В. Гоголь на самом деле лишь «конструирует» образ Манилова из несовместимых компонентов, кои в реальности по отдельности, с одной стороны, удручают, с другой — вызывают уважение и даже удивление за своей очевидной редкостью. В результате помещик Манилов представляет собою скорее яркую карикатуру, чем подлинное лицо. Но сам обман писателя обнаруживается нелегко, ведь он как бы стремится к объективности или показывает своего героя вроде бы объёмно. Но, с другой стороны, не всякое соединение чего-то отрицательного с чем-то положительным убедительно будет. Кроме этого, удивляет также совершенно детская реакция помещика Манилова, вполне образованного человека, на попытку скупки у него глав-

ным героем поэмы «убылых душ», называемых ещё при этом зачем-то мёртвыми. Другими словами, предложение скупки его казённых долговых обязательств вдруг вводит его в совершенное замешательство, чего в реальности быть никак не могло. А его финальный вопрос о законности сей негодии (затеи) и вовсе производит впечатление насмешки автора поэмы над своим читателем. Тогда как в жизни невыдуманной его, возможно, заинтересовал бы только своего рода коэффициент рентабельности всего замысла Чичикова, дабы он мог понимать степень своего возможного выигрыша от участия в этом деле. В противном случае перед читателем в лице Манилова является совсем невменяемое лицо или человек явно недееспособный. Кстати, нечто подобное происходит и в сцене покупки Чичиковым душ у помещицы Коробочки, которая волею автора поэмы предстаёт перед читателем совсем необразованной и глупой женщиной. Что здесь сказать? Ну не может помещик в России быть настолько глупым, насколько сие представлено Н. В. Гоголем. Возвращаясь к Манилову, следует твёрдо заметить, что он собою образует лишь явно нереальное лицо, не могущее не вызывать досады на автора поэмы за попытку употребить наличный художественский дар понапрасну и даже во вред всей читающей публике. Последняя, соблазнившись неправдою как правдой, как раз и попадает волею писателя впросак. Другими словами, впечатлительный читатель помимо своей воли начинает вдруг верить в существование того, кого ни при каких условиях быть-то и не может вовсе. «Ну и что тут такого? — скажет некто и продолжит: — В таком случае и горевать-то не о чем будет». Так-то оно так, но, с другой стороны, след-то в душе — привычка жить неправдой как правдой всё-таки возникнет и даже начнёт оказывать своё прискорбное действие в подлинной жизни, в которой уже шутки с ложью плохо будут. Поэтому вера, по словам пословицы «ни в городе Богдан, ни в селе Селифан», есть вера

печальная, ведь на самом деле она есть лишь опасное для всякого легкомыслие. Теперь ещё о покупке мёртвых душ Чичиковым у Манилова. Неужели всерьёз можно говорить о купчей с нулевой ценой? Видимо, Н. В. Гоголь оказался опять вне знания дел практических. Иначе говоря, купчая без подходящей конкретному случаю цены выглядит явно подозрительно, а значит, она не может не побудить неизбежных в таком деле третьих лиц насчёт необходимости проверки добросовестности самой предполагаемой сделки господ Манилова и Чичикова. Поэтому поведение как Манилова, так и Чичикова в момент обсуждения купчей выглядит совсем неубедительно. Ведь они были просто обречены огоривать цену всякой конкретной продаваемой и покупаемой души, которую и указали бы затем в момент совершения купчей крепости. Кстати, тогда все глупые реакции Манилова на предложение Чичикова Н. В. Гоголю пришлось бы неизбежно изымать из текста поэмы. Далее некоторые аналогичные изложенным до того соображения о покупке Чичиковым восемнадцати «убылых душ» помещицы Коробочки за пятнадцать рублей. Что смущает в последнем дельце главного героя? А то смущает, что подобная купчая посредством доверенного лица не могла также не вызвать у названного выше стороннего участника сделки вопросов, ведь та же Коробочка даже особ женского пола продавала каждую «по сту рублей», а значит, в рассматриваемой сделке был бы сразу заметен мошеннический подтекст. Поэтому-то само описание состоявшегося между Чичиковым и Коробочкой договора выглядит также совсем неубедительно. В другой же сцене — в сцене общения Чичикова с помещиком Ноздрёвым Н. В. Гоголь, как будто спохватившись, указывает уже на меры безопасности для героя поэмы: «Чичиков никак не хотел заговорить с Ноздрёвым при зяте насчёт главного предмета (читай “мёртвых душ”». — *Авт.*). Всё-таки зять был человек посторонний, а предмет требовал уединённого и дружеского раз-

говора». Тут же сразу всплывает совершенно естественный для всякого вменяемого русского человека вопрос о возможности применения «убылых душ». То есть Ноздрёв, в отличие, скажем, от Манилова, уже открыто спрашивает у Чичикова о цели покупки им у него названных выше душ. Иначе говоря, подлинный русский мошенник, в отличие от измышленного Гоголем, действовал бы более продуманно. Например, он постарался как бы спонтанно ставить вопрос о переводе на своё имя, скажем, в счёт погашения собственного же денежного (карточного) долга конкретным лицам из числа владельцев большого числа названного выше предмета. Почему? Да потому, что при таком раскладе, во-первых, никто бы не задумывался насчёт какого-либо тайного применения «убылых душ», а значит, и не пытался бы препятствовать либо конкурировать, во-вторых, всякий понимал бы ясно и свою выгоду (погашение долга), и выгоду инициатора сделки, который брал на себя чужую налоговую обязанность, но, как говорится, обязанность, разнесённую уже во времени и пространстве на вполне посильные к выплате части. Через приведённое выше сравнение поведения Чичикова и потенциально-го российского мошенника усматривается заметная наивность и легкомыслие Н. В. Гоголя, который, моделируя на бумаге слабую сюжетную затею А. С. Пушкина, на самом деле плохо знал и понимал подлинную жизнь России. Другими словами, угадывая и прекрасно живописуя достоверную российскую жизнь лишь отчасти, великий русский писатель в целом нарисовал в поэме *лживый* образ Отечества, в котором действуют не просто банальные грешные персонажи, но действуют герои с явно ослабленной умственной способностью. Впрочем, уже Собакевич как будто в оправдание автора поэмы предлагает Чичикову купить его «убылые души» «по сту рублей за штуку». Тем самым он чётко сообщает инициатору мошеннического плана, что вполне понимает его подоплёку

и готов вести дело всерьёз. С другой стороны, далее названный персонаж вроде бы заметно глупеет, как говорится, «на глазах у изумлённой публики». Почему? Да потому, что начинает вдруг рассуждать о форме дела прямо как о содержании его. В частности, совершенно изумляют его речи об умерших уже крестьянах как о живых. Но, как оказывается впоследствии, Собакевич лишь славно «играет дурака», а на самом деле пытается вытащить из Чичикова всё, что только возможно. При этом он даже пытается шантажировать главного героя поэмы: «Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и расскажи я или кто иной — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обстоятельства». То есть Собакевич ясно заявляет Чичикову, что тот нечист на руку и что иметь с ним успешно дело не всякому по плечу. Тем самым Собакевич как бы намекает, что готов и сам ради выгоды замараться нравственно. Казалось бы, после такого заявления уже битый ранее жизнью Чичиков должен был бы свести весь затеянный им разговор в шутку, но нет. Он волею автора поэмы как будто специально входит в будущие для себя же неприятности. Впрочем, оставим в стороне Собакевича и перейдём к помещику Плюшкину. В связи с последним Н. В. Гоголь говорит о народном русском слове: «...но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». Последнее наблюдение писателя рождено было, в свою очередь, очень меткой народной характеристикой, данной помещику Плюшкину крепостным крестьянином Собакевича (речь о кличке «заплатанной»). Вновь перед нами выдуманная фигура. Почему же так? Да потому, что в реальности ей, очевидно, нет места, она с нею просто никогда не сопряжётся, или не может большое хозяйство

сохраняться в природе сколько-нибудь продолжительно под началом подобного колоритного персонажа. Иначе говоря, само естественное положение в хозяйстве центрального лица обязывает всякого так или иначе соответствовать ему либо оно же устраняет его. Но почему вдруг так нехороши герои Н. В. Гоголя? Неужели таков совокупный лик русского человека? Что мешает великому писателю явить читателю иное? А вот что или вот какое убеждение его: «Но не таков удел (речь идёт о славе поэта. — *Авт.*) и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу всё, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи!.. Не признаёт сего современный суд и всё обратит в упрёк и поношение непризнанному писателю; без разделения, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствует он своё одиночество». Что ж, пафос автора поэмы вполне понятен. Другое дело, что дерзание «неумолимого резца» писателя есть и его же печаль. Но почему вдруг? Да потому, что «выпукло и ярко на всенародные очи» им выставляется лишь неприглядное в лицах человеческих, тогда как в реальности ни Маниловых, ни Коробочек, ни Ноздрёвых, ни Собакевичей, ни Плюшкиных и нет вовсе. И снова то же — почему? Да потому, что в подлинной жизни всё несколько иначе выглядит или в ней нет «высокого восторженного смеха», достойного быть в ряду с «высоким лирическим движеньем». А что ж есть в ней? В реальности господствует целесообразность, как осознаваемая, так и не очень. В ней нет ничего неразумного как такового, в ней всё и всем вполне определяется. Иначе говоря, в жизни

всё предельно конкретно и предельно обоснованно. Другое дело, что описывать подобное ой как не просто будет. Зато и узнаваемость либо достоверность сего начинания дорогого стоит будет. И ещё. В честном описании реального действия неизбежно придётся обобщать многое, но это обобщение не должно противоречить всему описываемому действию как чему-то целому. Другими словами, только умозрительное обобщение, поглощающее собою любые детали рассматриваемого автором действия, сможет стать *подлинной художественной ценностью*. Кстати, последнее непременно будет защищать собою всякий наличный человеческий характер или лицо. Иначе говоря, в природе мира нет совершенно виновных или совершенно безвинных, в ней есть общая печаль и такая же общая радость, которые, впрочем, разнесены часто и много во времени и пространстве. В результате лишь подлинный художник (писатель или поэт) как представитель истинно *новозаветной* культуры способен умозрительно схватить и явить своему зрителю (читателю) вполне точно обобщающую суть всякой человеческой жизни. Всё иное будет согрешать и всегда рано или поздно распознаваться как нечто лукавое. Например, в сцене свершения купчей крепости у председателя палаты её участники, в частности Собакевич, уже посвящённый в подоплёку намерения Чичикова насчёт скупки душ и, видимо, под действием острого желания видеть конфуз главного героя поэмы, допускает комментарий, вполне ведущий к возникновению подозрений в отношении Чичикова. То есть Собакевич, получив от Чичикова некоторую выгоду, всё же хотел, вероятно, от обиды за выраженное ему со стороны негодянта недоверие поставить его в необходимость раскрытия или в необходимость придания огласки подлинной цели приобретения им именно «убылых душ». Иначе говоря, в России так (как у Н. В. Гоголя) дела никогда не делаются, а именно: либо полностью доверяешь компаньону смысл предполагаемой затеи, либо вершишь

её так, чтобы другие участники ни в чём не смогли бы тебя заподозрить. И снова уже поднадоевший вопрос: почему? Да потому, что по-другому всё выйдет наружу и выйдет как бы само собой, невзначай. О чём в России всякий доподлинно знает, а значит, даже преступные дела русские мошенники ведут чаще всего артельно. Неудобно сие? Да, неудобно это, ведь в таком случае придётся делиться. А что делать, но такова уж не придуманная жизнь в матушке Руси. Поэтому-то слова Ноздрёва, сказанные им на балу у губернатора публично прямо в лицо Чичикова: «Уж ты, брат, ты, ты... я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мёртвые души», как нельзя лучше сформулированное наблюдение, которое ни обойти, ни обещать никому не дано будет. Тогда как Н. В. Гоголь зачем-то всё же пускается в своей поэме в эту игру «в поддавки», в результате чего и выводит через неё не Россию, а лишь опрятную или даже изящную карикатуру на неё. Казалось бы, и что из того самого страшного, чтобы так уж убиваться-то? А то, что всё фальшивое, но притягательное очень даже повреждает собою всякого внимающего ему, делает самого наблюдателя едким или делает его беспричинно язвительным. И опять же вопросим: почему? Да потому, что эстетически выраженное зло действует вполне заразительно и устоять перед его обаянием бывает ой как не просто. В результате всякий читатель, уверовавший хотя бы чуть-чуть в реальность событий внутри рассматриваемой поэмы, запросто бы усвоил себе в привычку думать рассеянно, а значит, попусту или неудачно. Впрочем, вернёмся к сюжету поэмы, в котором Н. В. Гоголь вновь удивляет своей неудержимой фантазией в связи с визитом в город помещицы Коробочки. Последняя как раз и придала известному слуху о покупке Чичиковым мёртвых душ вполне устойчивый и массовый для горожан характер. Но что, в свою очередь, делает по проверке его губернская власть? Начинает сама себя

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

же замораживать, выслушивая призванного ею же на допрос помещика Ноздрёва, которому заранее не верит ни на грош. Казалось бы, установи, живы ли крепостные Собакевича, а именно: каретник Михеев, плотник Пробка Степан, кирпичник Милушкин, сапожник Телятников Максим, о продаже которых во время свершения купчей крепости слышал сам председатель палаты, и дело с концом. Но нет, ничего подобного не делается. Вместо этого «выплывает» история капитана Копейкина, сбежавшего из ссылки Наполеона и прочая невиданная доселе выдумка. Кроме того, ежели иметь в виду назначение нового генерал-губернатора и получение из столицы двух розсыжных бумаг вполне себе серьёзного содержания, то также странным выглядит поведение начальства, которое не спешит допросить, как говорится, с пристрастием самого Чичикова, очевидно уже находящегося у него на подозрении. Даже складывается впечатление, что они страшно его боятся как тайного шпиона центральной власти. Но тогда совсем непонятно, почему они так слепо изначально ему доверялись, никак не предполагая возможную через него для себя опасность. А кроме того, ежели они в нём вдруг твёрдо предположили участника тайной ревизии, то тем более странным выглядит их финальный бойкот всей его личности. Поэтому-то на проверку и выходит, что в поэме действует прямо-таки детский сад какой-то. Нет, не Россия это будет, тем более не Россия, находящаяся вблизи её столичных городов, как пишет об этом сам автор поэмы. Но что же это тогда? Это фантазия, чистая фантазия о ней, и только. Другими словами, автор поэмы, проживая в Италии, излагает блестяще виды мнимого (небывалого) Отечества своего, в ко-

тором только и могло случиться ровно то, что и случилось с господином Чичиковым Павлом Ивановичем. Впрочем, в самом финале поэмы Н. В. Гоголь даёт весьма *честную* предысторию своего героя, в которой тот вполне подобен своим реальным российским прототипам. В частности, мы видим ловкого и серьёзного приобретателя, который выглядит убедительно и достоверно. В самом рассказе о нём уже заметна его выраженная способность к многоходовому и хорошо (тщательно) замаскированному сложному действию, целиком направленному как бы к законному приобретению богатства и всех благ земного (телесного) бытия. Здесь уже перед нами возникает лицо и талантливое, и отчётливо бесчестное. Иначе говоря, Чичиков прежний — это Чичиков, в принципе вполне могущий быть в реальности. В нём как в документальном персонаже угадывается уже некий вневременной образ, оседлавший когда-то Русь и сделавший из неё по её же милости для себя непреодолимую поживу.

Завершая настоящий очерк, его автор хотел бы заметить, что Н. В. Гоголь в поэме «Мёртвые души», видимо, помимо своей воли сумел-таки, с одной стороны, искусно замаскировать подлинную правду о России, с другой — оставить наше Отечество в пределах собственного произведения без какой-либо надежды на лучшую долю. Поэтому, вникая в сей едкий миф о русском человеке, о русской доле, вряд ли стоит всерьёз принимать на веру убеждения его автора, которому так и не суждено было вырваться за границы навязанной ему когда-то и кем-то вполне бесчестной и печальной литературной традиции эстетического «обделывания» подлинной российской действительности.

Александр Образцов

БЛАЖЕНСТВО СМЕРТИ

(киносценарий)

УТРО

Поздняя весна. Почти лето. Утро. Окно открыто в школьный двор — резкие крики детей. Комната одинокого мужчины. Подробно: брошенная на стуле одежда, книга на полу, чашка на столе. Фотография счастливой семьи (с Любой?) с крохотной дочкой. Сцена из спектакля, внушающая уныние. Фото Валерия в болотных сапогах и со спиннингом на быстрой речке. Фото Варлаама Шаламова. Аккуратнейшим образом висящий парадный костюм.

Валерий спит. Свет из двух источников на его лице: лампы у изголовья и тонкий длинный луч солнца из окна. Солнце рисует морщины, беспощадно разрывает шею, копается в глазницах.

Тьма, шевелящиеся более черные тени. Это — на той стороне, перед пробуждением. Как будто веки подрагивают, но не могут разомкнуться. За ними колдует сон. Комната Валерия, но в ней кто-то стоит спиной к нему. Щупает, переставляет вещи. Гулко, как будто с высоты и в колодезь двора говорит:

— Едомые и едящие. Укромные и смердящие. Курящие. Без штанов стоящие. Крутящие некрутящее. Болящие, — неожиданно тонким голосом: — А как в бок кольнет — ай-яй-яй! — гулко: — Амбалы безмозглые!

Где-то падает жестяной бак. Сверху. Валерий просыпается и смотрит в потолок. Гасит лампу.

Зеркало. Тихо. Свет сбоку. Лицо Валерия беззвучно корчится, он гримасничает все быстрее: лицевая гимнастика. Все это длится не меньше минуты. Вдруг лицо расслабляется, появляется помазок, все покрывается благородной белой мыльной пеной.

СОСЕД

На лестничной клетке перед лифтом сталкиваются Валерий и сосед. Лифт где-то гудит, не спеша идет мимо них вверх, вниз. Они стоят молча, пропустив момент начала необязательного разговора.

- Я вас видел позавчера, по пятому каналу, — говорит сосед.
- Убьют там, наконец, этого подонка?
- Не знаю.
- Вы что, сценарий не читали?
- Не читал.
- А как играете?
- Да так. Молча.
- Раньше так не было.
- Раньше не было.
- А вы ведь хороший актер. И не читаете сценарий. Плохой актер тем более читать не будет.
- Никогда не будет.
- А почему, знаете?
- Знаю.
- Из-за непрофессионализма. Все лепят горбатого.
- Не все.
- Но вы ведь не читаете.
- Не читаю.
- Что, не дают?
- Не дают.
- Почему?
- Потому что сценария нет.

Открывается дверь лифта. Сосед смеется.

- Ну, вы здорово меня разыграли! Поехали!
- Езжайте, я на следующем. Я деньги дома оставил.

Лифт уезжает. Валерий нажимает кнопку. Ждет.

В МЕТРО

В вагоне метро. Валерий сидит, над ним нависают две женщины активного возраста, чуть встрепанные, даже как будто слегка безумные.

— Мой муж неврастеник, — говорит одна. — Ничего у меня не получится, говорит, я не способен. А я ему отвечаю — а ты попробуй. Попробуй! Все так думают, что ничего не получится. И все очень даже получается. Но почему тебе не попробовать сразу, не размышляя? Вот так вот — как в ледяную воду?

— Ой, вы не думайте, что он один такой хрустальный! — подхватывает другая. — Мой тоже такой: давай, говорит, я постепенно буду входить! Это надо — постепенно! Пока он будет постепенно, его уже опередят...

— А еще у него такая мания — ему стыдно. Здоровый мужик, гирую когда ловил, знаете, подбросит, она крутится, а он ее ловит за ручку — я просто вся замираю: вдруг она шмякнется и пол проломит? Так нет же, ловил без проблем. А здесь ему стыдно. Мальчик тоже мне нашелся...

— Да мой тоже крепкий. У меня постоянные мигрени, глаза сами моргают, тик нервный, если я переутомляюсь, а у него только рык, если перепьет. Рычит, и все тут. Ни одного слова, один рык.

— И мне это надоело в конце концов! Что это — год, второй пошел, а он никак не может начать? Я же не железная. Я и в магазин, и работа, и кухня, дети на мне, нужно же когда-то расслабиться? Мне, может быть, тоже хочется лечь и при этом получать какие-то удовольствия, хотя бы по телевизору?

— По телевизору! По телевизору они все такие энергичные, теории всякие выдвигают, как все это лучше сделать, чтобы всем было хорошо, а как посмотришь в жизни — такие все вялые. Смотреть противно.

— Да... Я ведь, говорит, технолог. Ну и что, что технолог? Кому теперь твои технологии нужны? Ты иди и рыбой торгуй! Технолог! И копейку в дом неси!

— Ну — рыбой. Рыбой — это самая мужская работа. Я своего на зубную пасту устраиваю в электрички — ни в какую. Историк чертов. Может, и ему тоже с рыбы начать?..

В ТЕАТРАЛЬНОМ БУФЕТЕ

Валерий стоит у стойки. Буфетчик, татарин Марат, появляется с подносом холодных закусок.

- Привет, Валер.
- Привет.
- Салатик рекомендую, с креветками.
- Мне селедку, Марат. И сто грамм.
- Сам уже не ловишь?
- Не с кем. Умирать начали мои кореша.
- Новых надо заводить, Валер. Новый друг стоит старых двух.
- Кто тебе сказал?
- Мертвый друг, Валера, уже не друг. Это уже труп.
- Отвяжись ты! Дурак!

Валера берет сто грамм и селедку с винегретом. Садится за стол. Ему говорят актеры: «здорово», «привет», «как жизнь?», «тебя Фима искал», «ты чего смурной?» — он только двигает щекой в ответ. Сидит. Присаживается Фима, воровато озирается.

- Валер, мы в говне, — говорит он вполголоса.
- Давно?
- Со вчерашнего вечера.
- Значит, еще жить можно.
- Не шути, Валер. У нас репетиционное отбирают.
- Мы кому-то мешаем?
- Конечно. Мы как молчаливый протест.
- Но они уже третий месяц не репетируют.
- Поэтому и отбирают.
- Фима, ты ведь обещал, что все будет без проблем.

— Да! Я обещал! Я думал, что театр — это явление культуры! Что театр хочет вкусенького и свеженького! Что он топчет, а потом носит на руках! А это просто мафия, Валера! Им ничего не надо! Им надо сосать кровь!..

— Фима, отвали.

— Что с тобой?

— Уйди. Тошно мне.

Фима, совсем не обидевшись, пересаживается за другой стол и так же пылко продолжает о театре.

Валерий берет рюмку и опрокидывает. Затем подробно ест се-ледку.

ФОТОГРАФИЯ НА СТЕНЕ

Валерий идет по театру. Фойе, зрительский буфет за стеклом, еще фойе с фотографиями артистов, дверь кабинета художественного руководителя.

Валерий тянет руку к медной ручке...

Оглядывается на свою фотографию. Здесь он молод, у него хищные ноздри, победительная улыбка. Довольно глупая фотография. Ему становится стыдно.

— Вы ко мне, Валерий? — спрашивает худрук, похожий на завхоза. Он выходит из кабинета.

— Хочу попросить, чтобы это сняли, — Валерий кивает на фотографию.

— Почему?

— Выражение лица не нравится.

Худрук обиженно хмыкает и уходит не оглянувшись.

ЗАКУЛИСЬЕ

Театр большой и напоминает лабиринт.

Валерий бесцельно бредет по коридорам и лестницам. Он очень глубоко задумался. Настолько глубоко, что, когда пыхнуло в лицо из калорифера, он вздрогнул, огляделся и не узнал места. Ему самому удивительно, что он заблудился в своем театре.

Перед ним два расходящихся коридора. Один светлый, за поворотом слышится музыка и дальние голоса, во втором полутемно, таинственно, что-то свисает, что-то задвинуто и совсем безлюдно.

Валерий без колебаний идет в светлый коридор, но затем останавливается. И так же без колебаний возвращается в коридор полутемный.

Становится сыро в коридоре, по стенам на стальных кронштейнах вывешены толстые кабели.

Затем коридор расширяется и вскакивает, как из подземного гаража, все в тот же незнакомый театр.

Рулоны черного бархата, античные колонны, нарисованная на фанере луна, алебарды, тигр, очень похожий на настоящего, со злыми глазами. Гаснет единственная лампочка.

В полутьме от стены отделяется фигура женщины, она падает к ногам Валерия, обнимает его колени и что-то страстно и безнадежно бормочет. Валерий терпеливо ждет. Затем неестественным голосом произносит:

— Ага... Кладбище самостоятельных работ.
Фигура так же таинственно растворяется в полутьме.

В сиреневом, желтом свете выскакивают какие-то итальянские персوناжи, раскручивают хоровод вокруг Валерия. Он собирается идти дальше, его не пускают.

Из темного угла выходит тень отца Гамлета так неожиданно, что Валерий вздрагивает.

В полу торчат одни головы. Они переговариваются друг с другом. Валерий вынужден искать тропу между ними.

Цыганки окружают его. Тянут за пиджак, обещают все рассказать. Он не любит и не верит в предсказания, поэтому выдирается молча, с омерзением. Тогда выскакивает юная цыганка и исполняет почему-то танец живота. Валерий смеется и подает деньги. Все мгновенно исчезают.

В громадном пространстве сцены летают по гигантской дуге качели с юной незнакомкой. Их амплитуда все выше, выше. Исчезают в куполе.

НА ЛАХТИНСКОЙ

Валерий идет уже по Петроградской.

Видно, что он идет наугад, без цели. Очень крепко задумался. Так крепко, что стал посреди тротуара, смотрит себе под ноги и что-то беззвучно повторяет.

Грохот жестяного бака наверху.

Валерий поднимает голову: громадный, в каменной паутине с высоты пятого этажа здания начала века на него смотрит князь тьмы.

ДИАГНОЗ

Валерий в рентгеновском кабинете. Видна его голова, а ниже, на экране, — содержимое грудной клетки. Врач, приятель Валерия, вертит его перед собой, разглядывая сердце, которое бьется и никак не дает себя продиагностировать.

— Что-то не получается у меня, не вытанцовывается, — говорит Валерий. — Накрыло меня с головой. Грусть какая-то. Тяжелая, свинцовая грусть. Вот в этом самом, которое. Что там на нем лежит?

— Большое у тебя сердце. Большое... — говорит врач.

— Как дынька, да? Кулак такой. Вот. Мне сердце всегда напоминало кулак. Ответ Чемберлену. Я тебе историю не рассказывал о невесте? Нет?... Вот, слушай. Жила-была девочка. И был у нее литой кулачок. Она этим кулачком в детстве одноклассников угощала. А сама была сероглазая, тоненькая, все время щебетала. Потом у нее наступила половая зрелость. И девочка начала стесняться своей страсти...

В соседней комнате. Врач сидит за столом, Валерий шагает взад-вперед по кабинету. Врач рассматривает кардиограмму как-то чересчур внимательно. Затем спохватывается.

— Ну и как?

— Что — как? — не понимает Валерий, выдавая свое волнение.

— Эта? Невеста?..

— А-а. История простая. Растет невеста не по дням, а по часам. И собралась она замуж. Очень уж ей хочется драться. Но вот посмотрит на кандидата, потом на свой литой кулачок — не совпадают. Извелась вся. Наконец познакомилась на дискотеке с замечательным хлопцем. Быстренько его охмутила, и наступила у них первая брачная ночь. А она была еще девушка, целка, понимаешь? Не могла она поддаться никому из презренного племени мужиков. Но тут пересилила себя, перетерпела, значит, и как только он от нее отпал в изнеможении, она с наслаждением, так, знаешь, посмотрела на свой кулачок, потом на его замечательный профиль и со сладострастием засветила ему в ухо!..

— И тут ты проснулся. Валера, Валера, что ты за истории из себя выкапываешь, — врач качает головой.

— Нормальная грустная история. Ну, что там у меня серьезного, Коль?

Врач неожиданно смеется и бросает бумаги на стол.

— А он потом всю жизнь будет по уху получать, да? Без причины! Теперь уже Валерий с недоумением смотрит на приятеля.

— В общем, так, — врач мгновенно становится серьезным. — Надо тебе оторваться от прежней жизни. Расслабиться и отдохнуть в полной изоляции. Хорошо бы водички попить, где-нибудь вдали от Родины. У тебя же дядя где-то там отыскался? В Карловых Варах, что ли?

— Отыскался... Но как я к нему так вот приеду? Здравствуйтесь, скажу?.. Когда приперло.

— А вот этого в голову брать не надо. Тебе вообще отныне надо предполагать в людях только хорошее. На, держи рецепт. Коньяком запивать не рекомендую.

— А сигарету можно последнюю?

— Это мы посмотрим на твою реакцию.

Валерий достает пачку сигарет, врач выбрасывает ее в окно, оставляя на столе одну. Они отходят от стола и какое-то время прогуливаются по кабинету, вполголоса бубня песню своей молодости: «Проходит жизнь, проходит жизнь, как ветерок по полю ржи...», затем вдруг врач произносит:

— Море волнуется.

Валерий бросается к столу и первым накрывает сигарету рукой. Закуривает.

— Фальстарт, однако, — говорит врач.

— Однако, всё честно.

— Когда вернешься, начнем тебя вытаскивать.

— Ладно, Коль, лапшу-то мне на уши вешать. Как будто я тебя первый день знаю. Прощай, Коль.

Врач, стоя у окна, видит, как Валерий переходит улицу. На тротуаре он оборачивается, поднимает руку, сжатую в кулак. Врач отвечает ему

тем же жестом. Затем садится за стол, смотрит на кардиограмму, качает головой.

Валерий идет в толпе в подземном переходе. У стены старуха, жалкая, потерянная, почти неслышно просит:

— Подайте, Христа ради...

Он вынимает десятку, кладет в ее ладонь. Она начинает мелко креститься.

Он идет дальше, шепча:

— Подайте... подайте... подайте...

Шепот сливается с шагами и гулом толпы.

ПРИЕЗД

Полдень. Белое солнце просачивается сквозь легкую пелену тумана. Вверх по улочке вдоль склона котловины, в которой уютно, игрушечно теснится город, утопающий в зелени и цветах, медленно ползет такси. Останавливается у двухэтажного дома с белыми пилястрами и лепниной вокруг окон по напудренно розовому фасаду.

Из машины выходит Валерий, растерянно оглядывает дом. Он, видимо, не ожидал *такое* увидеть. У него на родине *такое* бывало только многоквартирным.

Окна дома и входная дверь распахнуты настежь. Очень тихо — ни ветра, ни звуков, только шум отъезжающего такси.

Из света и цвета Валерий попадает в длинный темный коридор, больше похожий на сумеречную аллею запущенного сада. Навстречу тенями проскальзывают какие-то люди, шепотом приветствуют его, касаясь пальцами шляп. Издалека, из конца коридора, где свет падает из проема двери, доносятся звуки немолодого лирического сопрано — старинный русский романс.

Валерий останавливается в нерешительности на пороге большой залы: посреди нее большой стол, из-за которого встали и вышли все те люди, которые встретились ему в коридоре. Большое зеркало на стене закрыто черной материей. А у окна сидит старик в черной тройке и слушает старый магнитофон-бобинник, из которого и льется в залу русский романс.

— Здрасьте... — говорит Валерий, еще более теряясь под взглядом старика. Старик буквально ошеломлен встречей.

В это время из боковой двери входит женщина лет сорока.

— Здравствуйте, Валерий, — говорит она. — Благополучно доехали? Извините, что не встретили, но...

— Валерий! Господи! — перебивает ее старик. — Я уж подумал, что схожу с ума! Вылитый дед! Ну, подойди ко мне. Я так рад тебя видеть, так рад...

Старик обнимает Валерия, неожиданные слезы катятся по его щекам.

— День такой... ты извини... Такой уж день, господи...

— Петр Алексеевич, давайте за ужином договорим, хорошо? Вам надо отдохнуть, — вмешивается женщина. — А я покажу Валерию его комнату.

— Да-да, за ужином... — бормочет старик, уходя. Затем оборачивается: — Но как похож!..

— Так вы моя двоюродная сестра? — спрашивает Валерий. — Здравствуйте, Валерий.

— Нет. У нас нет общей крови. Я племянница Людмилы Михайловны. Меня зовут Люба. Пойдемте.

Они поднимаются по лестнице. Он видит ее ноги. Она понимает это, и в ее глазах и голосе заметно негодование, когда она говорит:

— Вот ваша комната. Ванная в конце коридора, всё остальное найдете в шкафу. Отдыхайте.

— Но я ничего не понимаю. Что произошло? Я не вовремя?

— Отдыхайте, Валерий. Людмила Михайловна умерла. Сегодня были похороны. Мы все с ног валимся. Извините.

Валерий в большой белой комнате. Шкаф, кровать и кресла — всё старое, черного дерева. На стене картина «Цветущие фруктовые деревья». У изголовья кровати — громадный букет свежих цветов.

Не снимая плаща, Валерий садится на кровать. Смотрит в открытое окно, откуда вместе со светом вкатывается сладковатый запах весеннего цветения. Он подходит к окну — оно выходит на дикий заросший склон.

Он достает из желтого чемодана бутылку коньяка, ищет глазами стакан. Из залы слышатся шаги Любы, позвякивание посуды. Она, видимо, продолжает убирать стол. Просить стакан ему неудобно. Поэтому он сбрасывает туфли, выдавливает из упаковки круглую таблетку, запивает ее хорошим глотком прямо из горлышка, ставит бутылку рядом с кроватью и с наслаждением вытягивается на постели.

Он зевает, поворачивается на бок, видит паучка, спускающегося с букета. Сдувает его.

И снова смотрит в окно.

— Какого черта я сюда приперся? — говорит он.

За окном вправо-влево мелькает с легким свистом воланчик бадминтона, пока не ударяется в открытое стекло и не падает в комнате на пол.

Но Валерий уже спит.

В комнату вбегает мальчик лет шести, подбирает волан, выбрасывает его в окно. Затем подсаживается на кровать и, глядя в спину спящему, обиженно говорит:

— Сам сказал, что скоро вернешься, а сам... Я тебя пятьдесят лет жду. Жду, жду, жду. А ты приехал и уснул. И ничего не услышишь, что я тебе расскажу. И так всегда — и еще пятьдесят лет пройдет... И еще...

Переворачивает спящего на спину.

Но это не Валерий.

УЖИН

Вечером того же дня все трое — Петр Алексеевич, Люба и Валерий сидят в зале за столом с вином и закусками. Стол прекрасно сервирован. На каминной полке изящные статуэтки. У разоблаченного зеркала много темного цвета цветов.

Люба курит и больше молчит. И Валерий лишь односложно отвечает Петру Алексеевичу. Что-то между ними происходит, пока невнятное для них. Они не понимают происходящего, потому что испытывают друг к другу глухое раздражение, не более того. Предвещие ненависти или любви. Люба, тем не менее, держится строго, по-петербургски, а Валерий шарит взглядом по комнате, хмыкает, меняет позы. Всё это происходит под нескончаемые магнитофонные романсы и сбивчивые воспоминания старика. Иногда возникают крутые, необъяснимые паузы, и тогда в дело идут старые альбомы с фотографиями.

— Мы жили в доме на Пушкинской, занимали второй этаж. Помню комнаты папы, мамы, няни, всего двенадцать комнат. Папа очень любил фотографироваться. Ему в Петербурге принадлежали два дома. Частью денег на их постройку он располагал, а часть ему дал Елисеев...

— ...Да. Он располагал к себе любого. Поэтому он даже в те годы никого не боялся, свободно ходил по городу в мундире, и с ним долго ничего не случалось. Вот и тогда они пришли втроем и сказали ему: «Собирайся». Мама поставила детей — твоего отца, Валерий, и двух его сестер — на колени и приказала молиться. Но через десять минут отворяется дверь и твой дед требует чаю. За столом сидят хохочущие чекисты. Такой был человек... Правда, в девятнадцатом году дисциплина у них была еще не та... Мы с Людочкой моей познакомились в Белграде, нам было по шесть лет. Тогда еще появилась эта забава — бадминтон, эти воланы, летящие как из пращи и спускающиеся уже медленней, медленней... Мы играли с нею в бадминтон, она была сероглазая, тонкая...

— Но рука у нее была твердая, ой какая твердая, — говорит Люба, глядя на Валерия. — Такая была жизнь, вся в бегах и битвах, как взбесившаяся лошадь. И только тетя могла ее удержать.

— А дед? Кто он был? — спрашивает Валерий. И незаметно зевает.

— Папа был полковник, строевой. В Первую мировую он вошел штабс-капитаном, а вышел полковником. Служил у Брусилова на Юго-Западном фронте, когда еще можно было что-то спасти... Если бы Куропаткин и второй, как его, немецкая фамилия... были вовремя заменены, то еще в шестнадцатом можно было закрыть фронты на замок и дожждаться победы... Ведь немцы уже доедали последние силы... В воскресенье приходило много-много гостей с детьми. Была такая игра в те годы — «Море волнуется»...

— Как? — переспрашивает Валерий.

— «Море волнуется». Сейчас о ней наверняка в России никто не помнит. В гостиной в ряд ставили стулья, на один меньше играющих. Потом все гуляли по комнатам, а ведущий вдруг кричал: «Море волнуется!» И кому-то стула не доставалось. И так до конца... Теперь вот я один сижу... А море всё волнуется...

— Это у вас в Одессе было двенадцать комнат? — спрашивает Люба.

— А?.. Да, кажется, в Одессе... Я родился в Севастополе, уже перед эвакуацией в Галлиполи... Папа с сыном, отцом Валерия, застряли у большевиков в Одессе. Никого не боялся человек, а его все равно убили, зверски, петлюровцы или махновцы. Или еще какие-то свободные люди. Он пролежал в пыли на окраине села под Николаевом. Так рассказали маме уже в Сербии... А Людочка тогда пела, в шесть лет. Цы-

ганские романсы пела, и пела «Вечерний звон». У нас были одинаковые матросские костюмчики. Вот, смотрите. Мы как братик и сестренка... Ох, Людмила, ты ведь говорила, что не сделаешь этого без меня... зачем ты это сделала? Зачем?

— Что — «зачем»? Что она сделала? — не понимает Люба.

— Зачем она умерла?

— Вы думаете, она хотела этого?

— А как же. Каждый человек, умирая, хочет смерти. И даже умоляет ее поскорей прийти... Что мне теперь делать одному? Ох, Людмила, Людмила...

— А если он не хочет смерти, то он не умрет? — спрашивает Валерий. Его чрезвычайно заинтересовала мысль дяди. Он даже встал и прошелся по комнате, взял несколько книг с полки, одну за другой. Снова поставил их, не открывая. Сел.

— Разумеется. Да вы и сами посудите — как человек может умереть, если он не хочет? Конечно, его могут убить. Но это другое. Человек никогда не сможет умереть, если очень этого не захочет. Если не взмолится Богу нашему всевышнему о том, чтобы тот послал ему смерть.

— Как можно желать смерти? Все умирающие цепляются за жизнь. Я сам видел, с каким ужасом люди узнавали о том, что они неизлечимо больны, — настаивает Валерий. Ему кажется, что старик знает что-то новое о смерти, о чем он даже не подозревал.

— Валерий, Валерий! Какие вы все-таки дети в нашей бедной стране. У вас даже культура смерти пропала. Вы умираете грубо, неловко. Делаете какие-то судорожные движения в этот торжественный миг. Но все равно даже вы в этот миг обращаетесь к Богу с той же самой искренней просьбой о смерти...

— Но это вам хочется так думать! — Валерию становится даже неловко от наивной веры старика. — Чем ближе, тем больше хочется. Потому что иначе не выжить. Ведь я гораздо ближе к смерти, чем вы. Но у меня в душе нет ничего, кроме горя. И даже ужаса. Меня уже никогда больше не будет — вот что истина. И больше ничего не существует кроме этой истины. Ничего...

— Это не так, Валерий... Если вы всю жизнь наблюдаете солнце, море, горы, деревья, вы видите, как в вас наливают впечатления. В том числе и не самые приятные... Но вы наполняетесь, если живете ответственно. И когда полнота жизни достигает края жизни и начинает переливаться, приходит другая полнота — полнота смерти. И вы наполняете этот сосуд впечатлениями прощания. Вы только что говорили «здравствуй» и уже говорите «прощай». Это только станция, Валерий. Только станция... А путь далек... Вечный путь... Жаль только, как говорил Лермонтов: «в мире другом друг друга они не узнали...» Вот только это меня беспокоит — то, что мы можем не встретиться... И хватит об этом! У нашей милой хозяйки глазки уже ничего не видят. Спать хотят.

— Да, пожалуй, — соглашается Люба.

— А я, честно говоря, надеялся город посмотреть. Я ведь впервые за границей, — говорит Валерий.

— Впервые? — Люба искренне удивлена. — Разве такое еще бывает?

ВЕЧЕР В ГОРОДЕ

Город поздним вечером так же тих и полон весенних запахов, как и днем. Иногда только слышнее смех и разноязыкая речь с террас кафе и от столиков, выставленных вдоль узкой горной реки, забранной в гранит. Шум ее порогов — единственный внятный шум города. Это главная улица.

Валерий останавливается у витрин цветочного магазина. Там, в глубине, в сумрачном развале цветов, — странная глазастая молодая дама в большой старомодной шляпе. Она сомнамбулически бродит среди всех этих больших развалов цветов, расставленных в ведрах, вазонах, на полу, на полках и жардиньерках. В руках у нее большая нарядная кукла. Дама замечает Валерия и принимает его в свою игру — то прячется за букетами, то смотрит сквозь них, поверх них, с поворота, из-за плеча.

Валерий не привык к такой свободе. Он зачарован.

В витрине, рядом с отражением Валерия, появляется еще одно отражение — господина лет шестидесяти, с бабочкой и тростью. Он касается пальцами шляпы:

— Вы не могли бы одолжить мне немного денег... на кофе? — церемонно спрашивает он с едва заметным акцентом.

— Да, конечно. Пожалуйста, — поспешно, совсем по-русски соглашается Валерий.

— Благодарю, — господин смотрит на протянутые деньги, поднимает голову. — Немножко не хватает. На кекс.

Валерий мрачно спрашивает:

— Может быть, сразу водки?

— Можно. Если с кексом.

Они присаживаются за столик на тротуаре, под платаном. Выпивают не чокаясь, подняв рюмки.

— Между первой и второй перерывчик небольшой, — говорит Валерий.

Так же молча пьют по второй.

— Хороший у вас город, — говорит Валерий. — Только повеситься негде.

— Вы правы. Я уже сорок лет ищу подходящее местечко.

— А я думал, что у вас здесь всё есть. У нас ничего, а у вас всё остальное.

— Боюсь, что всё остальное это тоже — ничего.

— А у вас Бог есть?

— Бог? Вас интересует мое мнение?

— Интересует. Очень.

— Бог есть. Но он так же одинок, как и его пациенты.

— Интересные у вас мысли в вашем городе. Выходит, если у всевышнего прихватит сердце, то некому будет подать ему стакан воды?

— Выходит, так. Только почему вы думаете, что там имеется этот орган?

— А как же — «по образу и подобию своему»?

— По образу-то по образу, а вот сиди в конуре и не тывкай. Как сказал наш с вами знаменитый юноша: «Быть может, за стеной Кавказа укроюсь от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей».

— Это от кого же он укроется?

— Ну не от жандармского же управления.

— Вы думаете, он в этом смысле?..

— А вы думаете, стихи пишут для генерал-губернатора?

— Обождите. Обождите. Я ехал сюда, в эту вашу Европу, чтобы понять, чего я не получил, что потерял и где. А у вас, выходит, тоже — тью-тью?

— А что ж вы в Тибет-то не направились? Западные-то дорожки уже все изъезжены. Здесь вот даже кустика не найдешь, чтобы помочь. Здесь всё телекамерами просвечено. Здесь каждая девица знает прейскурант с учетом курса валют на Лондонской бирже. Здесь вам не халам-балам.

— Но вы-то что здесь делаете? Кто вы?

— А я не ишу ничего, в отличие от вас. У меня ни к кому вопросов нет. Мне нужно только немножко денег... на кофе.

— И на кекс.

— Верно.

За один из столиков присаживается дама в шляпе из цветочного магазина. Она немигающе смотрит на Валерия, как маленькая девочка на незнакомого дядю. Валерий также смотрит на нее в упор.

— Желаю удачи, — говорит господин, когда Валерий встает вслед за дамой.

Они идут по улице. Темно в тени деревьев. Только ее лицо белеет, когда она оглядывается на него.

Вдруг Валерий останавливается. Постояв немного, ссутулившись, заложив руки за спину, идет прочь, что-то шепча и забыв о даме.

Она смотрит ему вслед с непонятным выражением глаз. Как птица. Затем поднимает руку и пальцами прощается. К ней подходит господин с тростью. Они смотрят вслед Валерию, пока он не скрывается за поворотом. Затем господин берет ее под руку и они уходят.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Валерий и Люба идут по городу. Гуляют. Осматривают. Есть что-то блудливое и бессмысленное в осмотре достопримечательностей. Как будто даром хочешь что-то чужое получить. А оно не дается. Вот оно, рядом, такое красивое, бесхозное. Хочешь — фотографируй, хочешь — пей из фонтана. Ничего не унесешь с собой из путешествия.

Поэтому у туристов вид обожравшихся с голодными глазами.

Не таков Валерий. Он вряд ли замечает источники с колоннадой, где пьют целебную воду и медитируют. Она показывает ему забавную волюту на фасаде дома. Он молчит, угрюмо смотрит под ноги.

— Он убавляет себе десять лет. Всю жизнь он убавляет себе десять лет. Он не хочет помнить Россию. Ему *рассказывали* о ней. А сам он якобы родился в Севастополе перед эвакуацией. Из-за этого Людмила Михайловна оказывалась в глупом положении. А они познакомились здесь, в Карлсбаде в тринадцатом году. Вот тогда им было по шесть лет. И тогда они фотографировались в матросских костюмчиках. Он на фотоснимке подделал год. А в сорок пятом году, когда наше КГБ приказало чешскому взять их в фильтрационный лагерь, это ему помогло.

Людмила Михайловна навсегда застудила там легкие на цементных полах в подвалах, а его скоро освободили, потому что он оказался послереволюционного года рождения. Он ходил к ним и доказывал, что подделал документы, а над ним смеялись, как над городским сумасшедшим.

У Большого фонтана Люба бросает монетку в воду.

— Через три дня она покроется патиной, заизвесткуется, — говорит она.

— Через три дня? — переспрашивает Валерий. — Она уже покрывалась пленкой.

— Не может быть, — говорит Люба.

— Пожалуйста, — Валерий достает монетку. Люба молча смотрит на нее. Поворачивается и идет. Валерий смотрит ей вслед. Затем шарит в карманах, бросает в фонтан несколько монет. Они на глазах темнеют. Валерий хочет позвать Любу, но она уже далеко. Тогда он выгребает всё из кармана и широким жестом сеятеля швыряет в фонтан.

— В России ведь тоже есть такие красивые места. Удивительно красивые. А все города построены почему-то в тесноте, в пыли. Или на болоте, — говорит Валерий, догнав ее.

Она не отвечает.

Они идут дальше молча. Отчуждение между ними растет. Она не смотрит на него. Похоже даже, что чисто физиологически он ей неприятен. Их пальцы соприкасаются на ручке двери, и она отдергивает свою руку.

У моста стоит шарманка на четырех колесах. Шарманщик крутит ее без особого энтузиазма.

Валерий мгновение раздумывает, глядя на шарманку. Затем снимает пиджак, подает его Любе и входит в круг:

— Па-апрашу внимания! Па-ачтеннейшая публика!..

Чечетка, фокусы, дикие забайкальские песни — чудовищные русские поступки Валерия собирают громадную толпу, которая с открытыми ртами наблюдает самовыражение азиата. Когда Валерий обходит круг со шляпой шарманщика, она наполняется почти до верха. Он отказывается принять от ошеломленного шарманщика всю выручку. Отбирает из нее несколько крупных купюр — «на цветы даме». Замечает усмехающегося вчерашнего господина в шляпе и с тростью — «и на кофе с кексом».

Валерий и Люба с громадным букетом цветов идут к дому Петра Алексеевича.

— А тот господин с тростью — откуда вы его знаете?

— Это мой здешний круг друзей, — отвечает Валерий.

— У вас есть еще какие-то загадочные таланты?

— Конечно, есть. Я рву колоды карт, гну подковы, могу сесть задом на раскаленную печь, — затем, помолчав, добавляет совершенно серьезно: — Это надо же... Столько лет в театре, а впервые такой успех.

Она улыбается. Заметно, что он поразил ее. Он понимает эти дела. Он опытен. Он знает, что женщину надо только хорошенько раскатать — от холодности до изумления. И тогда она уже не удержится на ногах.

Она вдруг останавливается и слушает, как на скамейке в кустах молодой человек, сидящий спиной к тротуару, играет на гитаре. Валерий в недоумении — почему Люба слушает с таким обиженным, чутким выражением лица?..

Он касается ее плеча. Она, как бы очнувшись, порывисто берет его под руку, почти прижимается к нему.

Так, молча, они входят в дом. Она с букетом цветов идет по коридору к себе в комнату... Он видит ее плечи, бедра...

Его вдруг начинает трясти. Ходят челюсти, как попало, руки шарят в воздухе. Он подбирается к ее двери, вслушивается. Там тихо. Затем рассыпаются с переливами бусы и раскатываются по комнате. Это становится сигналом для него. Он быстро открывает двери. Она полуподета, но не делает и попытки прикрыться. Он снимает пиджак, бросает его на пол.

На этом пиджаке, среди катающихся бус они и застывают, обессиленные.

Их глаза встречаются — он отводит взгляд.

Тогда она, видя в зеркале шкафа его обнаженный зад со спущенными к щиколоткам брюками, начинает смеяться сквозь зубы — все громче, громче...

Ее смех слышен и в коридоре, куда он выскакивает...

Он бежит из дома. Почему? Что произошло страшного? Он сам не может понять. Некое кровосмешение?..

Какая-то беда.

РАЗГУЛ

Валерий в городе. Город чужой, сдержанный, надменный. Здесь не с кем выпить. Выпив, не с кем поговорить. А большое сердце теснится в ребрах, рвется в ключицы.

Он пьет в одном кафе, в другом. Пьет на улице, на мосту, в колоннаде у источника. Все вокруг кажутся ему немцами.

— Здравствуйте, немцы! Что, помогает водичка?.. А мне почему-то нет. Мне даже водочка не помогает. Тяжело мне, немцы. Темно.

Пожилая пара с любопытством наблюдает за Валерием.

— Вот такие мы из века в век, — говорит Валерий. — Мы над вами смеемся, немцы. А вы над нами. И кажемся друг другу дураками. Только вы не смотрите так уж бессовестно. Не в зоопарке. У меня высшее театральное образование, а вы на меня смотрите как на кочевника. Я Иммануила Канта изучал и Шопенгауэра сверх программы! А вы-то слышали такие имена? А? Шопенгауэр! Шпенглер! Швейцер! Ферштейн?

Пара, почувствовав угрозу, теряет интерес к Валерию и уходит.

Он замечает вчерашнего господина с тростью и с облегчением хочет поймать его в объятие. Тот отстраняется.

— Кофе? — спрашивает Валерий. — С кексом?

— Простите?

— А. Понял. Водки.

— Боюсь, что не поняли.

— Не понял, так пойму. Давай — с прилетелом!

— Зачем так снижать впечатление? — господин говорит со всё большим акцентом. — Здесь не Малаховка. Здесь Центральная Европа.

— А! Европа! Опа, опа — Америка, Европа! Индия, Китай — а ну-ка вылетай!.. Ты вообще ребенком был когда-нибудь?

— Я был ребенком, но впредь прошу вас мне не тыкать.

— А выпить хочется? А?.. Хочется. А ты спляши, я тебе налью.
Ну? Если ты русский, ты спляшешь.

Господин молча поворачивается и уходит.

Валерию совсем плохо: он понимает, что ведет себя глупо, но уже не может остановиться. Он находит скамью в тени деревьев, на берегу, садится и, опустив голову в ладони, то ли стонет, то ли поет.

Его плеча касается женская рука. Он поднимает голову. Это дама в шляпе, с куклой в руках.

Она молча тянет его за рукав. Валерий, как будто поверив в спасение, идет за ней.

Они входят в отель. Поднимаются в ее номер.

В номере — куклы. Они везде: на постели, на полу у шкафа, на подоконнике. Дама подбегает к каждой из них, обнимает, целует. Затем рассказывает их полукругом около кровати. Быстро и ловко начинает раздеваться, с радостной улыбкой глядя на Валерия.

— Бэби, — говорит она, баюкая куклу, и только сейчас Валерий понимает, что она больна.

Это стало последней каплей.

Он возвращается в дом дяди, набивает как попало вещи в чемодан и выходит в коридор, готовый бежать, даже не простившись.

Навстречу ему идет Люба. Они, подобно гоголевским героям, никак не могут разминуться. После двух-трех одновременных шагов вправо и влево Люба останавливается, сложив руки на груди, и строго говорит:

— Ну?

— Что — ну? — спрашивает Валерий, и вдруг губы его расплываются и сразу становится совершенно ясно, что никакой он не Казанова, а — лопух. Лопух, из тех русских мужиков, на всю жизнь обреченных искать маму, которой были лишены в детстве. Лопух, который за всю свою жизнь может не проронить ни слова жалобы, но попадет на грудь единственной, кому доверится, — и мгновенно превратится в ребенка, даже в грудничка.

Люба женским, материнским инстинктом понимает это.

— Бедный, — говорит она, прижимая его голову к груди...

Он так и засыпает — щекой на ее ладошке.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Валерий просыпается совсем рано. Вчерашний вечер начинил его изнутри такой мерзостью, что он осторожно убирает лицо с руки Любы и тихо, на цыпочках, идет к двери.

Люба открывает глаза и смотрит вслед ему. В этом взгляде — глубокое чувство. Ее жизнь как бы наполнилась смыслом, снова.

Из зала внизу раздаются звуки рояля. Петр Алексеевич левой рукой наигрывает пьесе Шопена. Его правая рука изуродована. Валерий сразу по приезде обратил внимание на то, как ловко старик управляется одной рукой.

— Не спится? — спрашивает Валерий, доставая из буфета коньяк.

— Мне давно уже не спится, — почему-то виноватым голосом отвечает Петр Алексеевич.

Валерий наливает полстакана и медленно выпивает, морщится, зажимает лицо ладонями, вдыхает. Выдыхает.

— Где это вас так угораздило? — спрашивает Валерий, кивая на руку.

— Это при нацистах. Били, — коротко, неохотно говорит старик.

— А я родился в последний год войны, — говорит Валерий, присаживаясь у рояля. — А вы еще ту помните, предыдущую. И уже конец века. Всё. Прощай, двадцатый век!

— Когда-то я играл прилично. Обучался в консерватории, здесь, в Праге. Аккомпанировал Людочке. Она любила, когда я был за роялем. Я так ее чувствовал — ее дыхание, паузы. «Кружево» — так она это называла... А потом одни нелюди с запада били нас за то, что мы русские. Пришли другие нелюди, с востока, и снова нас били за то же самое. И рука моя отказалась мне служить. И голос отказался служить моей жене. И не дал нам Бог детей. А теперь остались только мы с Любочкой. Ты ее не обижай, Валерий. Она мне вместо дочери.

— А я похож на одного из тех нелюдей?

— Ты ожесточен.

Валерий встает, подходит к зеркалу.

— Да! Я ожесточен! — он начинает корчить ужасные гримасы в зеркале. — Я прибыл из жестокой страны! Все меня боятся! Я монстр! Я долго культивировал в себе ненависть к окружающим! Моего папу расстреляли! Моя мама умерла от горя! С девяти лет я воспитывался в детском доме среди волчат! Это там я научился притворяться! Потому что иначе было не выжить. Да! Вы здесь, взрослые люди, гордые, аристократы с такой вот родословной в тысячу лет — жалуетесь на то, что вас били. А вы знаете, как безродному щенку, которого каждый вечер лупят за правильное ударение, как ему сохранить память о своих маме и папе? Вы это знаете? Вы знаете, как уйти от воспитателя, который слишком часто прихватывает тебя за попку? Вы знаете, как в школе притворяться дебилем и читать книжки только там, где тебя никто не застукать? Что вы понимаете в актерстве, вы, европейцы? Разве вы можете так притвориться, чтобы пятьдесят лет, полвека никто не разглядел выражение ваших глаз?.. Разве вы можете нагло ворваться в дом своего единственного дяди, чтобы разрушить его... И это все... я... мальчик-с-пальчик...

Валерий хватается рукой за сердце и сползает на пол.

Наверху, на площадке, стоит Люба с глазами, полными слез.

БОЛЕЗНЬ

Валерий, вероятно, уже пару дней в постели. Рядом с букетом цветов у изголовья появились какие-то пузырьки и коробочки с лекарствами. Люба сидит рядом с ним, он держит ее руку.

— Так что, дорогой, — говорит Люба, — теперь станешь ходить с палочкой.

— Ты меня вынуждаешь краснеть.

— Фу! — краснеет Люба. — Нахал.

— Но я тебе этого удовольствия не доставляю.

— Какого удовольствия?

— Ходить с палочкой.

— Прежде всего, ты пройдешь серьезное обследование, как сказал этот чешский врач. Потом ты поедешь вместе со мной в Петербург, и там я устрою тебя в Военно-медицинскую академию. Потом...

— Да, а что потом? Потом мы уже не сможем избежать постели, а? Так давай начнем сразу с третьего «потом»!

Валерий пытается затащить Любу в постель.

— Ты с ума сошел! — отбивается она. — Сейчас дед придет!

— Он будет очень рад убедиться в нашем железном здоровье! — говорит Валерий.

Они сваливаются на пол, закатываются под кровать. Там они начинают неудержимо чихать.

Входит Петр Алексеевич с чаем для больного. Им из-под кровати видны только его ноги.

— Я никогда не понимал замысла Всевышнего, — ровным голосом говорит старик. — Почему Он дал Ною такой точный чертеж ковчега, с расположением окон и дверей, но совершенно ничего не сказал о том, что каждая пара существ должна быть любящей... Даже если это гады земные. Может быть, в этом и была ошибка? Ох, старики так забывчивы...

Петр Алексеевич уходит.

— А действительно, почему Он такой старик? Если Он живет вечно, то Ему удобней быть хотя бы моего возраста, — говорит Валерий. — Из-за того, что Он такой старый, люди не боятся Его.

— Смотри, паук.

Перед их глазами не спеша переползает из одного угла подкроватья в другой маленький паучок. Он ползет быстро, решительно, даже ногами сучит от нетерпения.

— Что он там собирается делать? — спрашивает Валерий. — Не знаешь?

— Жить.

— А мы что здесь собираемся делать?

— А что захотим, то и будем делать.

Она обнимает его за шею.

— Ты бы могла так меня обнять, чтобы я весь поместился в твоих руках?

— Весь-весь?

— Весь. Что за слово «весь»? Ты только подумай. Оно означает — *весь*, понимаешь? Весь мир. Весь мир в одном слове «весь».

— Еще что-нибудь скажи.

— И еще: весь мой мир в двух твоих руках. Как ты выдержишь такую тяжесть?... Ох...

— Что еще случилось?

— Ох... Повернулся неловко... и бедро вылетело... Черт возьми...

— Ты какой-то виртуоз. Как ты смог на полу под кроватью вывихнуть бедро?

— Ничего смешного не вижу... Ну-ка, поддержи меня за ногу.

— Обычно женщину просят подержаться за ногу.

— Да я не шучу. Действительно — бедро вылетело! Как мы теперь отсюда выберемся? Ты ведь через меня не перелезешь. Видишь, я какой человек-гора.

— Ты шутишь, что ли?

— Теперь мы здесь будем жить, под кроватью. Попросим у Вацлава Гавела политического убежища.

— Нет, ты шутишь?

— Да как я могу шутить такими вещами? Меня же вся Европа осудит за это.

— Если ты так можешь шутить, то я согласна жить здесь с тобой. Только тут пыли много.

— Ничего. Мы из пыли сделаем огород и станем выращивать огурцы. А потом будем их импортировать в Голландию. А что? Если голландцы живут ниже уровня моря, то почему нам нельзя жить под кроватью? Мы можем с ними вступить в таможенный союз.

— Валера, ты меня страшно возбудил! Вылазь!

— Зачем? Я ведь тебя возбудил.

— Но мы же не поместимся здесь!

В ГОРОДЕ

В городе играет военный духовой оркестр. Играют Штрауса, «На прекрасном голубом Дунае». Валерий под руку с Любой слушает их, и впервые его лицо не смято иронией, скованностью, настороженностью. Он счастлив.

Они медленно идут по городу, совсем медленно. И теперь волюта на фасаде дома, колоннада с источником, завиток волос на нежном виске Любы рассматриваются подробно. Всё это как будто ослепляет его — он иногда забывает сморгнуть слезу и она застилает весенний мир.

Они подходят к фонтану.

— Попробуй сейчас, — говорит Люба.

— Не хочу.

— А ты попробуй. Я загадала.

— Но я не хочу. Мне неинтересно.

— Я прошу.

— Ну хорошо.

Валерий достает монетку и бросает в фонтан. Она блестит и не думает известковаться.

— Брось еще, — просит Люба.

Валерий снова выгребает мелочь и бросает в фонтан. Монеты блестят на солнце.

Они идут дальше. Присоединяются к какой-то экскурсии.

— Карловы Вары — это самый старый в Европе бальнеологический курорт. Он основан в четырнадцатом веке. Здесь бьют горячие термальные источники с температурой до семидесяти трех градусов Цельсия. Вода из этих источников применяется для лечения болезней печени, желчных путей, желудка, кишечного тракта, подагры...

Экскурсовод рассказывает о русских аристократах, которые были постоянными посетителями курорта. Рядом останавливается молодой человек, тот, что играл на гитаре. Он стоит какое-то время неподвижно, а затем запускает руку в сумочку Любы и, вынув бумажник, берет оттуда несколько купюр. Люба как будто не замечает этого. Валерий собирается схватить его за руку, но что-то удерживает его: слишком нагло действует молодой преступник.

Молодой человек уходит, внимательно, без тени улыбки, осмотрев Валерия.

— Ты в курсе, что тебя обокрали?

— В курсе, — отвечает Люба.

— Что это за тип?

— Я ведь не спрашивала, зачем ты отдал кому-то деньги на кофе с кексом.

Валерий вдруг понимает, что они, собственно, незнакомые люди. Он ничего не знает о ней. Это его ошеломляет. Он снова замыкается.

Они идут в кафе. Здесь Люба за соседним столиком видит знакомых чехов и говорит с ними по-чешски. Это еще больше угнетает Валерия. В зале появляется молодой человек, забравший деньги из сумочки. Он со своей подружкой садится в другом конце зала и насмешливо поглядывает на Валерия и Любу.

— Я сейчас вернусь, — поднимается Валерий.

— Куда ты?

— Надо поговорить кое с кем.

Люба смотрит по направлению его взгляда.

— Садись, — говорит она.

— Я ему морду набью, сопляку! — продолжает Валерий.

— Это мой сын. Садись.

Валерий садится.

Молодой человек вдали говорит что-то своей подружке и откровенно хохочет, глядя на Валерия. Затем они встают и уходят.

Валерий понимает, что он снова летит в одиночество и на этот раз ничто не сможет его удержать. Тогда он пробует сам себя выхватить за волосы.

— Ты знаешь эту историю? — спрашивает он.

И он показывает в лицах актерский анекдот с гашением свечи.

Что-то происходит с нею. Может быть, она переживает хохот сына и его уход. Поэтому она не реагирует на уморительно смешной анекдот Валерия. Она сидит задумавшись.

— Так, — говорит Валерий. — Интересно. Что, я произвожу такое впечатление?

— Ты о чем?

— Со мной, значит, можно провести время, посмеяться, а потом вышвырнуть, как ненужную перчатку, да?

— О чем ты говоришь? Ты как барышня...

— Нет! Я не барышня! Я — идиот! Я впервые в жизни доверился и получил по морде! Это хороший урок!

Он выходит на улицу. Темно, дождь.

— Подайте... подайте... Подайте!! — кричит он, шагая по лужам.

Следом за ним молча идет Люба.

В КОМНАТЕ

Валерий лежит на кровати, подтянув колени к подбородку.

Входит Люба. Молча садится в его ногах.

Они слушают шум дождя в открытом окне. Затем она берет его руку и водит пальцем по ладони: «Сорока-белобока, кашу варила...» и, загибая пальцы, продолжает: «Этому дала, этому дала...»

— Только не бросай меня... Только не бросай, — шепчет он.

— Молчи, — говорит она. — Мне надо привыкнуть. Я не одна. Я не одна. Я снова не одна.

Валерий долго смотрит на картину, висящую на стене, — «Цветущие абрикосовые деревья».

— О чем ты думаешь? — спрашивает она.

— Столько нежности тут... — говорит Валерий,

— Я думаю, если мы найдем дом среди таких деревьев, то мы будем жить еще очень долго и умрем в один день. Нам надо его найти.

— Где?

— Не знаю. Здесь, завтра.

Он так долго смотрит на картину, что ему начинает казаться, что с деревьев сыплются лепестки, устилая пол комнаты. Шелест лепестков так же прозрачен, как ее ровное спокойное дыхание: она уже спит, доверчиво прижавшись к его руке, а лепестки все сыплются в бездну. И он, засыпая, тоже пробует заглянуть туда, во мрак.

СТАРИК

Петр Алексеевич в саду. Он сидит за белым столиком на венском белом стуле. Перед ним большая банка с бабочками. Он внимательно рассматривает их.

Мы видим его лицо как бы со стороны бабочек.

Он кивает кому-то из них, его губы шевелятся, он что-то рассказывает, просит о чем-то. Как будто бабочки — это души его умерших друзей, родственников...

Затем он прижимает банку к своему животу, идет по саду. Подходит к кирпичной стене, ставит на нее банку. Отходит. Оглядывается и видит, как чья-то рука из-за стены срывает с банки бумажную крышку, и бабочки разлетаются.

Старик в растерянности пробует поймать хотя бы одну из них. Тщетно.

Из-за стены появляется мальчик. Он раскланивается, как фокусник.

Затем берет плачущего старика за руку и уводит его по дорожке к дому, который был в картине «Цветущие абрикосовые деревья».

ДОКТОР

Сон продолжается. Теперь мы видим подробно кирпичную стену. Цвет ее меняется в кроваво-красный. На ней мечется чья-то тень. И тени птиц.

Мы видим человека со спины. Он отбивается от ворон. На нем нелепая шапка, мешковатое пальто. Его борьба с птицами безнадежна, он скорее прячется от них. Его оставляют последние силы.

Валерий никак не может определить, кто это?

Человек падает, закрыв голову руками и полами пальто, и в черной дыре открывается неожиданно злобное лицо его друга, врача. Он кричит свои стихи, как Шаламов кричал рассказы.

УТРО

Утро. Валерий в постели. Люба гладит.

— Как они громко орали, — говорит Люба.

— Кто?

— Вороны.

— Какие вороны? — не понимает Валерий, и вдруг — понимает. — Откуда ты знаешь?

— У нас был один и тот же сон.

Он протягивает руку и тянет ее в постель. Она барахтается, пытаясь освободиться.

— Кто тебе разрешал рыться в моих снах? — спрашивает Валерий. — Ну? Ты что, ведьма?

— Да! Я ведьма! Пусти!

— О, самая сладкая из ведьм! — Валерий пытается расстегнуть ее халат, но в это время начинает дымиться блузка, которую гладила Люба.

— Пусти! — сердито говорит она, освобождается и отдергивает утюг. Блузка загублена, Люба чуть не плачет.

— Моя любимая блузка. Мне ее Людмила Михайловна подарила.

— Я тебе куплю новую. Я снялся в рекламе подгузников. У меня полторы тысячи долларов. Ну? Хочешь, я твою пятку поцелую?

— Отстань.

Валерий падает на колени, ставит ее ногу на свой затылок. Затем щекочет ступню. Она пытается вырвать ногу, прыгая на одной ноге. Скоро они оказываются под кроватью.

— Это становится дурной привычкой, — говорит Валерий. — Где здесь наш паучок? Ау?

— Ты знаешь, что такое любовь?

— Теперь знаю.

— Это когда мужчина превращается в ребенка, а женщина в мать.

— Я бы хотел жить внутри тебя.

— Валерий, ты обезумел.

— Я бы плавал внутри тебя к твоим губам, к твоим соскам и сосал бы тебя изнутри, чтобы ты умирала от наслаждения.

Она, закрыв глаза, достает грудь. Он целует ее.

ШЛЯПКА

Валерий и Люба идут по городу.

— А это что? — спрашивает Валерий, показывая на волюту на доме.

— Но я ведь тебе уже два раза рассказывала!

— Когда?

— Во второй день.

— Тогда я только себя слушал.

— И в третий день!

— Тогда я только тебя видел.

— Больше я рассказывать не буду.

— Почему?

— Потому что ты не слушаешь.

— Ну и что? Я ведь в это время живу. Ты говори, а я буду жить.

— Кто это на тебя все время смотрит и смотрит?

— Где? — оборачивается Валерий. И видит даму в шляпке. — А... эта. Это элегантная европейская дама.

— Тебе нравятся женщины в шляпках?

— А как же. Я ведь актер.

— Актерам нравятся шляпки?

— Конечно. Женщина на самом деле — это целая страна. Нет, континент. Как только начинаешь в нее вглядываться, тебя охватывает беспокойство. Вот, например, — бровь. Ее изгиб. Он бывает гневным. Бывает безмятежным. Бывает брезгливым, циничным, робким. И между этими состояниями — целые эпохи! Поэтому будет правильно, если женщина немного спрячется от глаз мужчины, чтобы его не пугать. А как она может спрятаться и в то же время остаться ослепительной? Только за краями шляпки. Бывают такие шляпки, которые говорят больше, чем целые романы. Что такое Анна Каренина без шляпки? Или герцогиня де Бофор? Просто непотребные женщины, и только.

— Но ты ведь сказал, что женщина — целый континент.

— Правильно. Это когда всматриваешься. А так, когда все открыто, зачем всматриваться? Одни вторичные половые признаки. Это вам мужики отомстили в двадцатом веке за все ваши прошлые делишки. Раздели вас догола. А вы и рады — эмансипация! Феминизм! Вас же таинственности лишили. Бедняжки вы голенькие. Барби.

ТУРГЕНЕВ И КАРЛ МАРКС

Люба выходит из магазина в шляпке.

— Нравится? — спрашивает она.

— Классно, — говорит Валерий. — Я бы еще чуть-чуть вуали добавил. До бровей.

— Да?

Люба смотрит в витрину.

— Нет, — говорит она и берет его под руку. — Я женщина простая. Тургеневу со мной было бы неинтересно.

— Пусть бы только попробовал.

— Ой! А что бы ты сделал, если бы он за мной начал ухаживать?

— Я бы его, как Карл Маркс, на дуэль вызвал.

— Какой Карл Маркс? Что с тобой?

— А ты разве не знаешь эту историю? Слушай. В прошлом веке здесь одновременно лечились Тургенев и Карл Маркс. У Тургенева была подагра. А Карл Маркс всю жизнь лечил колит. Женни ему постоянно покупала карлсбадскую воду. Только эта вода ему и помогала от запоров. Однаж-

ды Тургенев с Полиной Виардо прогуливался у источников. Настроение у него поганое. Полина жила своей жизнью и не хотела быть просто женой знаменитого писателя. А Карл Маркс в это время как паровоз бегал от одного источника к другому вместе со своим большим семейством. Врачи сказали ему пить и быстро ходить. Вот он и пыхтел здесь, и пердел, и потом обливался. А следом Женни бежала фон Вестфален со своими дочками. Ты представь только себе такую картину: русский дворянин, гордость нации, гуляет по аллее со своей возлюбленной, знаменитой оперной певицей, а мимо носится Карл Маркс и безостановочно пердит! Естественно, Тургенев делает ему одно замечание, другое, третье! А тот ведь тоже гордый. Он таких, как Тургенев, исключал из своего манифеста как бесполезных животных. А Тургенев был высок ростом и даже на вид могуч. Как Шварценегер. Поэтому Карл Маркс не решился ему в ухо закатать, а послал по всей форме вызов на дуэль. Тургенев, естественно, с евреем драться даже не обсуждал, и послал своего камердинера. Карл Маркс всадил ему пулю в серебряный портсигар.

— А камердинер?

— А камердинер выстрелил в воздух.

— Сам придумал?

— Ничего я не придумывал. Читай.

И Люба читает на мемориальной доске сообщение о жизни здесь Тургенева. А на второй доске, на отеле, такое же сообщение о Карле Марксе.

ОДИНОЧЕСТВО

Петр Алексеевич в гостиной. Он стоит у окна и смотрит в сад. Валерий и Люба сидят на диване и о чем-то шепчутся.

— А еще у нас была шкатулка. Там хранилась вся наша родословная, все наши реликвии. Людочка хранила там несколько колец, алмазные бусы своей прабабки, которые ей подарила царица Мария Федоровна... или Елизавета? Забываю я их имена... Столько было великих княгинь, цариц, и все они хорошо рожали ребят, наследников престола... В какой-то Англии всегда проблемы с наследниками и никаких проблем с престолом. А в России столько наследников, а престола нету... Я бы вам рассказал еще, дети, о своих дядях, о дедах, о бабках и тетках... нам это все рассказывали зимой, в январе, когда топились камины, и мы это запоминали... на всю жизнь. А теперь ваша очередь.

Старик поворачивается, а Валерия с Любой давно уже нет в гостиной. Он растерянно смотрит, даже заглядывает за шкаф.

Затем достает банку с бабочками. Смотрит ее на свет. Солнце заливает сад.

КОЛЬЦА

Хор девочек на площади поет Оду к Радости.

— Ты видишь, как всё тянется и не хочет заканчиваться? И девочки поют уже второй день. Видимо, ждут, когда случится что-то божественное.

— Я знаю, что должно случиться, — говорит Валерий.

— Что?

— Мы обручимся. В церкви. Сейчас.

Он подхватывает ее под руку и ведет. Люба, думая, что он шутит, пританцовывая, идет рядом. Затем вдруг останавливается.

— Это шутка? — спрашивает она.

— Я хочу, чтобы все у нас было так, как у наших предков.

— Наши предки сначала покупали кольца, а уже потом шли в церковь.

— Хорошо. Купим кольца. Только я не люблю золото.

— Я тоже, — говорит Люба.

Они входят в ювелирный магазин. Склоняются над витриной.

— Здесь в горах находят камни, которые вырастают один в другой.

Они как влюбленные. Но здесь их нет, — говорит Люба.

— Я читал, — говорит Валерий, — что месторождения минералов с возрастом уменьшаются.

— Как? Ты шутишь.

— Нет. Геологи доказывают, что, когда структуры кристаллов стареют, они делаются все сложнее и сложнее, как в органическом мире. Только у них реакция намного медленнее. Поэтому, когда мы ломаем камень, ему больно.

— И как же нам быть?

— При чем здесь мы? — спрашивает Валерий.

— Но получается, что мы всё разрушаем. Мы рубим живой лес. Мы едим живых животных. Мы взрываем живую землю. А воздух? Ведь ветер тоже живой, он такой ласковый. А мы его отравляем.

— Какое тебе нравится?

— Пойдем. Я не хочу. Зачем?

— Но я хочу, чтобы ты меня помнила, — настаивает Валерий.

— А как же дом в цветущих абрикосовых деревьях?

— Прошу тебя.

— Ну, хорошо. Вот это.

Валерий покупает два кольца. Они выходят из магазина.

— Грустно, — говорит Люба.

— Почему?

— Не знаю. Вдруг стало грустно.

НА МОСТУ

— Ну? Что случилось? — спрашивает Валерий.

— Не обращай внимания. Пройдет.

— Но я не хочу, чтобы моя невеста грустила в такой день.

— Всё. Уже не грущу.

— Тогда давай поцелуемся.

— Ночью.

— Сейчас.

— Хорошо. Только не здесь. Там, в кустах.

— Я хочу здесь, на мосту.

Целуются. Поцелуй длится так долго, что проходящие студенты устраивают им овацию.

— Теперь мы точно должны обвенчаться, — говорит Валерий.

В ЦЕРКВИ

Они молча идут к церкви.

— Подожди, я только спрошу у батюшки, как всё делается, — говорит Валерий. Люба кивает головой и идет на небольшое кладбище при церкви. Там она читает известные русские фамилии на надгробьях.

— Господи, помилуй... — шепчет она. — Господи, помилуй...

— Всё в руке Божией, — говорит священник Валерию. — Он нам отмеряет столько, сколько положено. Нет ничего случайного в мире.

— Но как же так? — спрашивает Валерий. — Всю жизнь я был атеистом, мне было стыдно смотреть на то, как взрослые люди крестятся, бьют поклоны. А теперь, когда я понял, что есть любовь, я могу умереть в любой момент. Это ведь несправедливо. Надо, чтобы я рассказывал людям о чуде...

— Вы шутите или торгуетесь? Это грех.

— Нет. Я хочу знать, есть ли такие молитвы, которые немного продлевают жизнь? Ну хотя бы на месяц? Мне больше не надо, батюшка! Честное слово!

— А что говорят врачи?

— Вы спрашиваете о том, что говорят врачи! Что они могут говорить? Они хотят, чтобы я забыл о жизни и думал каждую минуту о смерти! Чтобы я себя берег! А я всю жизнь тратил себя назло себе самому, а теперь... пытаюсь остановить время. Что ж... Значит, нет таких молитв?

— Не знаю... Мне не дано этого знать.

— Тогда я и за вас помолюсь, батюшка.

— Помолитесь.

— А вы за меня.

— Я уже молюсь.

Подходит служка и тихо говорит что-то на ухо священнику.

— Меня ждут. Простите.

— Меня тоже, — говорит Валерий. — Простите, батюшка, я не хотел шутить. Профессия.

Они идут через церковь. Перед алтарем стоит группа людей вокруг открытого гроба. Валерий, проходя мимо, видит лицо умершей. Это дама в шляпе.

Он выходит из церкви. К нему подходит Люба. Она молча берет его под руку, они идут. Затем Валерий останавливается, снимает с нее шляпу, выбрасывает ее с обрыва. Шляпа летит, как летающая тарелка.

Люба, кажется, даже не удивлена.

— Я тебя люблю за то, что ты ни о чем не спрашиваешь, — говорит Валерий. — И за всё остальное.

— Смотри, — говорит она, показывая рукой вверх, где на горе среди деревьев виднеется дом, крытый черепицей. — Наш дом.

ДОМ

Они идут по дороге, которая серпантином вьется по склону горы, к дому. Дом лишь изредка открывается им. По прямой здесь не больше полукилометра, а они идут мимо переулков, тупиков, заканчиваю-

щихся особняками, среди громадных деревьев, в щебете птиц, — идут и идут.

Навстречу спускается господин с тростью.

— Свернем здесь, — говорит Валерий.

Они сворачивают в переулок, попадают на параллельную улицу. Дом все так же открывается им.

Впереди столики кафе, за одним из них спиной к ним сидит человек с тростью, похоже, тот же господин.

— Что за наваждение! — говорит Валерий, и они снова сворачивают в переулок, на параллельную улицу.

И отсюда дом еще виден.

Впереди, перед ними стоит пара: она в шляпке, он — спиной, с тростью. Обойти их невозможно.

Валерий и Люба еще раз сворачивают в переулок.

Больше они уже не видят дом на горе. Дорога спускается.

— Ладно, — говорит Валерий, — завтра мы его найдем. Давай купим вина! Сегодня ведь наша помолвка.

— Сегодня наш тайный брак, — говорит Люба.

Они входят в магазинчик в лесу, совсем простой, деревенский. Почти русское сельпо. И покупают там вино, круглый мягкий хлеб, помидоры, сливы, охотничьи колбаски, лук.

РЕКА

Здесь, за городом, река не одета в гранит. Здесь это настоящая горная речка, с бурными перекатами, валунами, ярко-зелеными полянами среди серых скал, с крошечными ущельями.

Люба расстилает бумажную скатерть, купленную в магазинчике, и перочинным ножиком Валерия режет хлеб. Валерий открывает вино, разливает в пластмассовые стаканчики.

— Выпьем за время, которое еще осталось. Сколько бы его ни было, — говорит Валерий.

Они чокаются и пьют. Люба тут же наливает по второй.

— Теперь я, — говорит она. — За время, которое прошло. Какое бы оно ни было. За время без тебя. Как мне грустно, Валерий! Как грустно!

Они выпивают. Люба начинает плакать. Она плачет, а Валерий смотрит и не пробует ее утешить. Наконец он говорит:

— Ну всё, больше не надо. Больше уже вредно. На, подкрепись.

Он макает хлеб в вино и дает ей.

— Ты что? Я не могу.

— Это вкусно. Поешь, — настаивает он. — Я научу тебя есть папоротники, жареную саранчу. Я повезу тебя в Азербайджан. Мой друг Гусейн-заде живет там в городе Мингечаур. Потом мы поедем в Барнаул. Там живет немец Унзер Коля, мы с ним служили в армии тридцать лет назад. Все-таки даже у меня было какое-то прошлое, а? Ты знаешь, какой я был жестокий мужик? Я был душа компании.

— Ты и сейчас душа.

— Да? Правда? Ты серьезно так думаешь?

— Правда.

— А что? Я еще хоть куда. Смотри.

Валерий начинает раздеваться.

— Да, — говорит Люба. — Ты мягкий. Я люблю.

— Я мягкий, но крепкий. Смотри.

Валерий идет к реке.

— Туда и обратно! — кричит он.

Люба смеется. А Валерий, обожженный ледяной водой, ахает и, молодцевато держа голову над водой, шлепает к другому берегу. Там он разворачивается и плывет обратно.

Люба аплодирует. Когда ему остается метров пять, она наклоняется для того, чтобы налить вино в стаканчики.

А он в это время начинает тонуть. Река оказалась сильнее. Он молча борется с ней, но силы убывают и он молча, безнадежно смотрит на веселую Любу — чем она может ему помочь?

Она поднимает голову...

Она бежит по берегу, в ее глазах ужас. Но ни он, ни она не проронили за это время ни слова. Только шумит, рокошет вода. Это конец.

— Не уходи! — у нее вдруг появляется голос.

И он цепляется ногой, потом пальцы ловят выступ...

Он, дрожа, выбирается на берег, падает на траву...

— Ты родишь мне дочку, слышишь? — говорит он, отдышавшись. — Я решил: если выплыву, то только одно это мне и надо в жизни. Родишь?

— Рожу, — просто отвечает она.

И оба они верят, что так и будет.

Вечером, в темноте, они смотрят, как светится малиновая догорающая в костре коряга. Китайский зигзаг коряги отражается в их глазах. У них совсем молодые лица. Вовсю трудится соловей. Черная река в серых скалах и черно-синее небо окружают их.

Он подбрасывает сухую веточку, и пока она жадно горит, нет другого события в мире.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Петр Алексеевич внизу, в гостиной, слушает романсы. Он ходит по комнате, трогает книги, спинки кресел, крышку рояля.

На улице собирается гроза, он, отогнув штормовую дверь, долго смотрит, как натягивает тучи. Зигзаг молнии отражается в его глазах. Стеной надвигается ливень на сад.

В наброшенной на голову курточке по аллее сада бежит мальчик под навес галереи. Руки невидимой старику мамы ловят мальчика в объятие.

Распахнуто окно в грозу, в сад. Гроза уже уходит, хотя еще глухо ворчит и швыряет молнии, но уже уходит.

Валерий и Люба лежат в постели.

— Дай руку, — тихо говорит он.

Люба кладет руку под его щеку.

Так, улыбаясь, склонив набок, на ее ладошку голову, он замирает, закрывает глаза. Приходит смерть.

Появляется радуга.

Наталья Веселова

НЕ ТАКАЯ КАК ПРОЧИЕ

(фрагмент романа)

ГЛАВА ПЕРВАЯ, О ТОМ, КАК АДЬКА ПОЕХАЛ В ДЕРЕВНЮ К БАБУШКЕ

— Не наклоняйся так сильно, Адик, сынок! Вот тряхнет посильней — и выпадешь!

Адька в который раз с видимым сожалением отодвинулся от борта грузовика. Усталость и нетерпение гнали его с тряскового места на тюке, заставляли то и дело бросаться к борту, слегка нагибаться над ним — и сладко ухало где-то пониже сердца, а если закрыть глаза, то и вовсе выходило почти как на качелях — весело! А еще он иногда ухитрялся встать на ноги у самой кабины и, положив на нее руки, смотрел вперед — тогда ухало уже в самых пятках, отчаянно ловивших сквозь тонкую подошву сандалий ускользающее дно кузова. Мама волновалась — не упал бы, не расшибся — как за младенца! — и каждую минуту он слышал ее ласково-встревоженные возгласы. «Адик, осторожней! Адик, упадешь! Адик, сядь на место!» — как же надоело! Вот бы набраться смелости и ответить ей невозмутимым низким голосом: «Помолчи, мешаешь», — как отец. Его-то она всегда слушалась и сразу начинала виновато моргать, отводя блеснувшие влагой глаза...

Отец у Адьки был человеком значительным. Настолько значительным, что Адька даже не смел называть его фамильярным «папа», а мать никогда не звала по имени. Оба обращались к нему «отец», и было в этом что-то от высокого звания, едва ли не государственного. Обращались с большой буквы, слову этому по чину не полагающейся. И еще одно имя было у отца — Сам. Так мать и сын обозначали его между собой и в разговорах с другими — очень солидно выходило: «Сам придет — починит», «Спроси у Самого — он знает», «Это Самому приготовлено — не тронь». Отец, лет на пятнадцать старше матери, к моменту их знакомства сумел уже заслужить почет и уважение: будучи потомственным рабочим-путиловцем, старшим мастером в огромном цеху, авторитетом он пользовался таким, что молодые инженеришки и получали меньше, чем он, и ежесекундно прибегали к отцу за советом и помощью, когда запутывались в своих туманных чертежах и расчетах. Дома Сам был немногословен и основателен: послушаться его — да что там послушаться! — возразить в голову не приходило. Сколько помнил себя Адька — страшней наказания, чем суровый от-

цовский взгляд, он на своей шкуре не испытывал, но, чтоб взгляда этого не заслужить, говорил все больше полупшепотом и без нужды старался отцу на глаза не попадаться. Голоса Сам тоже никогда не повышал — всегда говорил ровно и уверенно — будто шмель гудел. Необдуманных слов тоже не произносил, а уж тем более грязных или оскорбительных. Выпивал только по праздникам — обстоятельно, под обильную закуску, в кругу родных. Праздниками считал только Первомай, очередную годовщину Октября, Новый год отчасти и уж дни рождения Ленина и Сталина — обязательно. Кстати, дни рождения членов семьи праздниками, равноценными этим, не считались, и особо богатый стол не накрывался: мать пекла пирог с повидлом, яблоками или капустой — по выбору именинника — и семья ограничивалась торжественным чаепитием.

С женой отец обращался серьезно и строго, на женские рассказы или жалобы внимания не обращал, но был справедлив, попусту ее не третировал, по мелочам не привязывался. Называл «мать», словно подчеркивая тем ее тоже высокое назначение, а когда редко обращался по имени, то только полному — Анна. Считал правильным, чтобы жена в его присутствии больше молчала, а если и заговаривала, то только по конкретному делу, не отвлекая мужа от размышлений, чтения «Правды» или отдыха; отвлеченных рассуждений не терпел, считая, что женская голова для них не предназначена. «Не умничай, Анна», — спокойно останавливал он жену за общим столом, если она вдруг набиралась смелости вмешаться в степенную беседу отца с товарищами дерзким: «А вот мне кажется...»

Адька восхищался отцом, хотя и трепетал перед ним. Отец никогда не пытался стать другом своему сыну — построить, например, с ним модель аэроплана или, потрепав по упрямому вихру, спросить о школьных друзьях, — но от такого значительного человека этого и не требовалось. Адьке достаточно было знать, что отец его не такой, как другие — мелкие, суетливые и писклявые, — что им можно гордиться без сомнений и втайне надеяться, что по миновении не одного, так двух десятков лет и он, его сын, станет таким же значимым и уважаемым, таким же объектом поклонения и трепета в глазах молодой жены и сына-наследника.

Мать — другое дело. Она была для него просто мамой — ласковой, тихой и надежной. С ней мальчик не боялся и пошутить, и поупрямиться, и выказать иной раз неопасное непослушание. К своим двенадцати годам он уже прекрасно понял, что его зависимость от матери — дело временное, лишь пока не вырос. А потом, когда станет Адька настоящим мужчиной, уже она, по женскому своему званию, должна будет перед ним робеть и, может быть, даже заискивать, как перед отцом.

Вот и сейчас он нарочно, больше, чем сам хотел, перегибался через борт режущего и прыгающего грузовика, дразня ее и как бы даже испытывая, насколько далеко может зайти материнская власть над ним, Адькой.

Зашла дальше, чем он надеялся.

— Довольно, Адик. Всю душу мне вымотал, — мама неловко поднялась со своего мягкого узла с бельем и, балансируя, опираясь руками на чемоданы, направилась к сыну.

Добравшись, она крепко схватила его повыше локтя, увлекла за собой, усадила и строго молвила:

— Будешь теперь сидеть со мной до самой бабушки. Недолго уже: вон, смотри, за березняком Морок-озеро показалось.

Это означало, что трястись в кузове осталось от силы полчаса, потому что деревня, к которой они держали путь из Ленинграда уже больше семи часов, выехав перед самой зарей, находилась на другой стороне озера, названного так за необыкновенную черноту глубокой воды. В этой деревне, носившей смешное название Коровий Нос, родилась и выросла Адькина мама, единственный выживший ребенок из одиннадцати, родившихся у бабы Зины и деда Миши, умершего в один день с Кировым. В конце двадцатых, используя последнюю перед окончательным колхозом возможность, Анна уехала пытать девичье счастье в Ленинград, где прилежно выучилась на фельдшера и удачно вышла замуж за солидного человека — и вот наезжала теперь в родительский дом с собственным сыном каждое лето, испросив отпуск в июне. Потом она оставляла Адьку с бабушкой до конца августа, обеспечивая ему таким образом еще два привольных месяца, и забирала со всем скарбом перед самым сентябрем, приехав в кабине грузовичка, который в начале и конце лета выхлопывал у себя на Кировском заводе ее муж. Без грузовичка, конечно, было бы трудненько добираться до родной деревни, лежащей несколько в стороне от Киевского тракта, далеко за Псковом.

В Ленинграде мама работала близко от дома, на Васильевском острове, в роддоме им. Видемана, и работу свою ненавидела. Об этом Адька узнал весной, когда однажды, ворочаясь в постели перед сном, все почему-то не приходившим, услышал приглушенный разговор родителей за шкафом, что делил их комнату в дружной коммунальной квартире на две части — малую, предназначенную для Адькиного сна и занятий, и большую, с обеденным круглым столом, двумя широкими кроватями и тумбочкой между ними. У отца с матерью было в обычае, отправив спать сына, проводить еще какое-то время у стола, где мать безмолвно починяла белье или одежду у настольной лампы, а отец тихонько шуршал вечерней газетой, изредка позвякивая о блюде последней за день чашкой чая. Но в тот вечер мама почему-то вздыхала больше обычного и даже бормотала себе под нос что-то полусвязное, причем Адьке слышалось что-то вроде «...крепостное право какое-то...», произнесенное жалобно и протяжно. Услышал и отец, потому что тотчас спросил обычным тоном, не понижая и не повышая голоса:

— Что вздыхаешь, Анна? Нездоровится?

— Да нет, я здорова, — ответила мать еле слышно.

— А раз здорова, то и вздыхать нечего.

И опять несколько минут был слышен только шелест газетных страниц и вздохи, больше прежнего сдерживаемые. Потом мать снова нерешительно заговорила:

— У меня, отец, на работе... Не знаю, что и делать... Если б не закон этот... А так — не знаю...

— Не мямли, не люблю этого. Ясно говори, — отозвался отец.

— Да вот закон тот, что прошлым летом выпустили... Что с работы уходить самому нельзя, а только если начальство уволит. Но если уволит, то под суд...

— Это чтоб летунов окоротить.

— Я понимаю... Только как-то на крепостное право похоже: хочешь не хочешь — сиди на одном месте, а не то в Сибирь.

— Ты такими словами не бросайся. В Советском Союзе живешь, а не при царизме.

— А если ко мне начальница придирается, заведующая отделением?

— А ты работай хорошо — и не будет придирается.

— Но я хорошо работаю...

— Значит, плохо, раз начальство недовольно.

— И с коллективом я как-то не сработалась...

— А ты сработайся, не ленись.

— Я не ленюсь, отец, только... Если б не закон — ушла бы в другой роддом или в больницу, и дело с концом, а так... Только мучиться...

— Лишний это разговор, мать. Не твоего ума дело в законах разбираться. Какой надо было, такой и приняли.

Среди наступившего молчания из-за шкафа донесся отчетливый всхлип, и Адька, хотя и немножко жалко ему стало маму, все же душой был на стороне отца: вот как надо решать глупые женские вопросы — сурово, однозначно, по-мужски пресекая все пустяки, чтоб не разнюнилась слабая женщина. Отец на всхлип этот ненужный отреагировал строго:

— Ты тут сырости не разводи, мать, не терплю. Спать лучше давай. А глупости из головы выкини.

Выкинула ли мать глупости из головы, Адька не знал, но сейчас ехала она на родину счастливая и даже помолодевшая; радостное узнавание окружающего так и читалась на ее лице, когда пробежал мимо разросшийся березняк и в полную ширь показалось Морок-озеро, лежавшее внизу, под холмом, по которому грохотал грузовичок. И сразу стало в который раз весело-понятно Адьке, почему деревня называется так смешно. Смешно, но метко: озеро-то очертаниями ни дать ни взять — сытая черная корова, лежащая на брюхе, а на носу у нее прилепилось махонькая, в десять дворов, деревенька. Мать вглядывалась в эти домики напряженно, шуря на ярком обеденном солнце свои зеленые крапчатые глаза, рассеянно заправляя за ухо шоколадно-темную прядь, вырывающуюся на ветру из тяжелого узла, туго затянутого на затылке. Отец всегда был против всяких там игривых валиков и завитушек, и жена его, понятно, не могла ходить вертихвосткой, что бегают в платьях с плечиками и рукавами «фонариком». Она носила простое темное платье в мелкую светлую рябинку, а скромной данью ленинградской моде были беленькие носочки, которые мать, однако, осмелилась надеть только во время их «привала» в Пскове, смущенно оправдавшись перед Адькой тем, что в чулках ей жарко. У нее всегда были только простые, толстые чулки, потому что отец, увидев ее однажды в шелковых, выразил неудовольствие: «Не барыня в фильдеперсах щеголять». Он был за простоту и разумное спартанство в жизни и особенно в воспитании жены и сына. На Адьке были надеты свободные шорты темного сатина, на одной лямке, ехал он в летней белой фуфайке без рукавов, в сандалиях на босу ногу и широкой панаме «от солнечного удара». Отец настоял, чтобы пионерского галстука сын не снимал: «Пусть все видят, кто ты есть, и знают, что с тебя и спрос

немалый», — и велел узел не ослаблять, завязывать под самое горло — «Чтоб голову не опускать и гордиться своим званием». Все это Адьке понравилось, только уж очень солнце пекло, и все время Адьку подмывало сдаться на материнское: «Давай опустим пониже, чтоб шею обдувало», — но он пока держался, отвечая по-отцовски сдержанно: «Сам не велел».

Как-то вдруг выпрыгнула навстречу первая изба Коровьего Носа; метнулась из-за забора и поскакала рядом с машиной, сверкая зубами и остервенело лая, незнакомая кудлатая сука — и только в этот момент Адька пронзительно понял, что вот оно: начались необозримо длинные каникулы, после которых, подрастя, верно, как и в прошлом году, на целый вершок, отправится Адька осенью этого сорок первого в шестой класс... И таким счастливым почувствовал он себя в ту секунду, когда грузовик, рыкнув напоследок, встал прямо перед крепким бурым домом, а с крыльца уж бежала баба Зина, на ходу вытирая руки ярко-белым рушником, что сердце даже заныло от счастья, как, бывало, зубы от мороженого, в предвкушении еще большей радости...

Только к вечеру удалось Адьке вырваться из-под любовной опеки бабушки Зины, когда уставшая от дороги и тряски мать ушла на другую половину избы за пеструю ситцевую занавеску. Бабка убирала со стола посуду и, унося каждое блюдо, на котором что-то оставалось, значительно спрашивала внука: «Может, поел бы еще?» — на что Адька в ужасе мотал головой, потому что накормлен был отнюдь не по-спартански, а еле дышал, натрескавшись холода, борща и картошки, да запив все это молоком с добровольно-принудительной ватрушкой в придачу.

Наконец выбрался потихоньку Адька за калитку, намереваясь бежать через колхозное поле в соседнее большое село, где были клуб и сельсовет, а главное, жили товарищи по прежним упоительным летним играм — в Коровьем Носу пацанов, подходивших ему по возрасту, не было. Но только ступил он несколько шагов вдоль своего забора, как услышал задиристый оклик. Обернулся — и встретился взглядом с пареньком его же примерно возраста, белобрысым, щекастым, хлопавшим ярко-синими глазами под белыми, как мотыльки, ресницами.

— Ты из Пскова, что ли? — по-деловому спросил паренек.

Адька приосанился:

— Из Ленинграда. На лето к бабке приехал.

Но на паренька это не произвело должного впечатления, он равнодушно кивнул:

— А я из Пскова. Тоже к бабке. Меня зовут Севка, а тебя?

— Адька.

Севка озадачился:

— Это по-полному как же будет?

— Адольф, — гордо сообщил Адька.

— Это в честь Гитлера, что ли? — пытал неумный Севка.

Адька знал, разумеется, имя главного вождя Германии, речь его даже, которую в «Правде» напечатали, в школе на политзанятиях проходили, и ему нравилось, что необычный его отец и имя ему дал редкое — как мама потом объяснила, чтоб не такое, как у святых на иконах —

незачем, мол, это советскому парню, — да и звучное к тому же. Но почему-то счел нужным перед Севкой оправдаться:

— У нас с Германией пакт.

— Батя говорил, мы все равно с немцем воевать будем, — авторитетно изрек Севка, и палец его привычно потянулся к носу.

Этой темы Адька не любил и никогда ее не поддерживал, потому что ведь, если война, то будет, наверное, как в Испании — хронику в кино видел, такую, что и вспомнить страшно: мертвый мальчик его, Адькиных лет, лежит навзничь на груде мусора, в которую превратился его дом, а мимо бегут и бегут прямо по огню серые люди с разинутыми в крике ртами. Нет, мы не какая-нибудь Испания, на нас никто напасть не посмеет, а если и начнется война, то очень нескоро, через много-много лет, когда он, Адька, станет уже совсем стареньким, а может, и вовсе умрет — лет так через сто... И хотя ровеснику в родной деревне Адька поначалу было обрадовался, дружить с ним как-то расхотелось, потому он бросил ему снисходительно: «Ну, бывай пока, я по делу спешу», — и затрусил в сторону околицы на встречу с дорогими сердцу деревенскими приятелями.

ГЛАВА ВТОРАЯ, О ТОМ, КАК АДЬКА ПОШЕЛ ЗА ГРИБАМИ

Дальний грохот боев затих уже почти год назад. По всему выходило, что битва проиграна Красной Армией, потому что уж больно уверенными и спокойными выглядели те немногочисленные немцы, на которых Адьке удавалось глянуть вблизи. Деревенька Коровий Нос, маленькая и стратегически неудачно удаленная от райцентра километра на три вокруг Морок-озера, никак, по счастью, не была пригодна для размещения в ней мобильных воинских частей, поэтому немцы туда если и забредали, то только случайно.

Страшной — да и то с непривычки, оказалась первая с ними встреча, когда вдруг взревели за околицей моторы и на их мирной улице показалась вереница мотоциклов с колясками, привезших хмурых парней в крысино-серой форме, зловещих касках, с настороженно выставленными автоматами. Они разбились на две группы и принялись врываться во все избы поочередно, двигаясь с разных концов улицы и мало-помалу сближаясь. Резкие, словно собачий лай, выкрики слышались все ближе и ближе, даже коротко стрекотнула где-то автоматная очередь. Бабушка опомнилась буквально минуты за две до того, как подошел неизбежный черед их дома. Она сначала пробормотала что-то о хряке, которого, предчувствуя беду, догадалась загодя угнать в лес, и вдруг, всплеснув руками, бросилась к шкафу и принялась доставать темные мятые тряпки, швыряя их в сторону дочери.

Анна, застывшая на кровати в извечной материнской позе — то есть прижимая к груди голову своего перепуганного чада, — недоуменно смотрела на летающее по комнате тряпье, и от этого зрелища, кажется, ей становилось еще страшнее.

— Дамское снимай! Городское! Да скорей ты, тетеря сонная! — бабушка бесцеремонно оттолкнула оторопевшего Адьку и, как тесто в кадушку, стала вдруг кулаками запихивать дочь в тесный закуток за шкафом.

Через секунду оттуда вылетело мамино светлое крепдешиновое платье с ландышами по подолу, а спустя еще не более чем полминуты показалась словно бы вторая бабушка — в такой же темной мешковатой юбке и широкой, кое-как заправленной рубаше. Первая бабушка наскоро обвязала вторую засаленным передником и бросила ей на голову застиранный платок неопределенного цвета, пробормотав:

— Ты до глаз его, до глаз, чтоб патлы не вылазили, — а сама метнулась к остывшей печи.

Адька наблюдал происходящее и чувствовал, что закономерный страх в его душе превращается в тошноту, превозмочь которую он еще чуть-чуть — и не сможет. А бабка между тем зачерпнула горсть холодной золы и уверенным движением, словно такое немыслимое действие творила каждый день, размазала золу по лицу Адькиной преображенной мамы, а остатки растерла ей же по рукам... Все это показалось Адьке настолько невозможным, что, хотя за прошедшие два месяца войны он уже успел набояться вдосталь, именно мгновенное превращение молодой и красивой матери в неумытую старуху показалось ему самым ужасным из всего, что он уже испытал и даже страшнее того, что неумолимо приближалось... Бабушка еще успела критически оглядеть внука (пионерский-то галстук давно уж был от греха сожжен в печке) — и сразу же прямо в их дворе раздались тяжелые шаги и лающие выкрики. В дверь никто не стучал — ее распахнули двумя такими ударами, что с мясом отлетел накиннутый крюк, — и в горницу ввалились четверо с автоматами наизготовку. В этот момент сидевший на мягкой кровати Адька описался; мать подскочила к сыну и положила холодную от ужаса руку ему на плечо, зато бабка вызывающе стояла посреди комнаты и на незваных гостей смотрела почти что грозно. Но никого убивать они не стали, даже ничего не тронули, только тот из них, у которого на погонах блестело больше, чем у других, гавкнул, обращаясь, как показалось Адьке, прямо к нему:

— Зольдат? Найн?

— Найн! — поспешно ответила вдруг мама, как оказалось, прекрасно понимавшая лай, и даже замахала руками для убедительности. — Найн зольдат, найн!

— Гут, — неожиданно кротко согласился немец и, шагнув вперед, протянул руку, погладил сомлевающего Адьку по вставшим дыбом выгоревшим волосам и, можно сказать, дружелюбно осведомился у его матери: — Имья? Иван?

— А... Адольф... — ни жива ни мертва, выдохнула неузнаваемая Анна.

В стане врага произошло оживление. Среди одобрительного чуужеземного рокота Адька разобрал только обнадеживающе понятное «зер гут», «яволь» и «фюрер». Один солдат достал из кармана крупное розовое яблоко (побочным потоком сознания Адька четко определил, что оно было минуту назад украдено в их же саду) и протянул мальчику, сверкнув из-под каски абсолютно белыми, как у овчарки, зубами.

— Бери, — чуть слышно шепнула мать, но Адька пошевелиться не смог.

Тогда немец беззаботно кинул яблоко на кровать, перетянул автомат с груди за спину и отвернулся. Процессия удалилась, не причинив

ни малейшего ущерба и даже не заглянув ни в хлев, ни в курятник: были, наверное, сыты и не хотели тащить добычу издалека...

...Двадцать второго июня, когда Анна рвалась с Адькой в Ленинград, бабушка властно запретила ей это делать:

— И думать не могли. От Ленинграда твоего и камня не останется, а жителей всех перебьют. Опять же, что ни война — то голодуха. А здесь, как ни худо — а земля. Хотя лебедой — да прокормимся, грибов, может, успеем набрать, ягод, яблоки заготовим, капусту. Может, и хряка сбережем с курами, хотя навряд... Перезимуем, а дальше и загадывать нечего.

— А мужа я что же — брошу?! — всхлинула мать.

— Не до мужей теперь, — здраво рассудила бабушка Зина. — Дите бы сохранить — и то слава Богу.

— К отцу хочу! — испугался Адька. — Его немцы убьют!

— Смотри, чтоб тебя не убили, — обрезала бабка, и мать, покачав головой, не стала с ней спорить.

«Предательница! — жарко колыхнулось в Адьке. — От собственно мужа так запросто отрекается, немцам его почему зря отдает!» — но тотчас он получил от бабы Зины подзатыльник:

— Ты мне не бычься тут! Ишь, надулся, как мышь на крупу! На ту половину иди и играй себе тихо, не до тебя сейчас!

«Ага, играй, как же! — мстительно думал Адька, сидя за занавеской. — Возьму и убегу от вас прямо до Киевского тракта, а там доеду на каком-нибудь грузовике: не один ведь я в Ленинград собираюсь! И пойдем мы с отцом воевать с фашистами, а вы сидите, тряситесь тут, зайцы трусливые!»

Однако побег к Киевскому тракту осторожный Адька отложил пока на неопределенное время, завидуя все же Севке, чья мать, собрав ему и себе лишь по чемоданчику с самым необходимым, пустилась с сыном в путь уже двадцать третьего. Завидовал он ему ровно два дня — до того часа, когда буквально истерзанного, в лохмотья одетого, икающего и опухшего от слез Севку привел в деревню незнакомый мужчина и сдал с рук на руки его бабушке. Вечером баба Зина, думая, что внук уже спит, рассказывала тихо вскрикивающей дочери:

— Хорошо, что Маринка, Севкина-то мать, нашей Михайловне только сноха, не дочь была! Застрелили ее немцы с самолета, когда ихнюю колонну беженцев бомбили! Машины никакой они не достали, да где ее теперь возьмешь, машину-то! Люди по тракту валом идут, думают до Пскова добраться, а там, кому в Ленинград, на поезд какой-то сесть... Какой там сейчас поезд, Боже ты мой! А самолеты по небу так и шастают. Когда так пролетят, а когда и бомбы сбросят прямо на людей. Или из пулемета... Вот в Маринку и попало: Севку собой в овраге закрывала — и полоснуло ее. Так теперь в овраге и лежит. Хорошо, добрый человек нашелся, помог мальцу к нам обратно добрести... Вишь, какое горе, а ты в Питер рвалась. Вот и лежали б теперь с Маринкой рядом...

Из дома Адьку больше не выпускали ни за какой надобностью — и как ни рвалась мальчишечья душа обсудить лихо с друзьями из-за Морок-озера, а баба Зина отлупила его однажды собачьей цепью, валявшейся у давно пустой будки, только за то, что вышел он со двора, желая просто до Севки добежать, утешить его и расспросить мимоходом.

...После прихода немцев жизнь начала понемногу входить в более или менее устойчивую колею. В райцентре за озером бывала одна баба Зина, Адьку по-прежнему не выпускали со двора одного, та же участь постигла и Севку, так что приятели были своими бабушками благоразумно лишены возможности довстречаться до чего-нибудь ужасного. Мать стала тише воды ниже травы — только тенью бродила по избе, все время во власти такого страха, что замурзанный платок, повязанный ей на голову бабой Зиной, едва решалась снимать лишь на ночь. Она теперь была подвержена своего рода хроническому психозу, требовавшему все время иметь сына в поле зрения — и неотступно следила за ним глазами, вдруг ставшими гораздо больше тех, что были у Адькиной довоенной мамы. О муже и отце она даже не заговаривала, а на все попытки Адьки предположить что-то насчет Самого, отвечала всегда одним и тем же красноречивым жестом: она порывисто — нет, не обнимала Адьку, а хватала его в мучительные, жесткие объятия, судорожно прижимала к себе, малодушно шепча при этом: «Лишь бы ты был жив, лишь бы ты... А мы уж как-нибудь, ничего...» — и иступленно гладила его по все более оброставшей голове.

Бабушка не зря беспокоилась за внука до такой степени, что держала его под домашним арестом и надзором: после того как увял первый страх и жизнь «под немцами» перестала казаться уж очень невыносимой и опасной, Адька мало-помалу принялся вынашивать хитроумные планы-фантазии на тему о том, как возьмет и организует подпольный пионерский отряд, взорвет вместе с боевыми товарищами комендатуру, нагло захватившую здание сельсовета, или, хотя бы, глубокой ночью залезет туда на чердак и заменит фашистский флаг на алое советское знамя... То-то разговоры пойдут тогда по всем окрестным деревням об отчаянных смельчаках, не боящихся бросить вызов подлому врагу!

Но поначалу он выходил за калитку только под конвоем матери и бабки, за самой прозаической надобностью: собирать на зиму грибы, коих народилось в тот год столько, что хоть косой коси.

В их округе немцы особо не лютовали, потому что партизан поблизости не наблюдалось и заподозрить население в тайных сношениях с ними повода не было. Они только споро отобрали все, какие нашли, радиоприемники и развесили на каждом столбе объявления о том, что любой, сохранивший эту запретную вещь у себя, даже не пойманный за слушанием, будет расстрелян без суда. Никого пока не расстреляли — это баба Зина, регулярно ходившая за озеро менять городскую дочернюю одежду на ржаную муку, знала совершенно достоверно, — зато никаких новостей о том, что же происходило за пределами мира, подвластного теперь фашистам, добывать не удавалось... Победить-то совсем они пока не победили — это тоже было известно наверняка: у комендатуры вывешивался раз в неделю некий агитационный листок на русском, напыщенно сообщавший с не менее чем десятью ошибками о триумфальном шествии победоносных германских войск уже по Уралу, но об окончании войны речи пока не шло. В деревнях, по словам бабы Зины, листку и верили и не верили: с одной стороны, уж больно лихо драпала на восток непобедимая Красная Армия с самого начала войны, а с другой — неужели же и Москву, и Ленинград отдали? А где же Сталин, правительство где? Тут начинались сомнения...

Поздней осенью вышла их дому великая радость. Вернувшись к обеду из своего дальнего похода, бабушка привела с собой корову! Свою собственную, отобранную у нее колхозом после того, как она по немощи не смогла больше там работать по восемнадцать часов бесплатно, за трудовни. Ее отпустили, взамен конфисковав единственную коровенку Ночку — шуструю и быстроглазую, но богатую молоком. Немцы же колхоз разогнали, чтоб не собирались лишний раз вместе подозрительными группами крестьяне вражеского государства, а живность велели разобрать по дворам, пообещав, правда, в будущем использовать ее на благо Германии, а пока разрешив безвозмездно пользоваться. Этим жестом новая власть настолько развернула местное население лицом к себе, что своих, местных парней, не успевших загреметь на фронт и служивших при немцах в русской полиции, перестали чураться и презрительно называть «полицаями», а начали наперебой затаскивать в гости на парное молочко с творожными ватрушками.

Немцы потрафили и еще в одном: в первый же месяц фомкой взломали запоры на местной церкви постройки восемнадцатого века и, хотя живого священника во всем районе не нашлось — народ хлынул туда из всех окрестных деревень, причем люди, изголодавшиеся за последние пятнадцать лет по открытой, ненаказуемой молитве, частенько валились на паперти на колени, так вползали в открытые двери храма и начинали класть бесконечные земные поклоны. Самым подкупающим оказалось то, что немецкие солдаты и нижние чины частенько тоже приходили в церковь — за отсутствием кирхи сгодилась и православная — и смиренно молились рядом с побежденными, никак их не третируя...

Баба Зина лечила Ночку, в колхозе без хозяйской руки запаршивевшую, утратившую былую резвость и один глаз, целебными травами и припарками — животное приходило в себя день ото дня, и бабушка теперь носилась, как молоденькая, с тележкой на веревке — за озеро в бывший колхоз, наравне со всеми таская заготовленное там летом сено на корм возвращенной кормилице... Теперь в грядущую зиму можно было заглядывать даже с некоторой уверенностью, и каждый день, возвращаясь из своих походов, баба Зина рассказывала, что в райцентре и повсюду желают только одного: чтоб, не приведи Господь, не объявились где-нибудь поблизости партизаны, как, говорят, под Великими Луками, не начали бы вредить здешним спокойным немцам, что жестоко отразилось бы в первую очередь, как все прекрасно понимали, на ни в чем не повинном мирном населении...

Но первая военная зима прошла на удивление спокойно, даже Адькина мама, казалось, начала понемногу оттаивать, взгляд ее стал спокойней, она уже не металась косудей по двору, жалобно крича, как бывало раньше, когда вдруг спохватывалась, что уже четверть часа сын ее не с нею... Но резонов выходить за калитку у Адьки вскоре почти не осталось: Севкина бабушка, прихватив, конечно, и сироту-внука, переехала в райцентр на подмогу к одной из дочерей, державшей с сыновьями-подростками большое хозяйство. Так что главной заботой Адьки стало теперь непреодолимое одиночество: раньше хоть в присутствии взрослых, но все-таки мог он перекинуться с ровесником парой невинных фраз, похвастать удачной рогаткой, показать рыбный

улов, пока его бабушка и Севкина вели меж собой степенную скучную беседу, а мать бесконечно хлопотала по хозяйству. Еще одним страданием было полное отсутствие книг, совсем в их деревне не водившихся. Только и принесла ему бабушка из своего заозерного похода однажды стопку старых «Огоньков» — и то счастьем показалось лежать вечером перед сном на лежанке у русской печки и бесконечно читать при лучине... Определенно, деревенская жизнь, даже под немцем, тоже имела какие-то положительные стороны, самой главной из которых стала отмена школы на неопределенный срок.

Хозяйственные заботы, тяжким грузом легшие на отвыкшие от него плечи матери, почти не касались Адьки. Ему вменялось в обязанность лишь мыть посуду в тазике, задавать днем корм корове, хряку и курам, качать ручным насосом воду из озера и быть на подхвате по мелочам. Мать же долго убивалась колкой дров: кругляши-то лесник им на своей лошади доставил, столковались, а вот колоть никто нипочем не брался: немного могли предложить в качестве платы две бедные женщины, едва хватало их семье кое-как прокормиться. Да и морозы вдруг ударили небывалые — такие, что старики боялись, не померзли бы намертво все яблони и сливы... Немцы окопались в райцентре в теплой казарме, организованной в школе, — носу на улицу не казали, и Адька по ночам иногда приподнимался в темноте и прислушивался: не послышится ли где-то вдалеке неясный пока гром? Ведь это означало бы, что привычная к морозам Красная Армия идет, идет на запад, чтобы взять врасплох напуганных знаменитой русской зимой фашистов, прогнать их со Псковщины, с берегов Морок-озера, со всей советской земли... И тогда он, Адька, поедет с мамой в Ленинград к отцу... А отец... Он ничего не спросит, просто посмотрит испытующе и сурово — но Адька не опустит глаз: ведь он уже взрослый, побывавший почти что на войне... А потом скажет тихо, но твердо: «Отец, я решил сменить имя». Но в звенящей от холода ночи слышался иногда только пугающе близкий волчий вой, и тогда с кровати за занавеской шумно вставала баба Зина и, сунув ноги в валенки и накинув тулуп, бесстрашно выходила с огнем на мороз, беспокоясь, не подкопали бы звери хлев или птичник...

Весна не принесла с собой никаких новых напоминаний о войне, кроме ставшего уже привычным рева черных самолетов да нескольких дальних выстрелов и автоматных очередей — то испуганные немцы палили в темноту, опасаясь выхода разбуженного русского медведя.

К ограниченным зимним заботам прибавились труды на огороде — теперь даже Адька знал, насколько важно добиться к осени хорошего урожая, ибо за зиму дошел до понимания самых различных сложных вещей: например, он впервые постиг недоступную прежде истину, что каждый положенный в рот кусок полит чьим-то потом и что раньше, зная только, что еда берется у мамы из сумки, был, по сути, презренным дармоедом.

Но больше всего любил все-таки Адька поздней весной ходить с осмелевшей матерью по многочисленным лескам и рошицам в поисках сморчков — смешных вытянутых растений, напоминающих небольшие деревца с коричневой кроной. Они в изобилии водились кругом и часто становились главным блюдом за обедом — особенно после

того, как подъели прошлогоднюю картошку, изо всех сил стараясь сберечь посадочную.

В тот раннеиюньский день они зашли чуть дальше, чем собирались, и мама, разволновавшись, заторопила Адьку домой: углубляться в леса запрещалось очередным циркуляром, и за такую провинность тоже предполагался гипотетический расстрел, хотя, конечно, немцы никогда послушание не проверяли, ибо от леса в России инстинктивно предпочитали держаться подальше. Но вдруг совсем рядом с ними в кустарнике послышалось тяжелое копошение, у Адьки успела вспыхнуть заполюсная мысль о медведе — но сразу же обрисовался сквозь молодую листву человеческий силуэт. Перед застывшим мальчиком и его матерью стоял мужчина в шлеме и комбинезоне, а через секунду остолбенелого молчания сзади показался второй, точно так же одетый. Анна схватила и вжала в себя сына жестом, от которого уже было начала отвыкать, но первый мужчина успокаивающе выставил ладони и вдруг произнес:

— Только тихо. Свои мы. Русские...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, О ТОМ, КАК АДЬКА СТАЛ ПРЕДАТЕЛЕМ

С дядей Левой и дядей Костей — так именно представились мужчины в комбинезонах ошеломленному мальчугану, чин по чину пожав ему руку, а матери его предложив называть их Львом и Константином, — приключилась большая беда. Это сразу можно было прочесть по их осунувшимся, растеряннo-скорбным лицам. Кроме того, они могли считаться, каждый по-своему, красавцами, как в кино. Оба статные, широкоплечие, обладатели заливчатых губ (смоляного и пшеничного), мужественных и грубоватых, словно у памятников революционерам, широких лиц и скупых, но привлекательных улыбок, красные командиры немедленно расположили к себе сердце Адьки — настолько, что он, представляясь, присовокупил к своему имени шепелявое «в», чтоб решили, что Вадька, Вадим, стало быть. Потому что ведь ясно же, что произнести неприличное «Адольф», если спросят вдруг о полном имени, — значит покрыть себя несмываемым позором и утратить такое важное доверие с первых же минут. И мама поняла, не поправила — лишь бы потом не проговорила... Впрочем, ей не до сына стало с той минуты, когда она поняла, что перед ними стоят два человека — оттуда, из-за далекой черты, где еще, оказывается, жива и воюет Красная Армия, сопротивляется врагу несломленная страна.

— Скажите, а Ленинград?! — сразу же бросилась она к ним, как к избавителям. — Ведь его же не отдали, нет? Или... — она молитвенно сложила руки...

— Нет, нет, держитесь, не волнуйтесь, — стал успокаивать черночубый Лева. — И Москва стоит, оттуда еще зимой немец побежал не хуже Наполеона...

— И от Ленинграда побежал? — заклинала Анна.

— Скоро побежит, не сомневайтесь, — густым голосом отозвался пшеничный Костя. — А мы ему здесь — капкан, чтоб и бежать некуда стало.

— Так вы — партизаны? — догадался Адька.

— Значит, немцы под Ленинградом? — не унималась его мать.

Оба командира помрачнели.

— Н-не совсем, — выдавил Лева смущенно.

— Что — не совсем? — одновременно спросили мать с сыном.

— Да, собственно, и то и другое не совсем... — мужчины переглянулись, и Костя решился: — Нам ваша помощь нужна, вот что.

— Вы мне про Ленинград сначала! — почти крикнула мать, теряя над собой контроль. — Пожалуйста! У меня муж там остался! На Кировском заводе он, если не в армии!

— Так вы что — не местные?! — почти что взревел вдруг Костя. — Кто же нас к Ведьминой балке проведет?!

— Я проведу, я, я здесь выросла, но вы мне про Ленинград, про Ленинград, умоляю! — забилась мать.

— В блокаде ваш Ленинград, — хмуро бросил Лева. — В кольце, значит. Голод там. Люди друг друга едят.

Адька и Анна инстинктивно сдвинулись поближе, не спуская глаз с потемневшего Левина лица. Адька спохватился — голос его срывался:

— А как же... Ну, запасы... А если на самолетах...

— Сгорели на хрен все запасы, осенью еще. Бадаевские склады разбомбили. А самолеты... Смеешься ты, парень, что ли... Там только немцы летают и город бомбят. Чтоб добить тех, кто пока сам не помер. У меня мать и двух сестренок убило. В сентябре, когда артобстрелы начались, — окаменев лицом, коротко рассказал Костя.

— Господи... — Анна закрыла лицо руками.

— Не все так плохо, — вмешался Лева. — Там же теперь еще Дорога Смерти есть. Это по Ладоге, там кольцо не сомкнули. Все-таки доставляют какие-то продукты. И людей эвакуируют. Зимой по льду машины пускали, а с весны корабли ходят. Может, и ничего...

— Почему же тогда — Смерти? — выдавил Адька.

— Так в Ленинграде говорят. Потому что обстреливают и бомбят дорогу эту. Треть примерно на ней пропадают. Может, и больше. А официально — Ледовой называлась зимой...

— А вам к балке — зачем? — вспомнил Адька.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — отрезал Лева.

— К партизанам? И здесь появились? — догадалась Анна и сразу умоляюще прижала руки к груди: — Ох, не надо! Пропадем теперь через них!

— Как так — пропадете? — удивились разом оба командира.

— Да так! — отчаянно выкрикнула она. — Так, что под Великими Луками, говорят, за связь с партизанами две деревни сожгли дотла вместе с жителями! А нас здесь не трогают и жить дают нормально, потому что не гадит никто!

— Не га-адит?! — грозно попер на нее Лева.

— Это так вы борьбу с врагом называете? — строго спросил Костя.

— Вы армия — вы и боритесь, а у нас и оружия нет! Вы воюете, а мы за вас отдуваемся. Жизнью своей платим, детьми! Потому что немцы только там шьют население, где оно покорное! Не надо нам тут никаких партизан — это вам любой скажет! Знаю, как это бывает, слышала: партизаны ночью прибежали, взорвали и убежали — а в деревне наутро десять человек повесили. Нет уж, благодарим покорно,

идите, откуда пришли! — такой длинной и страстной речи, на памяти Адьки, его всегда тихая и робкая мама не произносила еще никогда.

— По-онял... — злоеюще протянул Лева. — Вот, значит, какие у вас тут комсомольцы-пионеры... Чуть Советская власть отвернулась — и уже, значит, под немца готовы... — чуть запнулся, покосился на Адьку и закончил смачно: — ...лечь!

Адька стоял испуганный и ровно ничего не понимающий. С одной стороны, то, что говорила мать, не укладывалось ни в какие с детства определенные рамки и шло полностью вразрез с тем, что кипело в крови с того дня, когда он осознал себя не просто мальчиком, а — советским, следовательно, не таким, как все другие в мире, чуть-чуть избранным, чуть-чуть особенным... А с другой стороны — да. Слышал он многое из-за ситцевой занавески, за которой ночи напролет, бывало, шептались мама с бабушкой, и — не малыш ведь уже — догадался: с немцем ладить надо, иначе... И вообще... Песни — песнями, да и отпели их уже, а кто победит в этой войне, неизвестно... Поэтому счел он за благо помалкивать и во взрослый разговор с неуместным своим пионерством не вмешиваться... Ждал, что мать решит. Она повернулась к сыну:

— Адик, сынок... Домой пора, бабушка заждалась, — и, взяв его за руку, сделала один-единственный шаг прочь.

Двое мужчин мгновенно, словно по воздуху из-за ее спины перенесясь, вмиг оказались прямо на тропе перед ними.

— Никуда не пойдете, — спокойно, без вызова и приказа в голосе сказал Костя.

Он не угрожал и не велел — просто констатировал. Его рука не растегнула кобуру, а лишь ее коснулась. Так, слегка, кончиками пальцев.

— Пойду, — вдруг проявила никогда не свойственную ей храбрость и наглость Адькина мама. — Хотите — стреляйте. В спину женщине и ребенку. Давайте. Защитнички.

Она глянула презрительно, по-крысиному — и, опять же, такого взгляда у нее Адька не помнил; взяв сына за руку, Анна преспокойно повернулась спиной к разом утратившим грозный вид красным командирам и почти вальяжно, по-ленинградски, тронулась прочь. Адька даже не испугался: откуда-то знал, что не выстрелят. Сзади раздалось — другое, просительное:

— Анна, послушайте. Мы в безвыходном положении.

Она обернулась, помягчала лицом. Лева и Костя приблизились. Один из них указал на солидную поваленную березу:

— Сядем, поговорим по-человечески...

...С ними действительно приключилось несчастье. Ночью с самолета их выпрыгнуло в заданном квадрате трое: еще был главный, Петька, хороший парень... Но... Что уж там случилось — никто не знает, только у Петьки этого парашют не раскрылся. Кто теперь разберет — небрежность или вредительство. При Петьке находилась карта со всеми подробностями. А задание у них было — найти остатки регулярных частей Красной Армии, вернее, просто несколько кучек рядовых и сержантов из разных частей, которые застряли здесь еще с прошлого года, со времени окружения, и сбились в отряд — а в командиры сами кого-то выбрали... Почти без оружия... Эдакие Робин Гуды... Но

где-то на немцев напали, оружия немного добыли, рацию отняли, и какой-то умелец из них, радиолобитель, сумел на связь выйти... Вот и решено было направить к ним Петьку командиром, Костю его замом, а Левку замполитом, а то ведь одичали они в лесу, наверное. Еду по деревням воруют... Их так или иначе организовать надо, то есть создать новый партизанский отряд. Такое вот задание. Только парашют Петьку подвел, а тело его они сегодня все утро проискали — безрезультатно. Так и сгинул вместе с картой — такие вот дела. Здесь задерживаться опасно. Только и знают, что название, где будущие эти партизаны находиться должны: Ведьмина балка. А как туда добираться? К местным обратиться? А если немцев приведут? Думали, счастье, что Анна им встретилась, а она теперь помочь не хочет... Ну вот они сейчас пообещают, что в районе озера никогда немцам солить не будут, — только пусть она их, ради Бога, к балке этой самой выведет!

— Часов восемь—десять нам пути туда. До темноты не успеем. В лесу ночевать придется. Что спрыгнули-то так далеко? — устало спросила смирившаяся Анна; запал ее уже сторел, да и люди-то свои, советские, как не помочь...

— Думали сначала, что хорошо бы костры они жгли ночью — в аккурат бы и свалились прямо к ним. Но начальство не одобрило: говорят, там немцы летают туда-сюда, не ровен час, заметят, да и скинут пяток бомб на всякий случай... А уж куда летчик нас сбросил — так он свой приказ выполнял. Может, ошибся, кто его знает... Ночь все-таки, и летели без штурмана... В общем, выручай, Анна, нам больше надеяться не на кого...

Она кивнула и обернулась к Адьке:

— Аденька, сынок, беги домой. Расскажешь бабушке, что я...

Мужчины снова переглянулись. Костя произнес глухо, не поднимая головы:

— Аня, ты не горячись, а правильно нас пойми. Ну не могу я вот так отпустить Вадика твоего «к бабушке», да еще и чтоб он рассказал там что-то... А ну как просочится известие к немцам! Это ж, считай, целый партизанский отряд накроют почем зря!

Анна взглянула дико; у нее даже губы посерели:

— Это... как же... вы нас, что же... совсем не отпустите?

— Отпустим, отпустим... — торопливо захлопал ее по плечу Лева. — Вы нас только доведите, а там идите на все четыре стороны. Сейчас нам важно, чтоб пацан твой один не бегал, а ты же человек взрослый! — он усмехнулся: — Если только сама партизанить не захочешь. А может, и ты, Вадик? А? Ружье дадут, будешь в немцев стрелять. Годится?

Вроде и сказал он дело, этот дядя Лева чернявый, а только так сказал, что гадко сделалось Адьке. И из вправдашнего ружья пострелять ему ох как мечталось, и немца бы уколошить розового, и овчарку его поганую, нерусскую, — все это хорошо бы, а как-то не так. Зябко стало Адьке, и, будто маленький, он прижался к матери:

— Я ничего... Я как мама... — обиженно пробасил он; она молчала, видимо, потрясенная.

— Значит, решено, — хлопая себя по коленям, поднялся Костя. — Рассиживаться нечего. Пожевать у нас есть, поделимся. Ну, Вадька, давай, веди, не дрейфь. Ты ведь пионер?

Он убито кивнул, хотел добавить, что дороги не знает, но почувствовал вдруг, что слезы закипели где-то предательски близко, даже переносящу от них заломило — и смолчал.

— Ладно, не трогайте ребенка. Пошли уж, — поднялась, в свою очередь, и Анна. — Навязались на нашу голову...

Шли долго и тяжело. Чем дальше углублялись в лес, тем чаще приходилось то продираться сквозь сухостой и густой подлесок, то прыгать по кочкам небольших высохших болот, то чавкать сапогами по вязкому топкому мху в туманных низинах. Комары одолевали — и это было мукой пуше усталости, пуше мокрой насквозь липкой рубашки, пуше даже сбившегося сухого дыхания. Они пикировали и сверху, и снизу, и с флангов, издевательски звенели у самого лица, целились в глаза, горячие от слез... Щеки распухли, горели и нестерпимо чесались, и почти нельзя уже было крепиться и не звать на помощь маму — маму, которая тоже ничего не могла сделать. Она шла молча, только все время оглядывалась на Адьку, и он никак не мог расшифровать пугающего выражения ее опухших глаз — а на самом деле ему очень не хотелось догадаться, о чем она думает... Ее, вернее бабушкина, бурая юбка цеплялась за бесконечные ветки, была уже в нескольких местах порвана, руки мать давно раскровенила себе непрерывным чесанием — но никакого сочувствия или хотя бы слов дружеского ободрения со стороны красных командиров слышно не было. Они шли, намеренно слегка поотстав, без признаков усталости, как машины — два здоровых тренированных мужика, распределявших, вдобавок, паек и воду.

Флягу, к которой страстно припал Адька на привале, когда ему уже казалось, что он вот-вот упадет замертво от жары и боли во всем теле, у него одним движением вырвал из рук дядя Лева, едва мальчик успел сделать пару хороших глотков.

— Воду беречь надо, — скупно уронил он и сам присосался к горлышку; ритмично заходил похожий на облезлого ежа кадык.

Матери тоже едва дали увлажнить рот, потому и хлеб, не слишком щедро отломленный, не полез обоим в горло. Хотелось только пить и лежать. И еще чтоб комары все на свете сдохли. Адька распластался на влажном мшанике и разом провалился бы в нирвану, если б проклятые кровососы зудящей тучей не кинулись к его, казалось, паром исходящему лицу. Но вдруг он услышал у своего уха материнский даже не шепот, а шелест:

— Адик, не открывай глаза... Слушай... Так, хорошо... Ты дорогу домой отсюда найдешь? Не торопись, подумай... Если да, то пожми мне руку... — и он тотчас почувствовал под своими пальцами раскрытую материнскую ладонь.

Адька торопливо прикинул. Они пока еще не совсем безнадежно удалились от тех мест, где прошлым и позапрошлым летом он собирал грибы с деревенскими ребятами, шая, убегал с ними в запретную чащу и в конце концов вдоль и поперек ее излазил. Пожалуй, он сейчас дорогу туда нашел бы... Мальчик чуть шевельнул рукой.

— Хорошо, сынок... Слушай... Когда пойдем, я отвлеку их чем-нибудь... А ты беги, как отвернутая... Беги, я не дам им стрелять, да они и сами испугаются... Придешь к бабушке, скажи ей...

— Ты о чем это там со своим выб...ком шепчешься?! — вдруг грянул зычный рык. — Смотри, они сговариваются там о чем-то, гниды!

— Ничего подобного! — подскочила застигнутая Анна с таким выражением лица, что на нем ее ложь читалась так же легко, как детский букварь.

— Левка, бери пацана и глаз с него не спускай: она, кажется, ему сбежать велит, — тоном, совершенно непохожим на тот доверительный и почти жалобный, которым раньше рассказывал про свои злоключения, распорядился Костя и подошел вплотную к вскочившей Анне: — А ты запомни и на своем хитром носу заруби: придумашь что — пеняй на себя. Мальчишке же хуже будет, если что. Мы здесь не в игры играем, а воюем с фашистом, понятно? А предателей и дезертиров расстреливают по закону военного времени. Ясно выражаюсь?

Он сказал это — тихо, хамовато — и отошел. Анна не посмела возражать. Поход вскоре продолжился. Теперь мать и сын шли под конвоем, и Адька вдруг очень ясно понял, что оба они — пленники. И, строго говоря, неизвестно чьи, потому что о конвоирах своих знают только то, что те сами рассказали. Думать о том, что случится дальше, Адька физически не мог, потому что в глубине души уже додумался до неизбежного: никуда их, разумеется, не отпустят, потому что ничто не помешает, например, ему, Адьке, рассказать о местонахождении партизан по возвращении. От этой мысли тошнило. Тошнило, как тогда, в первый день «под немцами»...

«Они потащат нас за собой к партизанам... Это уж конечно... Что же, не так уж плохо... Уж лучше, чем сидеть и трястись в своей деревне... А вдруг действительно оружие дадут? Не сейчас, конечно, а когда докажу, что не струшу... Может, и хорошо... Может, даже и лучше...» С такими примерно мыслями Адька заснул вечером на ягодной поляне, после того как ему в очередной раз и на четверть не позволили утолить жажду... Жажда. Это слово теперь не обозначало простое человеческое желание, а стало как бы названием дикого зверя, чудища, терзающего людей железными зубами... Ни озверевшие к ночи комары, ни выворачивающая боль в костях, ни истерзанное лицо матери — ничто не имело значения перед мордой страшилища с жутким, жадным и жабьим именем... Сон рухнул на Адьку, как оползень, а что разбудило его — этого он до конца жизни не понял, потому что не могли полумертвого человека разбудить два тихих чужих голоса, бормотавшие в ночи над зловецом тлеющими углями погасшего костерка...

— Я бабу, а ты пацана. Обоих разом, и чтоб без звука.

— А ты уверен, что дальше сами дойдем?

— Отсюда — да. Она же объяснила все, ты слышал. Незачем их тащить теперь. Давай прямо сейчас, пока спят. И не почувствуют ничего.

— Слушай, я как-то — это... Может, с собой все-таки возьмем? Анька молодая еще, да и пацаненок... Жалко...

— Жалко знаешь у пчелки где? Знаешь? Вот и мы там будем оба, если они сбегут. А они сбегут, там не доглядишь. На цепь их в лесу не посадишь. Все равно изловчатся...

— Ты так уверен, что немцам расскажут?

— Нет, не уверен. Не уверен. Но хочу знать наверняка. Поэтому приготовься. Выхода нет, понимаешь...

— Ну не могу я мальчишку. Сам таким был...

— Ладно, тогда ты — бабу. Ей, кстати, все равно бы не выжить среди тех мужиков. Они же год баб не видали. В первый же день всей толпой оприходуют, и не остановишь...

— Слушай, я не знаю даже... Похоже, придется... Только...

Дальше Адька не слышал. Его подбросила неведомая темная сила, и он (нет, конечно, это был не он, потому что ничего подобного тринадцатилетний мальчик Адик сделать не мог по определению) молча рванулся в колючую темноту и мчался в ней, трещащей и завывающей, какое-то время — а потом она вдруг беззвучно накрыла его собой.

Когда он пришел в себя, стоял день. Следующий день. В котором не было его матери — нигде не было. Адька не знал этого, но ощущал неведомой частью себя самого: очевидно, что-то сильно меняется вокруг человека и в нем самом, когда из мира исчезает его мать...

До деревни он добрался поздно ночью, причем путь этот выпал из памяти навсегда. Потом были то сужающиеся, то пропадающие вовсе стены их избы, отчего-то очень горячая постель, мелькающее над ней лицо бабы Зины, его собственный бесконечный крик, в котором мешалось «мама», «партизаны» и «Ведьмина балка», и, наконец, незнакомая тень в красивой черной форме, совавшая бабушке в лицо какую-то пеструю бумагу с настойчивым: «Ведьмын балка? Здьес? Здьес? Гут... Карашо...» — и все смешалось.

Адька еще только оправлялся от своей изнурительной болезни, превратившей крупного резвого мальчика в тихий скелетик, обтянутый серой шершавой кожей, когда после несложной карательной операции в лесу несостоявшихся партизан шустро расстреляли у края ржаного поля на виду у специально согнанных на увеселительное мероприятие жителей нескольких деревень. Жители хмуро молчали. Партизаны выкрикивали что-то оскорбительное в адрес палачей — и свидетелей. Трупы — около полусотни — свалили на грузовики и увезли под аккомпанемент того же гнетущего молчания. Это было все, что удалось Адьке в течение еще одного года оккупации скупыми порциями вытянуть из бабушки Зины, которая с тех пор говорить перестала почти совсем.

А потом кончилась война.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, О ТОМ, КАК АДЬКА ЖЕНИЛСЯ

— Ну что, Вадим, сдали сопромат — можем жениться?

Это шутка такая была у них в Военмехе, потому что сопромат отчего-то представлялся самым сложным предметом, и считалось, что, сдав его, из института уже не вылетишь. А вот и неправда: для него, Вадика, это было что тыквенную семечку щелкнуть — очень уж его умная голова оказалась расположенной к точным наукам, поэтому после техникума, законченного с отличием, в Военмех его взяли сразу на второй курс: нечему оказалось на первом учиться, сам салаг поучить мог. А насчет жениться... Это ж вагоны по ночам еще два года разгружать придется, ведь не на стипендию же молодой семье существовать! Но с другой стороны... После смерти тетки, разбаловавшей уцелевшего в пекле войны единственного сироту-племянника, жить одному совсем невмоготу стало — уже в непривычном к студенческому нездоровому

питанию животе ощущались по утрам подозрительные колики... Интересно, хорошо ли Надя умеет готовить — как бы это разузнать, а? Проще всего, конечно, пригласить домой и поставить перед ней конкретную задачу — наварить борща, например, а потом, отведав его, уже и думать о дальнейшей с ней жизни — или не думать. Но пригласить девушку в холостяцкую свою комнату Вадик не решался: вдруг неправильно поймет — девушка-то порядочная, не потрепушка...

Рассуждая так, он незаметно свернул с 1-й Красноармейской на Измайловский проспект и не спеша направился в сторону Варшавского вокзала, имея и пестуя заветную цель; утром еще сам себе пообещал Вадик одну поблажку: если сдаст сопромат на отлично, как надеется, то дойти пешком до недавно открытого гастронома «Стрела» и побаловать себя полукилограммом отличных молочных сосисок, о которых мечталось с самой стипендии. Этот деликатес он редко позволял себе, потому что знал, что, увидев соблазнительный серый сверток с шестью розовыми, как девичий румянец, стройными и ладными сосисками, он не сможет растянуть удовольствие на три дня, как требует того здравый смысл, а сварит их все сразу и немедленно съест с хлебом — да еще и мало покажется... А потом черный хлеб, кефир и чай снова станут его судьбой до следующей стипендии.

Впрочем, столовая их института для особо голодных одиноких студентов суровой жизни милосердно предоставляла замечательную возможность ни при каких обстоятельствах не умереть с голоду — даже когда с Большой Подъяческой на занятия приходилось уже ходить пешком, и денег не было совсем нисколько. Какой-то неизвестный благодетель завел гуманный порядок: в столовой недалеко от раздачи стояли огромные блестящие чаны, полные горячего чая с сахаром, и пить его можно было от пуза, заедая даровым черным хлебом, в изобилии наваленным на четырех больших подносах, стоявших у кассы. А еще имелась неизменная квашеная капуста с пунцовыми бусинками клюквы — в чуть помятом алюминиевом тазу, прямо рядом с хлебными подносами — и ее тоже разрешалось брать сколько угодно, не платя ни копейки. Так что Вадик бесплатно наедался этой пищей утром и днем, поэтому голодом мучился не совсем уж фатально, и в голове у него не шумело, как это случалось порой с его соседом по квартире Толькой, студентом-медиком, у которого в институте даже кусочек чернышечки — и тот стоил денег. Отчаявшись, Толька нанялся санитаром в морг при родной институтской клинике — и вскоре с учебы полетел за пьянку и рок-н-ролл, которым его обучили в морге же, а потом и вовсе превратился в презренного стилиста, ходить стал в клетчатом пиджаке с огромными ватными плечами и смешных брюках-«дудочках», да вдобавок начесывал себе упадочный «кок», что делало его похожим на глупого циркового пуделя. Старательный студент Вадик с ним не водился, и соседи по маленькой коммунальной квартире друг друга демонстративно презирали...

С комнатой этой Вадику повезло. Она перешла в его безраздельное пользование после недавней смерти тети Кати, у которой после печального возвращения в Ленинград в сорок четвертом пришлось ему жить и воспитываться.

...Когда закончилась необременительная оккупация, Вадик рвался в Ленинград к отцу, истово веря, что тот цел и невредим, но бабушка не

допустила самовольного путешествия внука — еще раз, по старой памяти, пройдясь ему по спине и ногам собачьей цепью и пригрозив на эту самую цепь посадить, коли дурь не выскочит.

— Если жив отец — сам за тобой приедет, — скупое пояснила она. — А нет, так пропадешь один, и следов не найдут.

Но отец так никогда и не приехал, зато однажды, вернувшись с озерного купанья, Вадик (впрочем, носивший тогда еще свое первое, постыдное имя) обнаружил в горнице незнакомую застенчивую женщину в легкомысленном платье с прямыми плечиками и волосами, явно ненатурально вившимися надо лбом.

«Отец бы такую вертихвостку в дом не пустил», — хмуро заметил про себя Вадик, — но тут же выяснилось, что это именно сестра отца — младшая, им вроде как проклятая и от семьи отлученная. Что-то неверно замаячило в памяти у Вадика, будто слышанное и почти незамеченное — похоже, отец незадолго до последних предвоенных каникул вечером рассказывал матери у круглого стола, за шкафом:

— Я ей так и сказал — на порог не показывайся, память родителей не позорь.

— Может, отец, уж очень строго и не надо было? Все-таки родная кровь... — робко возразила мама.

— Родная, не родная — а раз ублюдка принесла, то с глаз долой.

— Так ведь умерла ее девочка-то... Тяжело Кате сейчас, одиноко... Кроме нас, никого нет — тоже понять можно. А ты гонишь...

— Раньше должна была думать. И не я ее гоню, а сама она себя прогнала. Говорить, мать, не о чем. Пойди лучше чайник подогрей.

Так вот, стало быть, о ком шла речь тогда у отца с матерью! Теперь уж Вадик не ребенком был, что к чему понимать научился: гулящая, значит, эта тетя Катя, оттого отец ее в дом и не пускал — чтоб ни мать, ни его, маленького, не запачкала. А она сама прискакала — чего ей от него, Вадима, надо? Раз отец ее знать не хочет, то и ему ни к чему... И только когда схлынули острые эти мысли, вдруг в одну секунду тошно стало на сердце и холодно: ведь если не Сам приехал, а эта... Значит... Шагнул к ней твердо, спросил самым мужским из своих в последнее время размножившихся голосов:

— Вас Сам прислал?

— Кто? — не поняла она.

— Отец мой вас прислать не мог, — с достоинством пояснил Вадик.

— Конечно, я сама по себе приехала... — опустила глаза тетя Катя. — За тобой...

— Вот и собирайся теперь в свой Ленинград, — подала голос баба Зина. — В школу тебе нужно, совсем одичал...

— С этой? — как мог, презрительно скривил губы Вадик. — Отец против будет.

— Аденька, мальчик... — совсем не обидевшись, почти прошептала тетя Катя. — Нет больше папы...

В первую секунду он даже не понял, о ком речь, — настолько это телячье слово «папа» не ассоциировалось у него с его отцом — Самим, почти великим человеком, — а потом неожиданно что-то оборвалось внутри, и невесть отчего в груди стало вдруг жарко-жарко.

В блокаду его отец, крупный мускулистый мужчина, остро нуждавшийся в большом количестве полноценной белковой пищи, слег очень

быстро, и к январю сорок второго уже перестал вставать. Катя разыскала брата в надежде, что вдвоем будет легче выжить — но оказалось, что спасти его уже нельзя, можно только продлить его страшные мучения. Он завшишел настолько, что волосы и одежда шевелились от паразитов, но ни переодеться, ни побриться не пожелал: все, кроме еды, утратило для него смысл и цену. Катя даже не понимала точно, узнавал ли несчастный сестру, потому что стоило ей появиться в комнате, как он выпрастывал костистую руку с длинными коричневыми ногтями из-под своего зловонного тряпья и голосом, нисколько не похожим на всегдашний спокойный и уверенный голос Катиного старшего брата, завывал: «Дава-ай! Дава-ай!» — а если случайно дать было нечего, то начинал ругаться чудовищными словами — причем настолько страшными, что те, которые пишут на заборах, казались Кате гулением грудничка. Она работала медсестрой в госпитале, поэтому смерть ей грозила в осажденном городе любая — но не голодная: скудный паек полагался на всех раненых без исключения, даже на тех, кто утром умер или уже неделю лежал без сознания, а поскольку в госпитале таких всегда было предостаточно, то лишние пайки по справедливости делил между собой медперсонал... Катя рада была хоть чем-то помочь дошедшему до предела брату, она и думать забыла о его проклятии, помнила только, как в детстве ходила с ним купаться у Сфинксов, и он однажды вытащил ее из быстрой невской волны, когда девочка незаметно отплыла дальше положенного. Но однажды, вернувшись к брату после ночного дежурства, она увидела... Вернее, не увидела дома. В него случилось прямое попадание как минимум тонной бомбы, так что не осталось даже стен и толковых развалин — дом как будто превратился в гору мелкого щебня и пыли...

В Ленинграде тетя Катя привела ошеломленного Вадика к себе домой, в маленькую квартирку на Большой Подъяческой, где, кроме ее комнаты, была еще только одна, занятая невесть как выжившей старушечницей, похоронившей в блокаду всех, кроме внука Толика, Вадику ровесника. Когда пришла неизбежная пора записывать племянника в школу, тетя первая предложила ему узаконить давно уж самовольно приставленную к его имени букву «В» и записала, как звала по его просьбе, — Вадиком, впоследствии доросшим до вполне благозвучного Вадима, — а документов в послевоенном городе у детей не спрашивали, довольствовались устным свидетельством взрослых...

Так, Вадимом, он и закончил девятилетку — на четыре года позже, чем следовало, и машиностроительный техникум — где неожиданно блеснул незаурядными способностями. Скорей всего, рассуждала тетя Катя, это произошло оттого, что Вадик оказался на целых четыре года старше своих сокурсников, многие из которых учебу в школе даже в блокаду не прерывали, — а следовательно, и мозги его были взрослее и восприимчивее...

Его как раз приняли в Военмех, когда тетя Катя заболела неизвестной изнурительной болезнью: у нее «пекло где-то внутри», и все труднее ей было вставать по утрам и ходить даже просто по комнате. Анализы показывали, что тетя Катя — злостная симулянтка, и она поэтому стыдилась жаловаться племяннику на призрачную болезнь, при которой даже бюллетени не давали... Вадик не беспокоился: эта непонятная и чужая ему женщина мать заменить не смогла: ласка ее всегда

была неуклюжей, о чем говорить с племянником, она не знала, часто приходила с работы гораздо позже, чем должна была, — и Вадик брезгливо догадывался, что кто-то, должно быть, «есть» у тети Кати, а значит, отец гнушался ею не зря...

Однажды утром она не разбудила племянника, как обычно, приглашая завтракать на уютную маленькую кухню: он, проснувшись самостоятельно, обнаружил, что безбожно проспал, и обозлился на тетку, беспечно дрыхнувшую за ширмой, что через нее влетит ему теперь от сурового препода по диамату. Всклокоченный и злой, в майке и трусах, отодвинул Вадик ширму одним раздраженным движением и увидел, что тетя Катя лежит поперек своей узенькой кушетки, свесив запрокинутую голову, а глаза ее тускло смотрят на корявую картину, косо висевшую на стене...

После этого жизнь Вадика драматически усложнилась. До тех пор он невозмутимо питался на Катины медсестринские деньги, ею же приготовленной пищей, ничуть не беспокоясь о том, трудно ли ей содержать двоих: инстинктивно он отчасти перенял отцовское к ней пренебрежение, как к падшей, и подсознательно считал, что братнино недовольство она должна теперь как бы заглаживать, искупать, заботясь о нем, его сыне. Она тоже так, наверное, думала, во всяком случае, никаких упреков Вадик от нее не слышал и был тем доволен. Теперь ему пришлось туго; он узнал, каково это — провожать в столовой взглядом сытого благополучного однокурсника, нагло несущего перед собой к столику поднос с винегретом, рассольником, биточками с картошкой и двумя порциями компота; что значит — довольствоваться на ночь одним стаканом кефира, закусывая его все тем же хлебом, запасливо утянутым днем из столовой, а просыпаться со слипшимися кишками и тоскливым знанием, что расклеить их он сможет не раньше, чем после первой двухчасовой лекции... Он понял теперь, каким лакомством могут оказаться простые сосиски, когда ешь их не чаще раза в месяц, да и то если удастся сэкономить на чем-нибудь менее насущном...

Погруженный в эти невеселые мысли, Вадик и не заметил, как добрался до вожделенного гастронома. Пьянящий запах вкусной еды ударил ему в ноздри, наполнил рот сладкой слюной — и молодой человек устремился к колбасно-сосисочному прилавку, мысленно поедая без ненавистного хлеба все эти красно-розовые вкусоности, дразнившие его своей заведомой недосыгаемостью... Он как раз протягивал продавщице чек, почти дрожа от нетерпения, когда прямо рядом с ним прозвонел знакомый радостный девичий голосок:

— Вадик! Вот здорово! А я вот тоже зашла ветчины купить!

Еще не оборачиваясь, он знал, что это одноклассница Надя, которой он, скорее всего, и обрадовался бы — но в другой раз, а сейчас она помешает его личному маленькому празднику — да еще и не пришлось бы как-нибудь с ней поделиться!

С большой неохотой Вадик повернулся к девушке — и оторопел. На какую-то сумасшедшую долю секунды ему почудилось вдруг, что перед ним его живая мать: тот же овал нежного застенчивого лица, так же скромно, без всяких «финтифлюшек» подобранные волосы, а главное — платье... Мгновением позже он сообразил, что платье — просто сшито из точно такой же довоенной материи — скромного ситчи-

ка, неопределенно темного, в светлую крапинку, из какого было платье его матери в тот зелено-желтый ветреный день, когда они ехали на грузовичке в ее последний отпуск, откуда ей так и не пришлось вернуться... Сразу вспомнил и второе ее платье того лета — по-светлее, с каким-то ландышевым рисунком, и — неизбежно — домо-тканую бурую юбку, цеплявшуюся за ветви и коряги, уже довольно рваную, — в день, который, казалось, прочно был позабыт...

Много, много лет уговаривал себя Вадик, убеждал изо всех сил, что в гибели партизан не его была вина, тринадцатилетнего перепуганного пацаненка, в полубреду пробормотавшего несколько роковых слов. Это баба Зина тогда, насмерть перепуганная за последнюю свою дочь, кинулась за подмогой к немцам — считала, глупая, что они добудут ее живой... А если поглубже душу копнуть, то там даже гнездились что-то вроде удовлетворения справедливым возмездием тем двоим, разночубым, чьи имена даже вспоминать не хотелось, потому что кровь его матери обагрила их безжалостные руки... За годы научился Вадик не думать, в безбрежном море души не обкатывать острые камни детских воспоминаний; если являлись они вдруг непрошенными — то гнал немедленно, когда только начинало что-то нехорошее брезжить вдалеке, как в тоннеле — но все равно не избегал мгновенных ожогов прошлого: то мелькнет вдруг в толпе будто знакомый смоляной чуб, то старушка с ландышами у хлебного магазина встанет некстати, то у преподавателя не голос, а интонация мелькнет ну прямо отцовская — хоть плачь... А теперь вот платье это Надькино... Она смотрела на него чуть странно-вато, будто не понимая — круглыми своими, словно раз и навсегда чем-то испуганными светло-зелеными в пятнышках глазами. Он буркнул:

— Привет, — и повисла недоуменная пауза, за время которой Вадик все-таки успел схватить пакет со своими сосисками, уже какими-то не такими важными, как минуту назад.

— Перезанимался ты что ли, Вадик? — обиженно спросила девушка, и ему показалось, что она проглотила первую букву его имени, так что резануло по ушам и сердцу.

— Сосиски вот покупаю, — зачем-то стал оправдываться он, исподлобья косясь на Надю.

Она вдруг рассмеялась:

— Слушай, да ты сегодня совсем не такой какой-то! Сопромат-то сдал?

— Да, на отлично... А ты? — выдавил Вадик.

— Провали-ила... — ничуть, вроде, и не расстроившись, протянула она. — И не пересдать мне, кажется... Неспособная я к наукам. Уйду, наверное. Лаборанткой работать хочу, у нас же, в институте. А там видно будет... Да и то сказать — сколько можно у мамы на шее сидеть. Здоровья у нее после блокады не много осталось, а папу нашего подо Мгой в сорок первом еще убило. Хватит маме на полторы ставки работать, я сама себя прокормить смогу...

Слушая ее беззаботную болтовню, Вадик немного воспрянул духом, и даже вдруг пробежала опасливой мышкой поперек сознания шальная мысль: может, и не придется вагоны разгружать, если жена работать станет — продержатся: она молодая, здоровьем вон так и дышит, может и полторы ставки взять, а то и две; а он доучится спокойно, сыт будет, обихожен...

— Ва-а-дька, ну ты точно перетрудился... И питаешься, похоже, плохо? Конечно, один ведь живешь, какое там питание... — она призадумалась на секунду и вдруг выпалила: — А хочешь, я тебе борщ сварю?

...Следующие три года жизни оказались у Вадика лучшими — это он даже через двадцать лет признавал и, когда остро хотелось, бывало, вспомнить о чем-то хорошем, почти безоблачном, то поворачивал он мысленно во вторую половину пятидесятых — и всегда на сердце легало, как бы ни каменело оно с годами, как бы ни сжималось...

Надя оказалась человеком трудолюбивым и благодарным: не ожидала, что так быстро судьба ее переменится на уважаемо-замужнюю, да еще и окажется она вдруг ни с того ни с сего хозяйкой почти что собственной жилплощади. Любила порассуждать за вечерним чаем с булками:

— За кого ни выйди — все равно бы пришлось в одной комнате со старшими жить: либо с моей матерью, либо, еще хуже, со свекровью и свекром... А какая это жизнь, когда каждый твой шаг на виду? Такого жениха, чтоб со своей комнатой, — да разве ж сыщешь теперь, когда немец полгорода разбомбил, проклятый? Вот как повезло мне, Вадик, с тобой, суженый ты мой, ряженный! — и она лезла ни с того ни с сего обниматься, все норовя носом о щеку потереться или даже обслонявить невзначай.

Вадик увертывался:

— Отстань. Не люблю этого, ты же знаешь, — изо всех сил пытаюсь сделать голос уверенным и непререкаемым, как у отца, урезонивал он молодую жену.

Проявление телячьих нежностей — это единственное, чего терпеть не мог Вадик, потому что представить себе отца с матерью «лижущимися» казалось ему немыслимым и гадким, и высокий идеал семейной жизни он, во что бы то ни стало, хотел сохранить незамутненным никакими вольностями. Но Надя как будто и не настаивала — тотчас руки с шеи его снимала и начинала, как ни в чем не бывало, грызть мягкий сладкий бублик, никакой ласки не требуя: боялась мужа прогневить — да и вообще место свое знала. Это место он ей с первого дня определил: за той же ширмой, на той же кушетке, где так некрасиво скончалась тетка, — а когда жена было заупрямилась, говоря, что ее родители в одной кровати спали, он даже вздрогнул от отвращения: только представил на секунду теплое пахучее тело, сопящее рядом, — и чуть не вытошнило. Отец такого не допускал, между кроватями тумбочку держали...

За ширму эту он, правда, иногда наведывался — особенно когда сосиски и тушенка на столе стали обычным блюдом, а вместе с ними пришла и докучливая мужская потребность. Когда одолевало его, случалось, ночью на диване томное, ноющее беспокойство, а перед закрытыми глазами начинало вертеться непотребное, то он замирал и ждал нетерпеливо, когда в темноте раздастся Надино ровное сонное дыхание — и тогда, сам себя презирая, на цыпочках перебежал к ней на кровать, воровато забираясь под одеяло, каждый раз минуточку медлил, собираясь с духом, а потом быстро разворачивал спящую к себе, приспуская кальсоны и наваливался, не обращая внимания на ее про-

тестующее мычание. Дело свое он старался справить поскорее, потому что каждый раз казалось ему, что совершает он нечто постыдное и даже мерзкое, чего при свете делать невозможно, потому что после такого и в глаза человеку не взглянешь... Завершив свое ночное скользкое деяние, он скатывался с жены и, чувствуя к ней что-то сродни брезгливости, на носках возвращался в свою постель — а если Надя вдруг тревожно окликала, то не отзывался, притворяясь, что сражен мгновенным сном — впрочем, сон в такие ночи действительно приходил непроглядный, словно специально для того, чтобы утром казалось, что вчера это был не он, Вадим, уважавший себя и ценивший, а кто-то другой, маленький, грязный и презренный.

Поначалу Надя пыталась лезть к мужу по вечерам с бабьими разговорами за жизнь, что-то рассказывать о своем детстве, какой-то рыжей подружке, пропавшей по пути в эвакуацию, о детском своем ужасе перед артобстрелами... Но Вадик таких разговоров не поддерживал, потому что инстинктивно знал, что позволь он увлечь себя в волну воспоминаний — и не выдержит, вывалит ей все свое сомнительное подполье — и Адьку, и немцев, и Леву с Костей, и пятьдесят расстрелянных партизан... Иногда хотелось, чтоб душа живая разделила с ним его глубоко загнанную муку, пожалела, человеческими словами сказала, что не виноват он, зря казнится и сомневается... Но не шли слова с языка, и, со временем научившись почти точно копировать отцовский веский тон, Вадик обрезал Надины несмелые излияния:

— Хватит языком чесать. Делом бы занялась каким.

Его радовало, что она не обижается, а ценит свое замужнее состояние, не рискует им, вступая с мужем в бесполезные пререкания, а если и говорит, то на темы простые, нейтральные, что душу не бередят и мысли тяжелые не нагоняют — совсем как мать общалась с отцом. Надя ровно и неизменно доброжелательно расспрашивала его о делах в институте, о бывших своих однокурсниках, преподавателях, интересовалась, вкусно ли ему было за обедом, и что приготовить на завтрак, проверяла, не отлетела ли пуговица на рубашке, достаточно ли блестят ботинки и целы ли стрелки на брюках. Если он делал ей замечание или она сама замечала досадный беспорядок в хозяйстве — тотчас же с пчелиным усердием исправляла его до идеальности. Иногда все-таки пыталась навязать мужу что-то из своих дневных впечатлений или суетных общих мыслей — но этого Вадик не выносил, всегда пресекая родительским: «Не умничай. Не люблю», — и она замолкала, прекрасно осознавая его, мужнино, превосходство. Подсознательно Вадик не хотел душевного сближения, чуя, что заинтересуешься он случайно Надиной душой или покажи ей краешек собственной — и уже как бы утратит право жить только своей строгой и правильной жизнью, учебой, наукой — и станет жене чем-то обязан. Не хотелось. Да и Сам бы не одобрил — это всегда в голове держал Вадик.

Одно время совсем уж ему показалось, что отец как бы заново родился в нем, своим сыне — такими родными, будто и не заимствованными, стали слова, жесты, повадка Вадика — не хватало только сына теперь, чтоб звал отцом, а не слюнтявым папой, чтоб уважал и восхищался им вместе с матерью.

Все слалось одно к одному, словно по заказу: не прошло и месяца с тех пор, как получил Вадик свой красный диплом, а вместе с ним и

инженерское место в секретном военном КБ, а Надя вдруг, краснея, объявила ему за бубликами, что ждет ребенка.

«Сын!» — трепыхнулось в нем. Ему еще не исполнилось и тридцати, а жизнь, поначалу так немилостиво с мальчишкой обошедшаяся, теперь, похоже, молодому мужчине собиралась дать полный реванш, исполнив все тайно и явно им задуманное...

Во время беременности Вадик жену не баловал и никаких потачек ее прихотям не позволял: дело это женское, обыкновенное, пусть не привыкает думать, что совершает что-то из ряда вон выходящее, а на здоровье жалуется врачам, не мужу — и ей пользы больше, и ему спокойнее. Перед концом беременности Надя, правда, зарываться стала и, удила закусив, заявила вдруг на ровном месте, что намерена перед декретным отпуском уже на две ставки не работать, а на одной досидеть — мол, тяжело ей. Пришлось строго на вид поставить:

— В деревне, во время оккупации, на сенокосе видел: косила одна, косила, да вдруг под куст ушла куда-то с подругой. А через четверть часа уже ребенок запищал: родила. Завернула она его в платок, положила под тот же куст, в рот что-то, чтоб сосал, сунула, юбку подоткнула — и опять косить. И получаса не пропустила. А ты, я вижу, велика барыня стала: отпуск дают декретный, оплаченный — а тебе мало. Ты мне эти барские замашки брось, поняла? Тяжело ей... Чтoб не слышал больше.

Одумалась, к счастью, перечить не стала, а то бы четверть семейного бюджета враз долой — да перед рождением сына! В роддом Надю увезли, когда Вадик был на работе, сосед сказал — Толик с «коком», — он же и номер роддома записал. Но Вадик справляться о роженице не торопился: надо с гарантией позвонить, когда уже точно родит, чтоб там в справочном не подумали, что очередной сумасшедший папаша звонками одолевает... Но они позвонили сами.

Сначала он вообще не сообразил, о какой Надежде Степановне идет речь и при чем здесь какая-то здоровая девочка странно маленького роста, всего пятьдесят один сантиметр — карлица, что ли; что значит странное слово «декомпенсация» и какой может быть у сердца «порог». Они еще сбивчиво лепетали нечто невнятное про чье-то тело, которое предстоит забрать из морга, — и Вадик даже решил на минуту, что это звонят беспутному Толику с места работы...

СУЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА П. А. СТОЛЫПИНА

**Редакционный обзор материалов, собранных
и предоставленных редакции журнала
Реставратором — Андреем Павловым-Арбениным**

Современная Россия натужно ищет свой идеал. Центральные телевизионные каналы вкупе с «разжиревшими» спутниками власти из числа деятелей культуры совсем недавно предприняли попытку навязать имя П. А. Столыпина в качестве символа России. Попытка почти удалась. С другой стороны, всякий наш грамотный соотечественник вправе уяснить: каковы же идеалы нынешних хозяев русской жизни? Ниже публикуются редкие материалы, вполне позволяющие получить четкое или весьма объективное представление о фигуре П. А. Столыпина.

Зырянов П. Н. Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991. Петр Аркадьевич Столыпин принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с XVI века. Род сильно разветвился, владея многочисленными поместьями в разных губерниях. Родоначальником его трех наиболее известных линий стал Алексей Столыпин (1748–1810). Старшую ветвь представлял сенатор Аркадий Алексеевич, друг М. М. Сперанского. Его старший сын Николай был дипломатом. Средний сын Алексей, проживший недолгую жизнь, дружил с М. Ю. Лермонтовым, был его секундантом на двух дуэлях. Младший сын Дмитрий (1818–1893) служил в гвардии, затем вышел в отставку и долго жил за границей, где увлекся философией О. Конта. Вернувшись в Россию, он решил заняться устройством крестьянского быта — поселился в имении и вступил в должность неперменного

члена Вольского уездного по крестьянским делам присутствия. Но мужики плохо слушались философа, и он нашел корень зла в крестьянской общине, где «личность пригнетена, порядки некрасивы» (не отсюда ли начинаются будущие столыпинские реформы? — Ред.).

Среднюю ветвь рода представляла Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина) — бабушка Лермонтова. За исключением Алексея Аркадьевича, мало кто из Столыпиных любил знаменитого отпрыска своего рода. Все жаловались на его трудный характер. Одна из тетюшек упорно, до самой смерти отказывалась прочесть хотя бы строчку из сочинений «этого невыносимого мальчишки» (нет ли в этом факте опять же редкой неспособности Столыпиных понимать подлинно русское? — Ред.).

Младшим братом Аркадия и Елизаветы был Дмитрий, участник Аустерлицкого сражения. В 20-е годы XIX века генерал-майор Д. А. Столыпин служил на юге и был в хороших отношениях с П. И. Пестелем. Декабристы предполагали ввести в состав Временного правительства братьев Аркадия и Дмитрия Столыпиных. Но восстание было разгромлено, и начались аресты. В это время Д. А. Столыпин скоропостижно умер в своем имении Среднеково, под Москвой (нет ли опять в названных обстоятельствах указания на нерусское по духу начало рода Столыпиных? — Ред.).

Его сын Аркадий тоже был военным. Он участвовал в Крымской войне, во

время которой стал адъютантом командующего армией князя М. Д. Горчакова, своего будущего тестя. В русско-турецкой войне 1877—1878 гг. А. Д. Столыпин участвовал уже в генеральском чине. В последующие годы он занимал ряд должностей в военном министерстве. Последней из них была должность коменданта Кремлевского дворца.

Интересы А. Д. Столыпина не замыкались на военном деле. Он сочинял музыку, играл на скрипке, увлекался скульптурой, интересовался богословием и историей (его перу принадлежит «История России для народного и солдатского чтения»). Ни одно из этих увлечений не переросло рамки дилетантства. Аркадий Дмитриевич не отличался сосредоточенностью и целеустремленностью. Это был большой жизнелюб, бонвиван и картежник. Однажды, когда игра шла по-крупному, а удача была всецело на стороне Аркадия Дмитриевича, он выиграл имение Колноберже, недалеко от Ковно. Оно настолько понравилось его семейству, что Столыпины обосновались в нем на долгие годы. Средниково было продано (в результате будущий реформатор оказался вдали от центра всего русского. — Ред.).

Наталья Михайловна, жена А. Д. Столыпина, умная и образованная женщина, была знакома со многими выдающимися людьми. Однажды, еще до замужества, на заграничном курорте ее подруги были шокированы тем, что она долго гуляла по парку с каким-то плохо одетым человеком странного вида. Пришлось объяснить, что это Гоголь. Наталья Михайловна умерла в 1889 году, на 10 лет раньше своего мужа. Сыновья Петр и Александр унаследовали имения и родовой герб: «В щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней голубое, изображен одноглавый серебряный орел, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой — серебряную подкову с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: «Deo spes mea» или «Укрепи меня, Господи» (кстати, не эти ли слова пришлось в конце жизни по примеру Иисуса Христа перед распятием произносить и

П. А. Столыпину, когда в его грудь вошла пуля террориста? — Ред.)».

П. А. Столыпин родился 2 апреля 1862 года в Дрездене, куда его мать ездила к родственникам (опять же нерусское место рождения реформатора не указывало ли изначально и на характер его будущей государственной деятельности? — Ред.). Детство и раннюю юность он провел в основном в Литве. Летом семья жила в Колноберже или выезжала в Швейцарию. Когда детям пришла пора учиться, купили дом в Вильне. Виленскую гимназию Столыпин и окончил. В 1881 году он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета.

Кроме физики и математики, здесь преподавались химия, геология, ботаника, зоология и агрономия. Три последние науки особенно привлекали Столыпина (вот откуда зоотехнический подход Столыпина к социальным реформам — в этом угадываются также замашки нынешних российских заправил. — Ред.)...

В отличие от отца, П. А. Столыпин не имел музыкального слуха, но литературу и живопись любил, отличаясь, правда, несколько старомодным вкусом. Ему нравилась проза И. С. Тургенева, поэзия А. К. Толстого и А. Н. Апухтина...

Внешне отец и сын Столыпины были очень схожи. Как и отец, П. А. Столыпин был высок, подтянут и подвижен. Но их привычки и жизненный уклад сильно отличались. П. А. Столыпин не курил, почти не употреблял спиртного и редко играл в карты. Он рано женился, оказавшись чуть ли не единственным женатым студентом в университете. Ольга Борисовна, жена П. А. Столыпина, прежде была невестой его старшего брата, убитого на дуэли. С убийцей своего брата стрелялся и П. А. Столыпин, получив ранение в правую руку, которая с тех пор плохо действовала (видимо, это заявила о себе роковая решительность натуры П. А. Столыпина или его линейное восприятие действительности. — Ред.).

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Тесть Столыпина Б. А. Нейгардт, почетный опекун Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии, был отцом многочисленного семейства. Впоследствии клан Нейгардтов сыграл важную роль в карьере Столыпина. Молодые супруги мечтали о сыне, а на свет одна за другой появлялись девочки. Шестым, последним, ребенком оказался мальчик (что ж, умел будущий реформатор добиваться своего. — Ред.).

В литературе тех лет часто противопоставлялось мятежное поколение, сформировавшееся в 60-е годы, и законопослушное, практичное поколение 80-х годов. Столыпин был типичным «восьмидесятником». Он никогда не имел недоразумений с полицией, а по окончании университета избрал чиновничью карьеру, поступив на службу в Министерство государственных имуществ (прямо образ типичного консерватора. — Ред.).

Семья жила в Ковно или в Колноберже. Столыпин занимался своим имением, на время расставшись с мечтой о карьере. Позднее, уже оказавшись в должности губернатора, он однажды улучил момент, чтобы заехать в Колноберже. Увидев его за хозяйственными занятиями, один из соседей заметил, что «не губернаторское это дело». «Не губернаторское, а помещичье, значит, важное и нужное», — отвечал Столыпин (то есть будущий премьер-министр России изначально понимал помещичье земельное хозяйство как сущностное дело даже для губернатора. — Ред.).

Семья владела и другими поместьями — в Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях. Но дети не хотели знать никаких других имений, кроме Колноберже. Раз в год, в одиночку, Столыпин объезжал свои владения. Как настоящий семьянин, он тяготился разлукой с близкими, а потому не задерживался в таких поездках. Самое дальнее из своих поместий, саратовское, он в конце концов продал.

В Ковенской губернии у Столыпина было еще одно имение, на границе

с Германией. Дороги российские всегда были плохи, а потому самый удобный путь в это имение пролегал через Пруссию. Именно в этих «заграничных» путешествиях Столыпин познакомился с хуторами. Возвращаясь домой, он с восхищением рассказывал об образцовых немецких хуторах (вот так западный опыт и укоренился в душе Столыпина как опыт исключительно образцовый. — Ред.)...

16 июля 1902 года, открывая заседание комитета, Столыпин перечислил те факторы, которые он считал первостепенными в деле подъема сельского хозяйства... В частности, он подчеркнул, что не следует цепляться за «устаревшие, веками освященные способы правопользования землею, раз эти способы ведут к сохранению, хотя бы, например, трехпольной системы хозяйства,... так как они выразятся в конце концов экономическим крахом и полным разорением страны». Вслед за этими замечательными по проницательности словами последовала еще тирада, которая, как казалось Столыпину, логически была связана с предыдущей. «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собою, — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немислимы ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельною собственностью». Иными словами, народ темен, пользы своей не разумеет, а потому следует улучшать его быт, не спрашивая о том его мнения. Это убеждение Столыпин пронес через всю свою государственную деятельность (то есть будущий российский реформатор изначально рассматривал русский народ как силу темную и добра совсем не понимающую, кстати, нынешние руководители России действуют точно так же. — Ред.)...

В 1903 году Столыпин был назначен саратовским губернатором. Переезжая на новое место, дети смотрели

на Россию как на незнакомую страну. Пожалуй, и сам Столыпин отчасти чувствовал себя «иностранцем». Вся его прежняя жизнь — а ему было уже за 40 — была связана с Западным краем и с Петербургом. В коренной России бывал он едва ли чаще, чем в Германии. Российскую деревню он знал недостаточно.

Чтобы освоиться в малознакомой стране, требовалось время, а его оказалось в обрез. В 1904 году началась война с Японией. Старшая дочь Столыпина однажды спросила, почему не видно того воодушевления, как в 1812 году. «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? — сказал отец, имея в виду Порт-Артур, арендованный у Китая. — Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом». Этот разговор состоялся незадолго до отправки из Саратова на Дальний Восток отряда Красного Креста. На обеде в честь этого события губернатор говорил о том, что «каждый сын России обязан, по зову своего царя, встать на защиту Родины от всякого посягательства на величие и честь ее». Речь имела шумный успех, барышни и дамы прослезилась. «Мне самому кажется, что сказал я неплохо, — говорил потом Столыпин. — Не понимаю, как это вышло: я ведь всегда считал себя косноязычным и не решался произносить больших речей». Так Столыпин открыл у себя ораторский талант. Одновременно обнаружилось, что можно иметь успех, даже если говоришь не совсем то, что думаешь (вот оно, ключевое: лукавство как средство достижения цели. — Ред.)... В чем проявилась сия наклонность? Руками черносотенцев, стараясь не прибегать к помощи войск, Столыпин боролся с революционным движением в Саратове... 16 декабря 1905 года уже войска разогнали митинг, убив 8 человек. 18 декабря полиция арестовала членов саратовского Совета рабочих депутатов... Летом же 1905 года саратовская губерния стала одним из главных очагов крестьянского движения. В сопровождении казаков Столыпин разъез-

жал по мятежным деревням. Против крестьян он не стеснялся в использовании войск. Производились повальные обыски и аресты. Чтобы выявить излишки ржи, Столыпин составил таблицу, которая показывала соотношение между посевной площадью и величиной урожая. Так пригодились университетские познания в области математики (то есть Столыпин никак не вникал в суть крестьянского движения, заранее полагая его во всем виноватым. — Ред.)...

В докладных царю Столыпин утверждал, что главной причиной аграрных беспорядков является стремление крестьян получить землю в собственность. Если крестьяне станут мелкими собственниками, они перестанут бунтовать. Кроме того, ставился вопрос о передаче крестьянам части государственных земель (вновь перед нами приписывание крестьянам собственных воззрений. — Ред.).

Вряд ли, однако, эти доклады сыграли важную роль в выдвижении Столыпина на пост министра внутренних дел. Молодой губернатор, малоизвестный в столице, неожиданно взлетел на ключевой в российской администрации пост. Какие пружины при этом действовали, до сих пор не совсем ясно. Впервые его кандидатура обсуждалась в октябре 1905 года на совещании С. Ю. Витте с «общественными деятелями». Обер-прокурор Синода А. Д. Оболенский, родственник Столыпина, предложил его на пост министра внутренних дел, стараясь вывести переговоры из тупика. Но Витте не хотел видеть на этом посту никого другого, кроме П. Н. Дурново, общественные же деятели мало что знали о Столыпине. Вторично вопрос о Столыпине встал в апреле 1906 года, когда уходило в отставку правительство Витте. Американская исследовательница М. Конрой считает, что своим назначением Столыпин во многом был обязан своему шурину Д. Б. Нейгардту, удаленному с поста одесского градоначальника (в связи с еврейским погромом), но сохранившему влияние при дворе. Предположение вполне резон-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ное, хотя думается, что больше всего Столыпин был обязан Д. Ф. Трепову, который был переведен с поста товарища министра внутренних дел на скромную должность дворцового коменданта и неожиданно приобрел огромное влияние на царя... «Достигнув власти без труда и борьбы, силою одной удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собой попечительную руку Провидения», — вспоминал товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский (то есть, как мы видим, Столыпин получает из рук судьбы уникальную возможность поуправлять Россией на свой вкус, ну прямо как В. В. Путин из рук Б. Н. Ельцина. — Ред.)... Впрочем, вопрос о хуторах и отрубках, как основное звено будущих реформ Столыпина, мало интересовал правящий класс. Главные его заботы сводились к тому, чтобы «закрыть» вопрос о крестьянском малоземелье и избавиться от крестьянской общины. Правительство предложило раздробить ее при помощи хуторов и отрубов, и дворянство охотно согласилось (видимо, поэтому Столыпин и получил так легко большие полномочия, что в этой борьбе с общиной крайне нуждались многие в правящем слое России. — Ред.)...

Новый премьер не имел выбора при формировании кабинета. Из прежнего состава правительства он удалил лишь таких реакционеров, как А. С. Стишинский и князь А. А. Ширинский-Шихматов, в основном же правительство осталось горемыкинским. Не все его члены были единомышленниками Столыпина. Министр финансов В. Н. Кокцов, опытный государственный деятель и второе по значению лицо в кабинете, не скрывал скептического отношения к аграрным начинаниям Столыпина и жалел на них денег (а вот и еще одно роковое для Столыпина обстоятельство — нехватка средств. — Ред.)...

Драматические события середины 1906 года показали, что правительство по-прежнему на первый план ставит борьбу с революционным движением...

А. С. Изгоев, один из первых биографов Столыпина, писал, что в его времена «ценность человеческой жизни, никогда в России высоко не стоявшая, упала еще значительно ниже» (то есть для Столыпина на самом деле был важен процесс его реформ, а вовсе не адресат их. — Ред.)...

24 августа 1906 года правительство опубликовало декларацию, в которой пыталось оправдать свою политику массовых репрессий и возвещало о намерении провести важные социально-политические реформы. Подробнее преобразовательная программа была изложена Столыпиным во II Думе 6 марта 1907 года. Некоторые мероприятия правительство начало проводить, не дожидаясь созыва Думы. 27 августа 1906 года по 87-й статье был принят указ о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам части казенных земель. 5 октября последовал указ об отмене некоторых ограничений в правах крестьян. Этим указом были окончательно отменены подушная подать и круговая порука, сняты некоторые ограничения свободы передвижения крестьян, избрания ими места жительства, отменен закон против семейных разделов, сделана попытка уменьшить произвол земских начальников и уездных властей, расширены права крестьян на земских выборах.

Указ 17 октября 1906 года конкретизировал принятый по инициативе Вите указ 17 апреля 1905 года о веротерпимости. В новом указе были определены права и обязанности старообрядческих и сектантских общин (тем самым Столыпин совершил акт длительного воздействия на русское мировоззрение, которое он, скорее всего, уже тогда хотел изменить в сторону западного взгляда на ценности человеческой жизни, или, ослабляя позиции православия, Столыпин укреплял в России влияние западного мировоззрения. — Ред.). Представители официальной церкви так и не простили Столыпину того, что старообрядцы получили определенный устав, а положение о православном приходе застряло в канцеляриях.

9 ноября 1906 года был издан указ, имевший скромное название «О исполнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». В дальнейшем, дополненный и переработанный в III Думе, он стал действовать как закон 14 июня 1910 года. 29 мая 1911 года был принят закон «О землеустройстве». Эти три акта составили юридическую основу серии мероприятий, известных под названием «столыпинская аграрная реформа»...

Правительство Столыпина, писал С. М. Дубровский, сделало ставку на «крепкого хозяина» и, разрешив куплю-продажу наделной земли, «способствовало тому, чтобы эта земля перешла к крепким и сильным крестьянам».

Политика Столыпина, утверждал американский историк Дж. Токмаков, была направлена на «дальнейший подрыв глубоко укоренившихся феодальных уз и пробуждение инстинкта частной собственности, который в конце концов должен был создать буржуазное общество мелких фермеров. Это новое сельское общество стало бы основой реформированного государства, о создании которого думал Столыпин (кстати, не напоминает ли сие деятельность “великого” реформатора А. Чубайса? — Ред.)»...

Крепкий работающий собственник, по замыслу Столыпина, должен был формироваться на основе широких слоев зажиточного и среднего крестьянства. Считалось, что дух предприимчивости, освобожденный от стеснений со стороны общины и семьи, в короткое время способен преобразить даже весьма хилое хозяйство середняка. Каждый должен стать «кузнецом своего счастья», и каждый такой «кузнец» мог рассчитывать лишь на крепость своих рук и рук своих ближних, ибо сколько-нибудь значительной помощи со стороны на переустройство хозяйства не предполагалось (финансовое обеспечение реформы было ее слабым местом). Ставка делалась почти исключительно на «дух предприимчивости», что показывает, что и Столыпин,

при всей своей практичности, волей или неволей бывал идеалистом (вновь то же: мы хотим вас осчастливить за ваш же счет. — Ред.)...

Абстрактность замысла столыпинской аграрной реформы в значительной мере объяснялась тем, что ее сочиняли люди, неважно знавшие русскую деревню. За два года пребывания в Саратове Столыпин, конечно, не мог узнать ее достаточно глубоко... Главным правительственным теоретиком по землеустройству был датчанин А. А. Кофод. В Россию он приехал в возрасте 22 лет, ни слова не зная по-русски, и затем долго жил в небольшой датской колонии в Псковской губернии (опять знакомая картина из нашего времени. — Ред.).

Несмотря на все старания правительства, хутора приживались только в некоторых западных губерниях, включая Псковскую и Смоленскую. Отруба, как оказалось, подходили лишь для губерний Северного Причерноморья, Северного Кавказа и степного Заволжья. Отсутствие сильных общинных традиций здесь сочеталось с высоким уровнем развития аграрного капитализма, исключительным плодородием почвы, ее однородностью на очень больших пространствах и весьма низким уровнем агрикультуры. Только при таких условиях переход на отруба происходил более или менее безболезненно и быстро приносил пользу (вот-вот, только выборочно, а главное — в меньшей части от целого. — Ред.)...

Вместе с тем известно, что после окончания революции 1905–1907 годов и до начала Первой мировой войны положение в русской деревне заметно улучшилось. Однако нет никаких оснований связывать это улучшение с проведением аграрной реформы. Здесь действовали другие факторы. Во-первых, с 1907 года были отменены выкупные платежи. Это было большим облегчением для крестьян. Во-вторых, наблюдался рост мировых цен на зерно. От этого, надо полагать, кое-что перепало и простым крестьянам (не напоминает ли сие обстоятельство снова наши дни, связанные с резких

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

повышением цен на российское нефтяное сырье? — Ред.). В-третьих, за годы революции сократилось помещичье землевладение, а в связи с этим уменьшились и кабальные формы эксплуатации. Наконец, в-четвертых, за весь период был только один неурожайный (1911) год, но зато подряд два года (1912–1913) были очень хорошие урожаи. Что касается аграрной реформы, то это была настолько широкомасштабная реформа, потребовавшая столь значительной земельной перетряски, что она никак не могла сказаться положительным образом в первые же годы, даже если бы впоследствии имела успех...

Правительство (помимо прочего. — Ред.) намеревалось ввести бессословную систему управления. Если раньше помещик был над мужиком, то Столыпин хотел усадить их рядом в волостном правлении... Такая реформа имела прогрессивное значение. В области рабочего законодательства намечалось провести меры по страхованию рабочих от несчастных случаев, по болезни, инвалидности и старости. Большое значение имел проект введения всеобщего начального образования.

Некоторые из этих законопроектов были внесены во II Думу... Дума не хотела отказаться от требования частичного отчуждения помещичьей земли. Правительство же не шло в этом вопросе ни на какие реальные уступки (опять вспоминается большевистская неуступчивость нынешних реформаторов. — Ред.)...

Конфликт между Думой и правительством отзывался эхом по всей стране. Глядя на Думу, крестьяне бойкотировали столыпинскую аграрную реформу. Ходил слух, будто тем, кто выйдет из общины, не будет прирезки земли от помещиков. В 1907 году реформа шла очень плохо.

Разгон Думы был делом нетрудным, но опыт показывал, что новая Дума будет повторением разогнанной. Отсюда вставал вопрос, править ли без Думы или же менять избирательный закон так, чтобы обеспечить благоприятный для правительства состав депу-

татов (опять наши реалии точь-в-точь. — Ред.)...

Во главе заговора стоял царь. Его мало интересовали хутора и отруба, но раздражала левая Дума. А. С. Изгоев считал, что Столыпин принял участие в этом деле едва ли не против своего желания. Однако никто из мемуаристов вроде бы не пишет, что Столыпин противился государственному перевороту. Тем более что речь шла о судьбе реформы, которую он считал своим кровным делом и которой очень гордился. Ради этой реформы он готов был пожертвовать какой угодно буквой закона (снова цель оправдывает средства, или если нельзя, но очень хочется, то вполне можно. — Ред.).

Замысел состоял в том, чтобы одновременно с роспуском Думы обнародовать новый избирательный закон...

Утром 1 июня 1907 года председатель Думы Ф. А. Головин получил от Столыпина записку с просьбой предоставить ему слово в начале заседания и удалить из зала публику. И вот, как вспоминал Головин, «на трибуне появилась высокая и мрачная фигура Столыпина с бледным лицом, темною бородою и кроваво-красными губами». Металлический голос премьера долетал до самых удаленных уголков притихшего зала. Премьер требовал от Думы устранения из ее состава 55 социал-демократических депутатов, обвиняемых в заговоре против государства. Дума ответила тем, что образовала специальную комиссию для разбора дела.

Простая логика требовала от правительства довести провокацию до конца, чтобы получить более весомый предлог для роспуска. Но царь совсем потерял терпение и в личной записке Столыпину напомнил, что «пора треснуть». 3 июня 1907 был издан манифест о роспуске Думы и об изменении положения о выборах. Это событие вошло в историю под названием третьеиюньского государственного переворота (вот так, всех несогласных легко объявляем маргиналами и отправляем куда подальше. — Ред.)...

А вот и переписка Л. Н. Толстого со Столыпиным... Толстой пометил в

записной книжке: «Вчера задумал написать Столыпину». 21 июля письмо было начато, а 26-го — закончено и подписано.

«Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, — писал Толстой, — имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли. Если революционеры всех партий имеют успех, то только потому, что они опираются на это доходящее до озлобления недовольство народа». Это понимают, подчеркивалось в письме, и революционеры, и члены правительства, но ни те, ни другие для разрешения аграрного вопроса до сих пор не предложили ничего, кроме «величайших глупостей». «Все эти меры — от социалистического требования отдачи всей земли народу до продажи через банки и отдачи крестьянам государственных земель, так же как переселения, — все это неосуществимые фантазии или паллиативы, имеющие тот недостаток, что только усиливают раздражение народа признанием существующей несправедливости и предложением мер, не устраняющих ее»... Ответ был немногословным. Сжато и выпукло Столыпин показывал суть своих расхождений с Толстым.

«Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, то есть при наличии права собственности на землю. Теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок в полную собственность...

Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла на верх волна событий — вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину... А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем» (не истина, а свобода — вот кумир Столыпина, не укрощение греха человеческого, а потрафление ему — мило было русскому реформатору; видимо, отсюда и ощущение им близкой собственной смерти. — Ред.).

При всех литературно-публицистических достоинствах и искреннем тоне этого письма в нем присутствуют и очень спорные моменты. Прежде всего это касается попыток объяснить крестьянскую бедность только отсутствием права частной собственности на землю и тем самым вывести из-под удара «более развитый элемент землевладельцев», то есть помещиков. Около трети всех российских крестьян жили в общинах, которые не переделали землю. Землевладение таких крестьян фактически было частным. Однако нищета у этой одной трети была ничуть не меньше, чем у остальных двух третей. Ибо и у них было такое же малоземелье, являвшееся оборотной стороной многоземелья помещи-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ков, которые подвергали их тем же самым полукрепостническим, кабальным формам эксплуатации («отработки», «испольщина», зимний наем и т. п.).

Более чем сомнительно прозвучал и тезис о том, что «смешно» говорить о свободах полуголодному человеку — сначала надо поднять его благосостояние. Весь исторический опыт, от Столыпина до наших дней, свидетельствует о том, что в условиях авторитарных и тоталитарных режимов, как правило, не происходит значительного роста народного благосостояния, чаще всего — наоборот. Пользуясь отсутствием гражданских свобод, такие режимы начинают расходовать все более значительную часть национального дохода на свои собственные нужды. Происходит разрастание бюрократического аппарата и военной (репрессивной. — Ред.) машины (кстати, подобное точь-в-точь творится и в России начала XXI века. — Ред.).

И наконец, в-третьих, в письме не просматривается стремление глубоко вникнуть в позицию Толстого и обнаружить те самые точки соприкосновения, которые помогли бы найти пути если не к соглашению, то к сближению...

Толстой считал, что Столыпин совершал две главные ошибки: начал насилием бороться с насилием, что привело только к разрастанию его масштабов, и приступил к проведению такой земельной политики, которая имеет в виду не умиротворение, а «утверждение земельного насилия». Толстой был уверен, что разрушение общины и насаждение мелкой земельной собственности не принесут мир в русскую деревню. Только такие меры, как признание земли «равной собственностью всего народа» и установление единого для всех налога, могут «успокоить народ и сделать бессильными усилия революционеров, опирающихся теперь на народ». «Смелому, честному, благородному человеку, каким я вас считаю, — писал Толстой, — свойственно не упорствовать в сделанной ошибке, а сознать ее и направить все силы на исправление ее последствий».

Вместе с тем Толстой понимал, что Столыпин не вполне свободен в своих действиях, что он не может изменить свою политику, не считаясь с мнением царя, его окружения, членов правительства. «Очень может быть, — отмечал Толстой, — как бы мягко и осторожно вы ни поступали, предлагая такую новую меру правительству, оно не согласилось бы с вами и удалило бы вас от власти. Насколько я вас понимаю, вы не побоялись бы этого, потому что и теперь делаете то, что делаете, не для того, чтобы быть у власти, а потому что считаете это справедливым, должным. Пускай 20 раз удалили бы вас, всячески оклеветали бы вас, все бы было лучше вашего теперешнего положения... Еще раз прошу вас простить меня за то, что я мог сказать вам неприятного, и не трудиться отвечать мне, если вы не согласны со мной...» ...

Столыпин не ответил на означенное выше письмо Толстого... Ответом были правительственные репрессии, продолжавшиеся и после подавления революции. В деревнях производились массовые порки, аресты и высылки. Встречались села, где отсутствовало почти все взрослое мужское население, посаженное в тюрьмы или отправленное в ссылку. Несмотря на отмену военно-полевых судов, продолжались смертные казни, творившиеся по приговорам военно-окружных судов. Проведение аграрной реформы сопровождалось мерами насилия. 15 мая 1910 года при подавлении уезда Тамбовской губернии полиция использовала огнестрельное оружие. Было убито шестеро крестьян (а не ждут ли случайно впереди и современную Россию подобные «славные» меры реформирования? — Ред.)...

Толстой и Столыпин резко разошлись, хотя могли достичь большего понимания друг друга. В поиске встречных путей Толстой оказался снисходительнее, терпеливее и настойчивее. Со своей стороны Столыпин, как видно, не придал большого значения своим отношениям с Толстым. А между тем достичь взаимопонимания с Толстым означало достичь взаи-

мопонимания и с крестьянством, чьи настроения чувствовал великий писатель и чьи интересы защищал...

Деятельность Столыпина не поддается однозначной оценке. В целом он был, несомненно, крупным государственным деятелем, хотя вряд ли особо выдающимся. «У П. А. Столыпина был сильный ум, — писал Изгоев, — но это был какой-то ум второго сорта, действительно лишенный и углубления, и идеалистического благородства, ум, смешанный с мелкой хитростью и лукавством». Даже правокадетские публицисты, сочувственно относившиеся к Столыпину, считали, что ему далеко до О. Бисмарка и К. Кавура. Заслуживает внимания характеристика Витте, из всех врагов Столыпина, пожалуй, наиболее близкого ему по взглядам: «Столыпин был человеком с большим темпераментом, человеком храбрым, и пока ум и душа его не помутились властью, он был человеком честным». А. Ф. Керенский считал, что политическая прозорливость Столыпина уступала силе его характера.

И все же Столыпин видел гораздо дальше и глубже, чем царь, его окружение, помещики, сановники, министры — все, кто олицетворял собою старую дворянскую Россию, с которой тысячу нитей был связан и он сам. Эту Россию Столыпин пытался приспособить к новым временам. Он ушел из жизни, не понятый и не принятый ни новыми временами, ни старой Россией (такова точка зрения Зырянова П. Н. — Ред.).

Теперь давайте перечтем одно примечательное выступление самого Столыпина (Столыпин П. А. Думские речи. М.: Знание, 1990), сделанное им в рамках заседаний III Думы (Заседание 5/XII.08 г. О законе 9 ноября):

«Господа члены Государственной Думы! Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу после того, как громадное большинство Государственной Думы высказалось за проект в его целом, то делаю я это потому, что придаю этому вопросу коренное зна-

чение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью — значит исказить закон, значит лишить его руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община, как принудительный союз, ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью: надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли (обратим внимание на то, что Столыпин зачем-то полагает общину лишь как “принудительный союз”, тогда как сам смысл общины в ином — в господствующем настроении и желании жить и работать сообща. — Ред.).

Если, господа, мысль эта понятна, если она верна, то нельзя вводить в закон другое понятие, ей противоположное; нельзя, с одной стороны, исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки, располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны, признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом (вновь Столыпин лукаво, а значит, и намеренно усиливает смысл взаимной ответственности членов семьи до “гнета сочленов своей семьи”. — Ред.). Господа, противоречие это станет еще более ясным, если мы дадим себе отчет в том, как понимает правительство термин “личная собственность” и что понимают противники законопроекта под по-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

нятием “собственности семейной”. Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своею землею, властен закрепить за собою свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном распоряжении; он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но вместе с тем ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности — и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самостоятельность (то есть Столыпин предлагает добровольцам рисковать самостоятельно, без каких-либо гарантий поддержки со стороны государства. — Ред.).

Государство может, оно должно делать другое: не тому или иному лицу оно должно обеспечить определенное владение, а за известной группою лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле, за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли наделной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги, она не может быть завещана иначе, как по обычаю.

Но, господа, что такое семейная собственность? Что такое она в понятиях тех лиц, которые ее защищают, и для чего она необходима? Ею, во-первых, создаются известные ограничения, и ограничения эти относятся не к земле, а к ее собственнику. Ограничения эти весьма серьезны: владелец земли, по предложению сторонников семейной собственности, не может

без согласия членов семьи, без согласия детей домохозяина ни продать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрепить его за собою, ни отвести надел к одному месту; он стеснен во всех своих действиях. Что же, господа, из этого может выйти? Возьмем домохозяина, который хочет прикупить к своему участку некоторое количество земли; для того чтобы заплатить верхи, он должен или продать часть своего надела, или продать весь надел, или заложить свою землю, или, наконец, занять деньги в частных руках. И вот дело, для осуществления которого нужна единая воля, единое соображение, идет на суд семьи, и дети, его дети, могут разрушить зрелое, обдуманное, может быть, долготное решение своего отца. И все это для того, чтобы создать какую-то коллективную волю! (а вот оно и самое главное: Столыпин категорически не верит в возможность ненасильственного семейного единодушия по важнейшим хозяйственным вопросам, для него оно невозможно и даже совсем не нужно в принципе. — Ред.). Как бы, господа, этим не наплодить не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозит в будущем и мелкою чересполосицею, а в настоящую минуту она, несомненно, будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина (тем самым Столыпин изо всех сил пытается раздробить семейный мир в деревне, полагая тем свой “великий” долг и развязывая попутно все нити греха личного преуспеяния и наживы. — Ред.).

Во имя чего все это делается? Думаете ли этим оградить имущество детей от отцов пьяных? Ведь в настоящее время община не обеспечивает от разорения; и в настоящее время, к несчастью, и при общине народился сельский пролетариат; и в настоящее время собственник наделного участка может отказаться от него и за себя и за своих совершеннолетних сыновей. Нельзя создавать общий закон ради исключительного уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обо-

гашению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету (а вот и суть самого Столыпина: даешь безоглядную свободу для сильного во имя его личного благополучия! Да разве в России подобное может быть устойчивым? — Ред.).

Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предыдущий оратор господин Бобринский! Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развивать институт опеки за расточительность, который в настоящее время наш Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недробимости участков. Но главное, что необходимо, это — когда мы пишем закон для всей страны — иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых (вот оно воистину нищенское: только сильные достойны жизни и счастья. — Ред.).

Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта не далека, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина! (вот-вот, снова языческие символы: вместо веры в Бога имеем лишь веру “в силу русского пахаря” или “в русского крестьянина”. — Ред.) Это было время не для колебаний, а для решений (вновь напыщенность речи, или опять вполне фальшивый пафос речения. — Ред.).

И вот в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке ст. 87 закон от 9 ноября 1906 года: оно ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных (снова разделение народа на победителей жизни и прочих. — Ред.). Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собою более 320 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство (а так ли это в самом деле? — Ред.).

Многих смущает, господа, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа. Но левые в данном случае идут против принципов разумной и настоящей свободы (но ведь истовое стремление не к истине, а к свободе есть стремление вполне антихристианское; именно его в свое время выбрал Иуда Искарот. — Ред.). Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 миллионов горькою неволею? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу. Нельзя, господа, возвращаться на этот путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. Необходимо думать и о низах, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия (а может быть, лучше бы освободить этот самый народ от сомнительных благодетелей или от самих себя — одержимых? — Ред.).

И насколько, господа, нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года (а теперь уже честный разговор: оказывается, под видом заботы о народе спасаем лишь собственное господствующее положение в России. — Ред.).

Я позволю себе привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: “Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции” (а кто бы сомневался в том, только вот и революционеры совершенно были правы в том, что и

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

правляющий класс пытался расколлоть массы народа, создав тем самым крепкие условия для собственного властного положения и впредь. — Ред.). Затем, дальше с этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями (так ведь для России сие вполне уместно всегда было, чай не в Германии живем. — Ред.). Поэтому сторонники семейной собственности и справа, и слева, по мне, глубоко ошибаются (а вот тут и правда будет: “по мне”. — Ред.).

Нельзя, господа, идти в бой, надевши на всех воинов броню или заговорив всех их от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи (а вот и суть самого Столыпина, его подлинные приоритеты: во-первых, материя — ресурс, а затем уже или только, во-вторых, дух. — Ред.). Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия (а, каково: “земля — это Россия”, ни больше и ни меньше. — Ред.).»

А вот точка зрения на П. А. Столыпина, которая со временем менялась полярно. Сначала мысли, датированные 1988 годом, а затем уже соображения после ряда событий начала 1990-х годов.

Игорь Дьяков. Забытый исполнитель. «Роман-газета». № 20. 1994. стр. 55 — 71. ... В 1906 году Совет Министров во

главе с С. Ю. Витте уходит в отставку, и Столыпин принимает портфель министра внутренних дел. 8 июля 1906 года последовал высочайший указ, согласно которому 44-летний Петр Аркадьевич Столыпин становится премьер-министром России, совмещая этот пост с полученным ранее. В том же году он был «пожалован в гофмейстеры». 1 января 1907-го — назначен членом Государственного Совета, а в 1908-м — статс-секретарем...

Еще в Ковно Столыпин распространяет среди крестьян-литовцев идею об единоличной земельной собственности.

В беседе с редактором саратовской газеты «Волга» Столыпин говорил: «До моего губернаторства в Саратове я долго жил в Западном крае, там я имел возможность лично убедиться во всех преимуществах крестьянского хуторского хозяйства. Меня поражал самый вид этих свободных хлебопашцев, бодрых и уверенных в себе». Он считал, что «прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца», и подчеркивал: «сперва гражданина, а потом гражданственность, а у нас обыкновенно проповедают наоборот» («Новое время», 3.10.1909).

Став премьер-министром, Столыпин подключает к делу исключительно даровитого и энергичного А. В. Кривошеина, ведающего сельским хозяйством, рядом мер оживляет работу основанного в 1882 году Крестьянского банка и землеустроительных комиссий.

10 мая 1907 года Петр Аркадьевич выступает перед II Думой со своей знаменитой речью, положившей практическое начало аграрной реформе.

Приведя точные и полные данные о положении в сельском хозяйстве и исходя из них, а не из абстрактной жажды «сбить накал революционной борьбы», обращается к здравому смыслу депутатов. Говорит о мнимой справедливости равного между всеми распределения земли: «Все и вся были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух... Стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый

гражданин — а между ними всегда были тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о своем желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросит ее и опять пойдет бродить по белу свету. Все будет сравнено, но приравнять всех можно только к низшему уровню. Нельзя человека ленивого приравнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному».

Земельный указ от 9 ноября 1906 года Столыпин начал применять фактически с января 1907 года, не дожидаясь прохождения законопроекта через законодательные палаты...

А теперь посмотрим беспристрастно... на объективные результаты столыпинской реформы. Результаты, конечно, промежуточные, ибо проведение ее было искусственно и искусно пресечено.

Между 1907 и 1915 годом для покупки помещичьих земель, находящихся во владении Крестьянского банка, крестьянам было выделено ссуд на 421 млн рублей (напомним, что это были «еще те» миллионы, когда корова стоила пять — семь рублей), а инфляция если и наблюдалась, то лишь во время войн и в пределах считанных процентов.

При сохранении помещичьих усадеб как культурных очагов крестьянский земельный голод неуклонно утолялся. С 1906 по 1915 год помещичья земля сокращается с 53 до 44 млн десятин.

При поддержке банка крестьянами было приобретено и благоустроено свыше 200 000 хуторских хозяйств. С 1906 по 1910 год крестьяне сверх земель, полученных от общины, приобретают дополнительно 6 млн десятин.

К моменту реформы в 47 губерниях Европейской России было 14,6 млн наделных дворов. До 1917 года из этого количества подали заявление о выходе из общины 5,8 млн домохозяев, то есть свыше 40 процентов от их общего количества. К 1 января 1916 года на земле успели укрепиться 2,3 млн домохозяев, получивших в общей сложности 26 853 000 десятин земли. Причем из этого количества 15 374 000 десятин

приходилось на хутора. Между 1908 и 1915 годом 914 000 единоличников продали свои наделы другим крестьянам. Часть из них переселилась за Урал, часть оставила деревню и переселилась в город (исключительный промышленный подъем тех лет позволил им найти там более выгодный заработок) и они вздохнули свободней, до того будучи лишь формально прикреплены к крестьянскому сословию, а на деле занимаясь не земледелием, а иными делами «по душе» — торговлей, ремеслами, промыслами и т. д. — безземельных-то крестьян в России, в отличие от Западной Европы, и не было. Наконец, многие продали свои наделы для покупки лучшей земли через Крестьянский банк. И уж совсем небольшая часть — из-за недостатка рабочих рук, из-за пьянства и лени и составила деревенскую «бедноту», не меняя своего качества независимо от правительственных реформ и даже строя. К 1915 году почти 60 процентов наделной, то есть бывшей общинной, земли стали личной собственностью крестьян. Плюс 30 млн десятин, купленных на личные средства. Плюс порядка 60-ти — арендованные у помещиков главным образом...

Какова же урожайность, скажем, пшеницы после столыпинского «злодейства»? А урожайность с 1906 по 1915 год непрерывно возрастала и выросла до 14, а в некоторых местах — даже до 20 — 25 процентов.

В период с 1909 по 1913 год русское производство главнейших видов зерновых превышало на 28 процентов продукцию Аргентины, Канады и Америки, вместе взятых. Цены на зерно в Европе в 1904—1914 годах были бы намного выше, если бы русский вывоз не сдерживал аппетиты американских, канадских и аргентинских экспортеров зерна. Можно себе представить, с какой «любовью» следили они за успехами России и как тщательно пестовали недовольных как слева, так и справа...

Террористы не щадили самого Столыпина. Охота за ним велась на протяжении многих лет. Самым страшным из покушений был взрыв дачи на Апте-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

карском острове 12 августа 1906 года, всего через месяц после назначения Петра Аркадьевича на пост главы правительства. Портфели «с начинкой» взорвались во время приема посетителей (охрана Столыпина на казенной даче и в других местах редко превышала до того одного жандарма). Взрыв унес жизни 27 человек, в том числе посетительницы с младенцем на руках и швейцара, «озарив» последующие народоубийства «во имя светлого будущего всего человечества». 32 человека были тяжело ранены — среди них дочь и единственный сын, трехлетний Аркадий. Сам Столыпин по чистой случайности остался тогда невредимым... Тогда нашлось много «доброжелателей», которые прямо или косвенно давали понять, что теперь-то уж ему самое время усвоить урок и уйти в отставку. Реакция Столыпина была характерна для «периода реакции»: «Где аргумент — бомба, там естественный ответ — беспощадность кары. К нашему горю и сраму, казнь немногих предотвратит моря крови». Да, он принимал крутые меры, а что было делать? Как объяснял он сам, «государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада... Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете»...

И покушения, и попытки покушений на Столыпина участились. Об этих месяцах он сам говорил близким: «Каждое утро творю молитву и смотрю на предстоящий день как на последний в жизни... Я понимаю: смерть как расплата за убеждения...»...

Л. Тихомиров называл П. А. Столыпина «человеком огромной энергии, исключительного богатства и разносторонности правительственных талантов».

«Я не преклонялся перед ним, — оговаривался он, — не преклоняюсь и теперь ни перед чем, кроме его благо-

родной рыцарской личности. Но не обвиняя скажу, что за свои 20 лет, в течение которых я знал целый ряд крупнейших наших государственных деятелей, не вижу ни одного, который был бы выше Столыпина по совокупности правительственных способностей»...

И вот уже совсем иное из тех же уст по прошествии нескольких лет после написания приведенных выше строк. Очерк «Забытый исполин» написан в 1988 году, на заре «нашей перестройки». Тогда, на волне «гласности», многие истомившиеся по правде сердца открыли для себя громадный континент, тщательно скрывавшийся десятилетиями, — Россию. И многие скорые на руку публицисты, в том числе и автор этих строк, радостно и искренне поспешили поделиться этим открытием «Атлантиды». Тогда еще не было очевидным многослойное коварство Агитпропа, дозированно позволяющего делать «открытия». И лишь через несколько лет, после крошечных уроков нашего настоящего, актуальными стали вещи, до поры остававшиеся в тени нашего исторического полужнания. Такие, например, как яд либерализма, яд партийности, лукавство демократии и парламентаризма. А посему прекрасный на фоне современных публичных мужчин облик Столыпина потребовал, чтобы на него взглянули и с другой точки зрения...

Собирая вместе действия Столыпина, осмысливая его деятельность, Лев Тихомиров делает заключение (в записи от 1 ноября 1909 г.): «...он (Столыпин. — В. О.) делает очень нехорошие вещи. Свои вероисповедные глупости продолжает поддерживать. О восстановлении Царской Власти даже не помышляет...»

Не меньшее негодование вызывала и позиция Столыпина по еврейскому вопросу. Петр Аркадьевич был известен двумя качествами: громко и везде говорить о своем великорусском национализме и делать все, чтобы русские потеряли везде свои права и свой быт. Это одно его качество политика. Другое — юдофильство. За разговорами о величии русского народа Столыпин проводил политику расширения прав

евреев и отмены всех ограничений, включая и без того достаточно эфемерную черту оседлости...

Любая нация имеет право обеспечить своим детям нормальное развитие. В многонациональных государствах решает не число, а совсем другие качества, и больше всего талант созидательный. Последний всегда есть принадлежность человека по-детски простодушного, умеющего удивляться и радоваться, как младенец, всякому открытию. Хитрость, наглость, лукавство — не создадут ни «Илиаду», ни «Слово о полку Игореве», ни «Печерский патерик», «Ни умиление Пресвятой Богородицы». Но создадут серую однообразную и скучную жизнь для удовлетворения своих примитивных потребностей. Создадут науку обманывать самих себя — рекламу бездарностей — всевозможное «литературоведение», «вечера», «юбилейные дни» и роскошные альбомы посредственностей...

«Столыпинские реформы...» — так называли те меры по поднятию благосостояния крестьян, которые были проводимы по инициативе царя Николая II. Им они были подготовлены, и для проведения намеченной программы и был приглашен Столыпин. Эти реформы должны бы были получить наименование — «Царские реформы» или «Романовские».

Но у этих реформ была и другая сторона. Проводившаяся правительством скупка помещичьих земель, общая пропагандистская кампания в этом направлении привела к мощному психологическому давлению на земледельцев и они бросали усадьбы, продавали их за бесценок. Ежедневно на 3000 десятин уменьшалось количество культурных земель. Они переходили в руки мелких земельных собственников. Социалисты требовали ликвидации помещичьих хозяйств, правительство шло им навстречу. В 1909 году на съезде Объединенного дворянства В. И. Гурко имел все основания сказать: «Мы присутствуем при самом энергичном осуществлении социал-революционной программы, сводившейся, как известно, к тому, чтобы

вытеснить из наших сельских местностей землевладельческий элемент». Надо ли говорить, что таким путем правительство не создавало армию частных собственников, а разрушало сам принцип частной собственности. Создавало впечатление у крестьян, что землю можно у одних отобрать «за просто так», а другим — дать. Такая паразитическая психология была крайне опасной. Приобрести — это не значит еще стать собственником. Таким собственником становится и укравший что-либо вор. Между тем в Думе со стороны крестьян-депутатов слышались призывы — отобрать. Крестьянин — консерватор в быту, собственник на своей земле, — становился социал-демократом, когда его взор устремился на чужое добро, особенно на земли богатого хозяина.

Эта сторона деятельности Столыпина столь же очевидна, как и печальна. Не класс собственников порождали его реформы, а класс хищников, глядящих только на то, что плохо лежит. Эти реформы и вся атмосфера, их сопровождающая, доказывала крестьянам, что помещики не нужны, что их хозяйство должно быть разделено между крестьянами, то есть просто так — ограблено, и все тут. Совсем не было оказано никакой поддержки культурным землевладельцам.

Не выплачивалась даже страховка тем владельцам, у которых были разграблены и сожжены поместья. Уважение к чужому труду и заботам со стороны правительства приближалось к нулю. Об этом писали и «Земщина», и «Московские ведомства». Как-то само собой получалось, что социалисты были правы в своей клевете на дворянство, особенно имеющее поместья.

За время своего премьерства Столыпин достиг значительных успехов в деле разрушения полицейской службы. Он заменил опытных работников Департамента полиции чиновниками из министерства юстиции, дабы в борьбе с бандитами на первом месте была буква закона. Радости бомбометателей не было границ.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

«...пристально по обязанности публициста следя за его политикой, я чувствовал его доверчивость, непонятную нерешительность, — писал в 1911 году М. О. Меньшиков. — После адского покушения на Аптекарском острове, кажется, уже ясно было, с какою силою Столыпин боролся. Но и тут его связывали странные колебания. Арестовываемые злодеи, покушавшиеся на его жизнь, щадились, надзор за ними был так плох, что они один за другим бежали с каторги».

Павел Федорович Булацель так характеризовал деятельность покойного («Русское Знамя», 8 сентября 1911 года):

«Никто не принес за последние годы столько горя русским патриотам, разбившим революцию 1905 года, никто не причинил столько зла монархическому движению на Руси, как П. А. Столыпин... Какая блестящая, какая великая будущность открылась бы Столыпину, если бы 5 лет тому назад он властной рукою с присущим ему мужеством стал бы на деле осуществлять программу Союза Русского Народа... Но, увы. Столыпин больше всего на свете опасался прослыть «ретроградом» и ради того, чтобы избегнуть этой клички, он, властный, надменный, унижался до того, что заискивал у лондонских и парижских корреспондентов еврейских газет. Заграничные газеты ставят ему в особую заслугу то, что «он быстро приспособил Россию к представительным учреждениям». Но ведь это и есть роковая ошибка, которая вела нашу родину к страшным катастрофам...»

Конечно, возникает ряд вопросов, на которые однозначно не ответить...

1. «А царь? Куда смотрел?» Тихомиров называл Николая II «интеллигентом на троне» и, как и все правые, всей своей деятельностью старался укрепить институт монархии, резонно видя в этом единственное спасение и России, и самого царя. Другое дело, что «интеллигентность», возможно, оказалась сильнее инстинкта самосохранения.

2. «Но ведь насилие означало бы отказ от “православности”, первейшего признака русского самодержавия!»

Говоря так, забывают о тысячах жертв «революции» 1905 года, о тех мужах, которые пали только за то, что пытались упредить кровавую смуту. Забывают о миллионах уничтоженных впоследствии, о чем предупреждали светлые умы. Забывают, что как раз главной целью агрессивного «либерализма» являлось изничтожение православия и «православности» в стране и народе, развязывание низменных страстей и инстинктов.

3. «Но разве можно отрицать сказочный экономический рост России Столыпина?» Не столько Столыпина, сколько опять же Николая II, и, может быть, в особенности — Александра III. Что произошло «вопреки», а что — «благодаря» — следует рассмотреть особо. Гигантские структуры, созданные к тому времени предательством, могли всячески способствовать экономическому росту России, имея целью обезглавить ее и помочь «демократиям» Запада растащить накопленные богатства, которые во многом и составили основу их материального благосостояния в XX веке. Народ при этом «выносился за скобки». Так все и случилось. Ныне русскому народу отведены «профессии» ямщиков, угольщиков и проституток, — это, так сказать, конечный итог «работ», которые в свое время вынудили царя записать в дневнике: «Кругом измена, глупость и обман».

4. «Но ведь Столыпин был убит... евреем?» Вероятно потому, только потому, что совершенно потерял к тому времени престиж у правых и не годился больше для достаточного «прикрытия» левых. Убран «за ненадобностью» и из опасения возможных разоблачений или, напротив, из-за становящихся очевидно тенденциозными действий. Как известно, погромы, например, устраивались в основном именно сионистскими организациями; чтобы держать в страхе и дисциплине еврейские массы.

5. «Но ведь сразу поставлен памятник, вся Россия скорбела?» «Вся Россия скорбела» — значит, вся печалась, или почти вся. А в чьих руках была печаль — уже достаточно известно. К великому сожалению, большая часть тог-

дашней периодики не может служить объективным источником для понимания истинной ситуации... К тому же есть существенный нюанс: искусственное возвеличивание роли Столыпина (в том числе Солженицыным) автоматически принижает роль царя и, соответственно, почти прямо дискредитирует монархию как таковую, что уже является прямым ударом по русскому национальному идеалу, от которого нас отворачивают с трогательным единодушием и кадеты, и большевики.

Вообще же создание культов, делание идолов — дело специфически нерусское. Только интеллигенция и чиновничество создало кумир Петра I, как, подозреваю, и Петра Аркадьевича. Народ ценил слуг царя именно в той степени, в какой исправно они исполняли «государево дело». А исполнять «государеву службу» было явлением «само собой разумеющимся». Это мы теперь дивимся самоотверженности предков, мы, без идеала, без высших целей человеческого существования, теряющие последние остатки национального достоинства и здравого смысла.

...Автор этих строк, будучи убежденным, что последнее слово в «деле Столыпина» скажут серьезные и честные историки, глубоко сожалеет о своей поспешности и отроческой восторженности, с которыми он поведал читателям о нем.

Академик И. Д. Ковальченко. Столыпинская реформа (Мифы и реальность).

История СССР. № 2. 1991. Официально столыпинская аграрная реформа была провозглашена именным высочайшим указом Сенату от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования», который был принят как закон 10 июня 1910 г. Основные идеи, положенные в основу реформы, а именно необходимость ликвидации общин и вовлечение наделных земель в свободный режимный оборот, высказывались задолго до

П. А. Столыпина. Их, в частности, активно развивал еще до революции 1905—1907 гг. С. Ю. Витте...

Прежде чем рассматривать суть и ход реализации реформы, напомним об общей оценке реформы, данной современниками. Наиболее концентрированно и развернуто она прозвучала при обсуждении аграрного вопроса в III Государственной Думе...

В частности, фракция трудовиков полагала, что указ от 9 ноября 1906 г. «преследует политическую цель расчленения деревни на зажиточное меньшинство, которое должно явиться прочной опорой правительства и земледельческого класса, и экономически зависимую и политически совершенно бесправную массу». «Он выгоден главным образом помещикам и фабрикантам, так как значительно увеличивает предложение труда и понижает и без того крайне низкую заработную плату»... Социально-экономическую и общественно-политическую направленность реформы можно резюмировать словами немецкого свидетеля профессора Ауагена: «В широкие крестьянские массы, — писал он, — вгоняется клин путем создания слоя крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»...

Таким образом, основная цель реформы состояла в расширении путем раскола относительного единства и общности интересов крестьянского мира условий для торжества аграрного капитализма в его консервативно-помещичьем, «прусском» варианте и укрепления социальной опоры самодержавного строя.

Главным путем достижения указанной цели были ликвидация крестьянской общины с присущей ей системой землевладения и землепользования и создание широкого слоя личных крестьян-собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство и расширяющих его прежде всего за счет покупки бывших общинных наделных, а не только частновладель-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ческих (прежде всего дворянских) земель, как было до реформы...

Очевидно, что курс на ликвидацию общины потерпел провал, что подрывало возможность достижения основной цели реформы. И дело здесь не только в том, что выделилось из общины немногим более пятой части дворов. Важно и то, что, во-первых, из общего числа выразивших желание выйти из общины лишь немногим более четверти дворов (26,6 %) получили от сельского общества согласие на выход. Большая же часть выделившихся (72,3 %) получила разрешение на выход от местных властей, т. е. утверждение личного землевладения совершалось под административным нажимом на деревню. Во-вторых, из общины вышли отнюдь не только наиболее состоятельные крестьяне, стремившиеся вести предпринимательское хозяйство. Это прежде всего видно из того, что на 27 % дворов, вышедших из общины, приходилось всего 14 % общинных наделных земель.

Конкретные цели выхода из общины рассматриваются в исследованиях и опросах, проводившихся различными организациями и обществами. Так, в ответах корреспондентов Вольного экономического общества выделяются три причины выхода из общины: 1) боязнь потерять при переделе имевшиеся излишки земель; 2) стремление продать землю; 3) желание вести самостоятельное хозяйство. По сведениям, собранным Московским обществом сельского хозяйства, в 1909 г. укрепили землю в собственность для ее продажи 52,5 % опрошенных, из опасения потерять излишки земли при переделе — 27,3 % и для улучшения хозяйства лишь 18,7 %. Аналогичное положение было и в других районах (то есть мы видим, что даже хорошо спланированное соблазнение русского крестьянского мира западными условиями ведения сельского хозяйства никак не приводило в целом к желаемому властями результату, или даже ненамного лучший путь переделывания народного строя жизни наталкивался на

«странное» сопротивление русской деревни, которая, кстати, ныне от подобных реформ просто умирает. — Ред.)...

Расширить и укрепить слой собственников-крестьян правительство рассчитывало, во-первых, путем покупки ими наделной земли, поступившей в свободный товарооборот, и, во-вторых, путем содействия покупке крестьянами частновладельческих земель через Крестьянский поземельный банк. Итоги здесь были такими.

Всего в 1908—1915 гг. наделную землю полностью или частично продали 9 % всех крестьянских дворов. Ими было продано 2,8 % всех наделных земель. При этом 87 % проданных земель находилось в общинном, а 13 % — в подворном владении. Очевидно, что указанный размах продажи наделных земель лишь в малой степени влиял на развитие земельного рынка, замедленность формирования которого, как указывалось, тормозила развитие капитализма в стране. Продавали землю в основном беднейшие слои деревни. Это была, если можно так выразиться, продажа «из нужды». Поэтому, как правило, продавался весь надел (а не напоминает ли дельце сие историю с ваучерами господина Чубайса? — Ред.)... Покупали наделные земли прежде всего крестьяне самостоятельные...

Одной из важнейших причин низкого уровня товарного оборота земли была социальная узость, помещичья направленность земельной политики самодержавия. Крестьянский банк покупал помещичьи земли по явно завышенным ценам, которые к тому же росли. Так, средняя цена десятины земли, купленной крестьянами через банк до 1906 г., была 81 руб., а в 1906—1916 гг. — 133 руб. В итоге росли платежи по ссудам банка, а вместе с ними и задолженность. Характерно, что до 1911 г. задолженность сокращалась (в 1910 г. она составляла 21,3 % к годовому окладу), а с 1911 г. начинает быстро расти (в 1914 г. она равнялась 51,6 % оклада).

Таким образом, с одной стороны, самодержавие стремилось насадить в деревне слой самостоятельных крестьян-предпринимателей, а с другой,

выдвигая на первый план интересы помещиков, оно мало содействовало этому процессу. Ставка делалась на то, что распад общины приведет к концентрации состоятельными крестьянами в своих руках материальных, и прежде всего земельных, ресурсов деревни (то есть очень хотелось заметно расширить класс земельных собственников и тем самым лишить окончательно деревню шанса на общинное бытие. — Ред.).

Этой же цели, а также разрядке социального напряжения в деревне, служила и политика переселения крестьян за пределы Европейской России. Итоги этого процесса хорошо известны... Около пятой части (18,6 %) переселившихся в 1896–1916 гг. вернулись обратно. При этом и переселенческое движение достигло своего максимума в 1907–1909 гг., после чего начался его спад.

При всех трудностях, с которыми сталкивались переселенцы, они несомненно внесли, как показано в обширной литературе, существенный вклад в хозяйственное освоение новых регионов. Однако переселения не ослабили ни земельной нужды крестьянства, ни социальной напряженности в деревне. Не привели они и к заметному росту могущества состоятельных слоев деревни, хотя прежде всего им достались земли переселенцев.

Таковы основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы. Со всей очевидностью эти итоги свидетельствуют о том, что столыпинская аграрная реформа провалилась еще до Первой мировой войны. Поэтому безосновательны всякие утверждения о том, что для успеха реформы, а следовательно, и для торжества в России порядков, установившихся в Западной Европе, не хватило мирного времени. При этом, как уже указывалось, игнорируется и то обстоятельство, что буржуазное аграрное развитие шло и по альтернативному, буржуазно-демократическому пути.

Ну, вот и конец обзора.
Что видится в результате?

П. А. Столыпин духом своим удивительно схож с нынешними правителями России. Он, также как и они, уверовал с юности в западные ценности и был верен им истово до самого конца. Столыпин, также как и Путин с Медведевым, полагал себя знатоком всего насущного для России. Он, как и его восприимчики в XXI веке, пытался системой законодательных уловок окончательно сломить русские устои, сделать их неотличимыми от западноевропейских. Столыпин, как и нынешний президентский тандем, совсем не собирался считаться с особицей российской истории. Ни он, ни они так и не смогли понять русскую душу, понять ее мистический устав. То есть Столыпин изначально был обречен на поражение, о котором драматически догадывался и сам, но опять же по-русски никак не мог уклониться от когда-то выбранного пути. Можно ли сожалеть о судьбе столыпинских реформ? Вряд ли. Они изначально были противны русскому началу, а значит, и не могли бы в перспективе одержать верх. Личная беда Столыпина была в том, что он так и не смог стать осознанно православным человеком, не смог понять того простого факта, что материальное богатство не есть мечта русского человека. Великий реформатор так и не смог уяснить, что народу России прежде всего желанно праведное устройство жизни, а не законодательное принуждение к труду во имя чьего-либо обогащения. Какой урок из всего узнанного? А такой, что любые законодательные меры сами по себе в России никогда не дадут надежного результата, а значит, искать в них спасение нашего Отечества изначально есть утопия. Иначе говоря, всякий закон человеческий в России — это лишь вариации утробения греха, вариации, ведущие непременно к очередным историческим потрясениям.

О. Т. Виноградов

О РОЛИ ПИСАТЕЛЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРАНЕ

Любое общество состоит из элиты и народа. Простые люди представляют из себя народ лишь тогда, когда они объединены общей идеей, когда духовное господствует над материальным. Простые люди собственного мнения не имеют, так как у них недостаточно знаний, они подражают элите. Их мнение формируется путём закладывания в подкорку определённых программ. Эти программы могут быть направлены как на созидание, так и на разрушение, в зависимости от целей, которые поставлены элите данной страны. Так, в период правления Сталина была поставлена задача превратить Россию из отсталой в передовую. Для этого нужно было создать конкурентоспособную промышленность, подготовив научные кадры и квалифицированных рабочих. Для решения этой задачи была создана лучшая в мире система обучения.

В 1960-х гг. в силу инерции отставания от США не было. Мы были на уровне с Америкой по созданию больших компьютеров — БЭСМ, шли своим самобытным путём. Россия первой запустила спутник в 1957 г. Вашингтон усмотрел, что эти успехи достигнуты благодаря развитию науки и постановке высшего и среднего образования. Американские эксперты провели сравнения и выявили крайне неприятные для американского престижа истины, которые были немедленно преданы огласке. Джордж Кеннеди тогда сказал

в своём выступлении: «Не будет преувеличением сказать — исход битвы, которую мы ведём, будет решён в классных комнатах Америки». Физик Э. Теллер (отец американской ядерной бомбы в 1953 г., в 1983 г., автор СОИ — «звёздных войн») после запуска нашего спутника сказал: «Десять лет назад и вопроса не было, где лучшие учёные в мире, — конечно в США... Через десять лет лучших учёных придётся искать в России. В СССР наука — почти религия, выделяют самых способных и к ним относятся как к привилегированному классу, в то время как их американским коллегам не доплачивают, в обществе они не пользуются уважением и ничем не могут поощрять своих способных учеников». Спустя 10 лет положение в США коренным образом изменилось. Если в 1956 г. расходы на высшее образование составили 5 млрд долларов, то в 1970 г. — 21 млрд долларов. Студентов было соответственно 2918 и 7920 тысяч человек. Расходы на среднее образование составили 10,9 и 40,7 млрд долларов. Примеру США в образовании последовали и другие капиталистические страны.

В России пошли по иному пути. Расходы на одного студента упали в 6 раз. В 40-е и 50-е гг. относительные расходы на высшую школу в СССР в 1,5 раза превышали американские, теперь в 4 раза уступают им. ЮНЕСКО предложило собирательный индекс — уровень интеллектуального развития

молодёжи. В конце 50-х мы стояли на третьем месте (реально на первом), а к 1987 г. скатились на 57-е.

После 1957 г. началось планомерное разрушение единой системы образования — от начальной школы до вуза, обеспечившей наше «лидерство». Сразу после 1957–1958 гг. нашу передовую науку бесцеремонно выставили из студенческой аудитории, ликвидировав «совместительства». Перед учёными был поставлен выбор: работа либо в НИИ, либо в вузе. После изгнания Хрущёва это нововведение отменили.

Для того чтобы рабочий мог выпускать качественную продукцию в большом количестве, он должен быть здоров, трудоспособен, инициативен. Для этого были созданы условия для отдыха, восполнения сил. Был сокращён рабочий день, чтобы человек мог самосовершенствоваться, использовать свой творческий потенциал, развиваться в культурном плане. Развивалась сеть детских садов, спортивных секций. На предприятиях и в школах большое значение придавалось спортивной подготовке. Широко было распространено шефство более подготовленных, которые бескорыстно делились своим опытом и передавали свои знания. С этой целью был принят кодекс «строителя коммунизма», который повторял заповеди Иисуса Христа. СМИ закладывали в подкорку взаимовыручку, уважение к ближнему, товарищеские отношения.

С приходом к власти либерастов была разгромлена промышленность. Рабочие были выброшены на улицу. Новой власти, сделавшей своей целью перекачку природных ресурсов на Запад, квалифицированные рабочие стали не нужны. Им требуются лишь те, кто обслуживает газовую и нефтяную трубы. Остальное население они отнесли к нерентабельному, которому нужно выделять голодный паёк для поддержания нищенского существования. В подкорку людям стали заклады-

вать потребительское мышление, главенство материального над духовным. Все силы СМИ были брошены на привитие принципа «борьба всех, против всех», культ золотого тельца. Появились бесчисленные советчики «как стать миллионером», «как заработать миллион». Телевидение и бесконечные сериалы в привлекательном виде стали показывать всевозможные пороки. Воры, бандиты, проститутки стали главными героями. Они преуспевают, купаются в роскоши. Их занятия сплошная праздная жизнь. Особенно большой вред это внушение наносит молодёжи, у которой ещё не сформировались нормы поведения, выработанные тысячелетиями их предками. В неокрепшие умы закладывается программа — воровать и грабить престижно. Работают и создают материальные блага неудачники, не умные люди.

Сегодня духовное здоровье страны подорвано. Здоровье любого народа любой страны характеризуется в первую очередь способностью выдвигать из своей среды лучших людей, способных тоньше, чем основная масса, чувствовать время и ситуацию, способных к творчеству. Они составляют соль нации и выполняют огромную роль в обеспечении её жизнеспособности.

В настоящее время лучшую часть народа заразили внешне красивыми, но смертельно опасными идеями. Последствия от осуществления этих идей настолько отдалены, что большинство просто не видит угрозы.

Если в элите числятся лица с мало-масштабным мышлением, интересы которых ограничены стремлением купить дачу, яхту, спортивный клуб, то они идут во власть, чтобы использовать административный ресурс для покупки этих игрушек. О государстве, народе они не думают. Масштаб их мышления не позволяет это сделать, как и ребёнку если дать бюджет детского сада, то малыш на эти деньги купит конфеток и игрушек. О том, что нужно починить крышу, у него даже не

появится мысли. Масштаб его мышления ограничен лишь этими заботами.

Носители нового мировоззрения считают себя не частью своего народа, а представителями Запада. Поза и жест стали для этой элиты важнее сути и смысла. Говоря о чём-либо, лже-интеллигент думает не о том, какие последствия будут иметь его слова, а о том, как он выглядит в эту минуту. Это эффективный способ депутатов Думы повысить свою капитализацию, свой личный рейтинг. Для них не имеет значения, о чём говорить. Главный смысл — о чём-то говорить. Многие из них, если даже защищают Россию, то не потому, что действительно болеют за неё, а потому, что это ещё один способ «засветиться» на публике. Про них Ленин сказал: «Интеллигенция не мозг, а говно нации».

Все произведения, создающие отрицательный образ России и тем негативно влияющие на отношение граждан к своему Отечеству, написаны образованными на западный манер людьми. Отличительная черта тех, кто мнит себя российской интеллигенцией, будучи пятой колонной Запада, — полное безразличие к интересам общества и государства. Они поклоняются мамоне, или пустоте, находя в этом основание для напыщенности. И эти лже-интеллигенты стали учителями народа. Эти творцы твёрдо усвоили мысль о приоритете Запада и убогости России. Они родили большое количество знаний, но все их знания двигали Россию не к богу, а к мамоне. Их руками сатана вверг наш народ в безверие и хаос.

Если разрушить ключевые узлы, разрушение конструкции неизбежно. В государственной конструкции ключевыми узлами считаются не материальные активы, а религия, традиции, народный уклад жизни, шкала ценностей и прочее. Любая информация, разрушающая духовные институты, представляет стратегическую опасность. Любая информация, укрепляю-

щая духовные институты, является стратегической полезностью.

Прочность упомянутых институтов напрямую зависит от сознания человека. Если человек гордится своей Верой, Родиной, Народом, у него появляется внутренняя гордость за себя как представителя великого народа и великой страны. Если люди гордятся своей страной и народом, это способствует развитию и процветанию Отечества. Но если эту же самую страну те же самые люди начнут презирать, они станут носителями негативной энергии в отношении родной земли, а это послужит причиной ослабления государства.

Отношение к стране определяется образом элиты этой страны. И даже не делами элиты и не фактами, а от информации. Любой факт можно использовать, чтобы нагнетать отрицательное отношение к власти. Не имеет значения, какая власть на самом деле. Никто анализировать не станет. Все будут повторять услышанное. Если кругом говорят, что в России элита сплошь продавшиеся Западу жулики, дураки и воры, общество будет так и считать (даже если там нет ни одного жулика).

Люди составляют представление о действительности не по анализу деятельности элиты, а по информации о ней. Неважно, насколько информация верна. Важно, какая тональность информации, без привязки к фактам. Если всё плохо, но находится человек, уверяющий, что не всё так плохо, у народа поднимается дух. Но если всё хорошо, а находится нытик, который говорит, как всё плохо, настроение передаётся окружающим.

В любой стране Запада вся их литература воспекает свою Родину, свой народ и, что самое важное, свою элиту. У западных писателей в положительных героях ходят исключительно представители своего народа. Отрицательные герои обязательно иностранцы. Западные писатели, а не элита, ввели понятия «рыцарь» и «джентль-

мен», представив свою элиту в таком свете. Элита там была как везде — и воровала, и пьянствовала, и развратничала. Но описали её в возвышенном свете, и возник положительный образ.

Читаешь про Шерлока Холмса, и вроде бы все англичане джентльмены. Кажется, время, в которое он жил, — эпоха покоя и порядочности. Но в это время в Англии было жуткое падение нравов — укрепление капитализма по протестантски, разгул преступности, произвол властей, коррупция. Женская и детская проституция, бродяжничество, воровство и грабежи приняли массовый характер. Свинства там было гораздо больше, чем в России, но никто не помнит об этом. Мнение о прошлом составляется по литературе, описывающей этот период. Западные писатели выпячивали не свинство своих граждан, а добродетель, и в первую очередь элиты. Такой подход создаёт благостное представление об эпохе в целом.

Русские писатели выражали резко отрицательное отношение к знати. Гоголь отзывается об элите России исключительно как о племени прохвостов, которым не ведомы высокие цели. Аналогическую позицию занимает Чехов. Салтыков-Щедрин изображает русскую элиту как одного большого дурака. В отличие от английских писателей, изображавших дураками иностранцев, русские писатели занимали противоположную позицию. В дураках и ворах у них ходят только представители нашего народа. В качестве главного дурака преподносится элита. Положительный образ русской элиты не найти в отечественной литературе. Все воры, пьяницы да самодуры. Если иностранцы читают нашу литературу и видят, что сами русские о своём народе утверждают, что он дурак и пьяница, то как же они могут составить положительное мнение о нас? Конечно не могут.

Синдром хаять всё русское начался с образования интеллигенции,

вскормленной на западных идеях. Став чужой, она физически не могла хвалить Россию и её народ. Вот и ругала за дело и без дела. Ради красного словца не жалела и отца.

Читает англичанин свою литературу. Пусть в городе, где он живёт, мерзость, но он думает — это тут, в моём городке, мерзко, а в Лондоне, в остальной Англии сплошные джентльмены. Читает немец свою литературу. И пусть в его городке всё отвратительно, но он думает, что там, в Берлине, все рыцари. Все читатели-иностранцы приходят к выводу: в их стране есть люди, которые безукоризненно честные и умные. Не беда, что у меня в городе дураки и пьяницы, зато там, в столице, всё хорошо. Мне и моему народу есть на кого равняться.

Читает русский свою литературу. Если в его городе всё хорошо, он всё равно утверждает в противоположной мысли. Составляя мнение о России, он не верит своим глазам, не благополучию, если даже это видит, а тому, что написано о России. Если в его городе дураков и воров нет, наша литература заставляет усомниться в этом. Значит, наш город, думает он, случайное исключение, которое обречено скатиться в беспросветный мрак. Написано же: вся Россия состоит из дураков и воров. И живёт она на белом свете не за счёт доблести лучших русских людей, а лишь с помощью джентльменов и рыцарей. Отсюда вывод: всё пропало. Одна надежда — за граница нам поможет.

Если такая мысль, как змея, вползла в сознание человека, он найдёт факты мерзкого и сделает вывод про всю русскую элиту. Она теперь для него одно племя дураков и воров. Теперь он как пылесос впитывает только плохую информацию о своей элите. А англичанин или немец впитывает только хорошую информацию. Отсюда ясно, кто более устойчив к информационным диверсиям. Хотим мы этого или нет, этот миф формирует наше под-

сознание. В целом он ослабляет каркас нашей страны, провоцируя и активируя разрушение.

Никто не озадачится, чьими же стараниями была создана величайшая северная империя. Все южные империи могут уместиться в одной нашей области. Вот какую империю «дураки» отгрохали на севере. «Умные» даже на юге, в лучших условиях, ничего подобного не смогли создать.

Люди, живущие материальным, будут везде. Но Русь всегда была богата на людей, считавших смыслом жизни спасение своей души. Через служение отечеству и спасение души многих. Государства растут благодаря героям, а не уродам. Если судить по результатам, то уродов на Западе было больше, а героев меньше, чем в России.

Писатели прошлого думали, что, обличая пороки, они способствовали его исправлению. В итоге получилось наоборот, пороки стали расти и размножаться. Стремление к добру, а не к деньгам, несколько оправдывает талантливых сочинителей. Тяга же современных сочинителей к прибыли, по сути коммерсантов, подвигающихся на рынке литературы, не имеет такого оправдания.

Россию клянут страной рабства. Но в России никогда не было рабства в том смысле, как на Западе. Помещик не считал своих крестьян скотиной. Из крепостных выдвинулось много известных всему миру людей. Крепостной мог даже получить дворянский титул. В США такого не могло быть даже теоретически. Негр считался чем-то вроде полуживотного-получеловека. В России крепостное право было отменено в 1861 г. Но считается неприличным упоминать, что в США, в цитадели демократии, рабство было отменено лишь в 1865 г.

При всех этих бесспорных фактах наш обыватель на подсознательном

уровне воспринимает США образцом гуманности, а Россию образцом дикости. Если США и являются образцом чего-то, так это двуличности.

Людей интересуют не факты, а образы. Не имеет значения, кто вы. Имеет значение, какой у вас образ. Сегодня России и вообще русским создан отрицательный образ. Западное хорошо, русское плохо. На слух «французская косметика» звучит привлекательнее, чем «русская косметика». Вокруг этого образа раскручивают логические конструкции во вред России. Но «русские танки» звучит привлекательнее, чем «французские танки». Проблема не в нехватке фактов, на которых можно поднять образ России, а в нехватке людей, способных озадачиться такой темой. Упоминание чужих образов в возвышенной форме по отношению к России работает против России. Рождаются эти образы посредством информации. Какую информацию транслируют на наше сознание, такие образы мы и имеем.

У нас в стране не обращают внимание на важнейшую стратегическую сферу — формирование информации. Под видом свободы разные подозрительные типы получили право выдавать любую информацию. Наши враги пользуются этим правом, чтобы отравлять и ослаблять наше общество. Ни один социальный институт не может существовать, если не пользуется доверием народа. Кто станет доверять тому, что выставлено в неприглядном виде? Пока наши источники информации продолжают транслировать на наше сознание негативные установки, полноценное оздоровление невозможно. Нужно браться за фундаментальные проблемы, к которым в первую очередь относится информация, формирующая здоровое мировосприятие.

А ВОЗМОЖНО ЛИ ЗДОРОВОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ БЕЗ САМОКРИТИКИ?

(точка зрения редакции журнала)

Автор предшествующего текста указывает своему читателю, что абсолютно во всем виноваты горе-писатели или писатели-очернители. Да, трудно, очень трудно отрицать, что даровитый писательский нигилизм не производит мрачных следствий в действительности. Но, с другой стороны, разве сама наша жизнь не содержит в себе устойчивых и тяжких противоречий, о которых даже писатели совсем ничегошеньки не пишут? Другими словами, есть вполне подлинные трудности жизни, а есть и придуманные или наведенные, как говорится, злым гением. Поэтому-то и следует отличать первые от вторых. Но также следует понимать и природу первых. Иначе говоря, невозможно менять жизнь в лучшую сторону вне понимания причин невыдуманного злодейства. А каковы они в самом деле? Существует та точка зрения, что русские люди хронически страдают от нехватки *культуры мышления*. Но что она такое? Это прежде всего способность и привычка *строгого отношения* к каждому слову родной речи, к каждому ее отдельному смыслу как таковому. То есть *культура мышления* — это постоянная потребность личности как в *исчерпывающем понимании собственной мысли*, так и в ее адекватном выражении. Другими словами, природа всякого русского нестроения есть на

деле природа устойчивого во времени русского же непонимания. Или неспособность, а порой и соответствующее ей нежелание к пониманию и порождает многие и многие русские беды. В результате народ, не способный видеть и понимать сам себя, и обречен на нескончаемое «хождение по мукам». Тем более, если этот народ изначально много даровит и много чего способен сделать и для человечества в целом. В таком случае его страдания действительно будут велики, и им совсем не будет конца. Вот и выходит, что без *ответственной самокритики* русскому человеку просто не обойтись. Или, не познав самого себя основательно, всякий русский непременно рано или поздно и превратится в какую-либо разновидность горе-героев русской классической литературы.

Поэтому, завершая настоящую короткую отповедь, еще раз подчеркнем, что вне разумной самокритики нет и даже не может возникнуть никакое благо русского мира, не могут в принципе быть решены все застарелые проблемы самого русского бытия. Другое дело, что самокритика — это не ругань и не поношение. Это весьма трудное и крайне важное дело каждого совестливого человека, страстно желающего подлинного, а не придуманного или фальшивого блага.

Галина Тычина

Люблю осенние картины

Люблю осенние картины,
Где воды стыннут поутру
И дремлют сосны-исполины,
Слегка качаясь на ветру;

Где сердцу дышится привольно
Во ржи созревшей и густой;
Где вещим звоном колокольным
Мирян сзывают в храм святой;

Где инок в тишине бездонной
С молитвой за грехи людей
Стоит, коленопреклонённый,
Не ведая земных страстей.

23 июля 2005

Лес очарован безмятежным сном...

Лес очарован безмятежным сном.
Не слышно птиц. В ненастье зябнут ели.
И дикий шмель не кружит под окном:
Давно уснул в уютной колыбели.

В просветах оголённых тополей
Плывут по небу облака уныло,
Но царство остывающих полей
Вновь манит в уголок, для сердца милый.

Свежо и зябко стало на ветру,
И всё вокруг в минорной дремлет ноте.
Мелькает в рыжем платье поутру
Босая осень в торфяном болоте.

18 сентября 2005

Я брожу по осеннему саду...

Я брожу по осеннему саду
И грущу: вот опять листопад.
Убегают аллеи в прохладу,
В алых мантиях клёны стоят.

Сыплет быстрые капли на плечи
Неожиданный дождик слепой,
И крадётся по веткам навстречу
Осень мягкой кошачьей стопой.

На скульптурах пестреют косынки
Из намокшей опавшей листвы,
Ветер гонит по влажной тропинке
Мячик спутанной жухлой травы.

5 октября 2003

Медуницы, васильки, люпины...

Медуницы, васильки, люпины.
Озера задумчивая гладь.
Ранней грустью в летние картины
Пролилась лесная благодать.

Под шатром ветвистым бродят тени,
Навевают встречи под луной.
Утопаю в непонятной лени.
Вновь хочу увидаться с тобой.

Шлейфом проплывает поволока,
Предвечерний застилая путь...
... Так в душе бывает одиноко —
Светлый образ не даёт уснуть.

6 июля 2006

Щемящий колокольный звон

Щемящий колокольный звон
Летит над храмом златоглавым —
С весенним громом в унисон,
Плывущим в дальние дубравы.

Влечёт меня к резным вратам.
Переступаю нить порога —
И отступает суета,
В душе смиряется тревога.

В приюте у святых мощей
Стою вечернею порою.
Огонь оплавленных свечей
Мерцает кротко предо мною.

10 августа 2005

Штормит встревоженное море

Штормит встревоженное море.
Теснится пена средь камней.
В морском бушующем просторе
Всё злее воды, всё темней.

Дрожит от грома берег скальный,
Мелькают всполохи вдали,
И сизой чайки крик печальный
Тревогою в душе болит.

Уходит буря в даль морскую,
И волны плещутся слегка...
О верном друге я тоскую,
Как лебедь в белых облаках.

7 ноября 2006

Скользили облака грядюю рваной

Скользили облака грядюю рваной,
Бросая оземь тени с вышины.
В саду тропинки заросли бурьяном,
Давно прошли дни девичьей весны.

В тиши аллеи звучали птичьи трели,
От пылких чувств кружилась голова,
Дурманил запах розовой синели*,
Шептали губы страстные слова...

Под сводами ветвей, сердца волнует,
Вверяли чувства и мечты свои,
Вдруг замирали в долгом поцелуе
И слушали мелодию любви.

2002

*Синель — сирень.

Забреду в нескошенные травы

Забреду в нескошенные травы,
Прикоснусь к их тонким стебелькам.
И услышу шорохи в дубравах,
Подпою разбуженным ветрам.

Вздрогну от жужжащей дикой пчёлки,
От пугливой резвой стрекозы,
И пронзят сосновые иголки
Дрожью в ожидании грозы...

Знойный день уйдёт и канет в Лету,
Над леском зардеется закат...
Я дождусь грядущего рассвета,
Трав густых вдыхая аромат.

12 июля 2006

Бегу, бегу из города родного

Бегу, бегу из города родного,
Глухие стены давят на меня.
От хаоса спешу укрыться снова
Под своды чащи, в безмятежность дня.

Дробится луч зари в лесном кристалле,
Ищу приют в забытой тишине.
Смиряются ненужные печали,
И радость окрыляет душу мне.

Вбирая летней ночи быстротечность,
Купаюсь при луне в прохладе вод.
Мне космос открывает бесконечность;
Вечерний час и утренний восход.

31 мая 2005

Тону в прохладности тумана

Тону в прохладности тумана.
В тиши забытых деревень —
Дыханье скучного бурьяна
И корабельных сосен звень.

По вечерам в неброском платье
Иду с поклоном в храм святой,
И обретает сердце счастье,
Смиряясь в кротости простой.

Мне дороги края родные,
Где ивы стынут над рекой,
Где в сонной дрёме вековые
Монастыри хранят покой.

8 августа 2005

Комментарий редакции журнала: в предыдущем выпуске журнала был опубликован материал А. Миронова, посвященный, в частности, оценке пакта Молотова — Риббентропа. Его тональность свелась к тому, что известное соглашение было самой грубой (роковой) ошибкой советского руководства за всю историю его работы. Наш журнал начинает публикацию иной точки зрения, доказывающей абсолютную неизбежность этого политического решения как единственно уместного в условиях лета 1939 года. Настоящая подробная полемика по истории должна, на взгляд редакции, привести читателей журнала к самостоятельной поддержке той или иной позиции. То есть русский читатель наконец-то должен уяснить себе суть случившихся когда-то событий, дабы впредь не оказаться жертвой похожего сценария, который ему могут предложить ретивые по части своих предпочтений правители России уже в XXI веке.

Вадим Петров

НА ПУТИ К ПАКТУ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА. ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР И ГЕРМАНИИ

В конце августа 2009 года исполнится 70 лет со дня подписания договора между СССР и гитлеровской Германией, в истории более известного как Пакт Молотова — Риббентропа. До настоящего времени этот договор является предметом ожесточенных споров как между историками, так и людьми многих других профессий, в особенности имеющих отношение к средствам массовой информации. В нашей стране лица, изучающие историю заключения данного пакта, разделились на два непримиримых лагеря. Одни считают, что альтернативы пакту не было и его заключение вполне закономерно. Вторые, с не меньшим тщанием, доказывают, что пакт нельзя было заключать ни в коем случае. Весьма заметно, что точки зрения авторов, принадлежащих к этим двум группам, явно детерминированы их отношением к личности И. В. Сталина. Авторы, доказывающие безальтернативность заключения пакта, являются апологетами Сталина. Авторы же, ко-

торые стоят на противоположной точке зрения, обычно являются обличителями Сталина. «Была ли альтернатива пакту и в чем она конкретно заключалась? Альтернативы в истории есть практически всегда. Но не все они ведут к лучшим последствиям. Советские державники настаивают на безальтернативности пакта. Либерально-западническая литература доказывает возможность продолжения переговоров об англо-франко-советском союзе» (Шубин А. 10 мифов Советской страны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 288–289). Вот одна из авторитетных оценок, принадлежащая перу Н. А. Нарочницкой. Из данной оценки с непреложностью следует, что страны Запада с высокой степенью предвзятости относились и продолжают относиться к пакту. «Этот договор демонизирован западным мнением и историографией, которые вовсе не обличают западные страны за Мюнхенский договор и согласие на аншлюс Австрии, которые и были началом гитлеровских захватов и сломов

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

территориального статус-кво. Но в Советско-германском договоре вообще не было ничего отличного от типичных договоров всей истории международных отношений. Гитлеровская Германия была всемирно признанным государством, имевшим интенсивные дипломатические отношения, прежде всего, со всеми западными странами» (Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. — М.: «Минувшее», 2005. С. 50). В средствах массовой информации западных стран, а также в различных работах многих ученых пакт Молотова — Риббентропа критикуется с сугубо недоброжелательных позиций. Очень много говорится об «аморальности», «нечестности по отношению к партнерам» данного пакта, обе страны-участницы ставятся на один уровень вины по отношению развязывания Второй мировой войны. В особенности достается СССР, а также России как правопреемнице Советского Союза, за «секретные протоколы» к пакту. Вот уж где раздолье для обличителей. Кто только не отметил по поводу «аморальности» указанных протоколов. Все критики пакта Молотова — Риббентропа критикуют его преимущественно с позиций морально-этических. С позиций рационального эгоизма, особенно государственно-рационального, критиковать его становится гораздо труднее. С последних позиций критика имеет явный оттенок, который можно обозначить как «быть умным задним числом». То есть критиковать с рациональных позиций можно легко, только уже достоверно зная, как пойдут дела в 1940—1945 годах. Можно привести вполне рациональные аргументы против позиции всех таких обличителей. «Нольте называет Советско-германский договор пактом “войны”, “раздела”, “уничтожения”, который якобы не мог иметь аналогов в европейской истории, потому что это были “государства совершенно особого рода”. Такое утверждение может вызвать только иронию у историка. От Вестфальского мира 1648 года до Дейтона договоры и многосторонние трактаты не только

имперского прошлого, но и демократического настоящего были начертаны одними державами новых границ для других. Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию. Венский конгресс 1815 года нарисовал территорию современной Швейцарии, добавив к ней стратегические горные перевалы, чтобы те не достались более динамичным государствам. Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе “грабят Турцию”. Австрия в 1908 году аннексировала Боснию, получив согласие держав. В секретном соглашении 1905 года между Т. Рузвельтом и Кацурой Япония отказывалась от “агрессивных намерений” в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США согласились на оккупацию Японией Кореи» (Нарочницкая Н. А. За что и с кем ... С. 52). Так что секретные договоры и секретные приложения к открытым договорам являются отнюдь не изобретением СССР. Не Советский Союз стал первым в мировой дипломатической практике использовать секретные соглашения и статьи договоров. А чем принципиально лучше были открытые международные договоры, признававшие результаты агрессивных действий в виде захватов территорий? Как яркий пример можно привести опубликованное 24 июля 1939 года соглашение Арита — Крейги о признании Великобританией японских захватов в Китае. Фактом заключения этого договора Лондон нарушил договор девяти держав (См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. — М.: Вече, 2000. С. 72).

При изучении вопросов, связанных с заключением пакта Молотова — Риббентропа, на наш взгляд, будет правильным придерживаться следующего вполне обоснованного мнения, которое привел в своей книге А. Шубин. «Спокойный взгляд поможет точнее оценить логику событий, что необходимо, дабы не повторять историю как новую трагедию» (Шубин А., 10 мифов ... С. 286).

Само название «Пакт Молотова — Риббентропа», которое существует в литературе, является несколько необычным для международных договоров. Обычно международные договоры носят названия по странам, их заключивших, например англо-германское соглашение, либо по месту подписания, например Версальский договор 1919 года, Договор в Рапалло 1922 года и т. п. Существует обоснованная точка зрения, что появление в западной литературе названия «Пакт Молотова — Риббентропа» следует увязывать с началом так называемой холодной войны периода второй половины 1940-х годов. К тому времени бывший министр иностранных дел гитлеровской Германии Риббентроп был повешен по приговору Международного нюрнбергского трибунала. А В. М. Молотов являлся одним из ведущих политических деятелей послевоенного Советского Союза. Поэтому постоянное использование в западных средствах массовой информации того периода названия пакта, в котором сочетались имена повешенного гитлеровского преступника и живого видного политика СССР, позволяло незаметно подводить слушателей и читателей к выводу, что один из заключавших договор деятелей недалеко ушел от другого.

Для того чтобы лучше понять условия, в которых в августе 1939 года в Москве был заключен договор между СССР и гитлеровской Германией, представляется целесообразным предварительно изучить некоторые вопросы развития Германии и СССР с начала 1920-х годов.

Фразу «Война — это продолжение политики иными средствами» знают многие. Равным образом многие знают надпись, которую можно было видеть на французских пушках: «Последний довод королей». Эти выражения подчеркивают особое значение вооруженных сил для деятельности любого государства. Особенно важными являлись вооруженные силы для «сильного» государства, государства «первой мировой линии». Ведь небольшое и слабое государство, уже по экономи-

ческим и демографическим соображениям, в принципе не может иметь мощные вооруженные силы. Поэтому качество их подготовки не имеет особо принципиального значения. Но для крупных государств вопросы развития своих вооруженных сил приобретают особое, первостепенное значение. Ведь при неудачно избранных путях развития армии сильное государство легко может утратить свое влияние, скатиться в разряд второ- или третьестепенных стран либо вообще потерять свою независимость.

Нельзя поэтому удивляться, что и в СССР и в Германии, как, впрочем, во всех других крупных государствах, политическому руководству постоянно приходилось заниматься решением вопросов военного строительства. При изучении развития вооруженных сил СССР и Германии после окончания Первой мировой войны и, в особенности, в 1930-е — начале 1940-х годов, можно выделить периоды «обычного» и «ускоренного» развития армий этих двух стран.

Германия начала 1920-х годов являлась страной, проигравшей Первую мировую войну. Версальским договором для нее были предусмотрены чрезвычайно тяжелые условия существования как государства. Огромная контрибуция, а также существенные ограничения в экономической и государственной деятельности привели к серьезнейшим внутривнутриполитическим проблемам. Ограничение численности армии до 100 тысяч человек, в составе всего 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, делало Германию потенциально легкой добычей для любого даже не очень сильного врага. Именно в таких условиях начал стремительно формироваться в качестве политического деятеля Адольф Гитлер.

Советский Союз к концу 1920-х — началу 1930-х годов был также весьма слабой в экономическом и военном отношениях страной. Еще в марте 1918 года, благодаря заключению Брестского мирного договора, Советская Россия с позиции великой державы

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

стремительно откатилась на позиции второстепенного государства, фактического сателлита Германской империи и ее союзников. С тех пор на таких позициях Советская Россия, а позднее и СССР продолжали оставаться в числе стран «второго-третьего сорта».

Если подробно изучать истории СССР и Германии, то становится ясно различимой некая их общность. И та и другая страна уже с начала 1920-х годов находились в состоянии, которое можно обозначить как «изгои Европы». Но причина их попадания в это состояние были несколько различными. Германия попала в данное состояние благодаря, в первую очередь, своему проигрышу Первой мировой войны. В ней же видели основного виновника разжывания этой войны. К политическому устройству Германии у ведущих мировых держав особых претензий не имелось. Советский Союз занял такое место в Европе и во всем мире в первую очередь из-за совершенно неприемлемого для ведущих мировых держав государственного и общественного устройства. К СССР относились и как к «стране-предателю» в Первой мировой войне ввиду заключения Россией печально знаменитого Брестского мира, а также как к стране с принципиально враждебным всем великим державам государственным устройством. Сходное политическое положение явилось одной из основных причин, которые привели к заключению в апреле 1922 года рапальского договора между Советской Россией и Германией. В дальнейшем более или менее нормальные политические отношения между двумя странами периода 1920-х — начала 1930-х годов сменились в 1933 году резким охлаждением. Причина этого охлаждения является вполне понятной и заключается в приходе к власти А. Гитлера, постоянно пропагандировавшего свое принципиальное неприятие большевизма.

Уже с конца Первой мировой войны развитие Германии и Советской России, позднее СССР, шло разными

путями. Германия являлась страной традиционного капитализма, а наша страна декларировала себя как государство, строящее социализм. Но перед обоими государствами стояла одна сходная задача — выйти из числа стран второй-третьей линии и занять ведущие позиции в Европе, тем самым заняв ведущие позиции во всем мире. Но исходные позиции для этого у СССР и Германии являлись совершенно различными. Ни СССР, ни Германия, вплоть до конца 1938 года, с чисто военной точки зрения не представляли никакой опасности для ведущих держав мира. Весьма наглядным будет сравнение исходного положения перед началом экономического и, в особенности, военного развития СССР и Германии в то время по целому ряду показателей.

СССР. Людские резервы формально очень велики. Уровень общей грамотности призывных контингентов населения в целом относительно невелик. Население страны преимущественно сельское (деревенское), что обуславливает соответствующий уровень грамотности и преимущественно «деревенского» мировоззрения населения страны. Мобилизационные возможности промышленности для обеспечения современной крупной сухопутной армии и ВВС относительно малы (недостаточны или даже явно недостаточны). Моральное единство общества можно оценить как недостаточное по отношению к декларируемым руководством страны целям. Способность РККА вести войну против армии крупной европейской державы весьма проблематична. Современные типы вооружений не производятся или производятся в недостаточном количестве. Меры по моторизации армии не могут идти в удовлетворительном масштабе ввиду несоответствия возможностей промышленности. Всеобщая воинская обязанность отсутствует и призыв в армию производится путем отбора, что резко ограничивает возможности создания подготовленного запаса. Военная мысль не блещет талантами. Промышленность страны по уровню тех-

нологии в целом можно обозначить как недостаточно современную. Общую готовность страны к «большой войне» можно оценить как невысокую (по чисто количественному составу армии готовность к большой войне можно оценить как среднюю). Уровень политического «понимания» в отношении СССР со стороны других государств был низкий, то есть политические условия были неблагоприятными. Забегая несколько вперед, скажем, что вольно или невольно, исходя из указанных обстоятельств, СССР реализовывал такой тип наращивания вооруженных сил, который можно обозначить как «преимущественно количественный».

Германия. Людские резервы по сравнению с СССР гораздо меньше. Уровень общей грамотности призывных контингентов населения в целом весьма велик. Население страны преимущественно городское, что обуславливает соответствующий уровень грамотности и преимущественно «городского» мировоззрения. Мобилизационные возможности промышленности для обеспечения современной крупной сухопутной армии и ВВС весьма велики (уязвимое место — недостаток в стране собственных сырьевых источников). Моральное единство общества довольно сильно выражено. В вермахте идет интенсивная подготовка к крупной современной войне с армиями европейского типа организации. Стремительно разворачивается производство современных типов вооружений. Принимаются меры по ускоренной моторизации армии, адекватно подкрепленные возможностями промышленного производства. Всеобщая воинская повинность введена на замену службе по найму, что резко ускоряет накопление подготовленного запаса. Военная мысль находится на значительной высоте. Промышленность страны по уровню технологии в целом современная. Общую готовность страны к «большой войне» можно оценить как средне-высокую в части боевой подготовки (по количественному составу к середине 1930-х годов вермахт к большой войне

был еще не готов). Уровень политического «понимания» в отношении Германии со стороны других государств до начала 1930-х годов был невысокий, а затем стремительно изменился на высокий (позиция великих держав в ситуациях с Австрией, Судетской областью, Чехословакией в целом, Мемельской областью), то есть политические условия были весьма благоприятными. Опять же, забегая несколько вперед, обозначим, что вольно или невольно, исходя из указанных обстоятельств, Германия реализовывала такой тип наращивания вооруженных сил, который можно обозначить как «количественно-качественный».

Развитие СССР и Германии в период с 1933 по 1939 год было настолько многоплановым, что весь узел проблем каждой из стран, приведших к заключению пакта Молотова — Риббентропа, попросту невозможно осветить в одной статье, даже весьма объемной. Поэтому в настоящей статье будут рассмотрены в основном проблемы военного строительства в двух странах, которые сыграли свою значительную роль в августе 1939 года.

При изучении развития вооруженных сил СССР и Германии после окончания Первой мировой войны, и в особенности в 1930-е — начале 1940-х годов, можно выделить периоды «обычного» и «ускоренного» развития армий этих двух стран. Для СССР эти периоды приходились на 1929—1939 и на 1939—1941 годы. Для Германии соответственно на 1930—1935 и на 1935—1941 годы. Начиная с 22 июня 1941 года развитие армий этих стран определялось начавшимися между ними боевыми действиями чрезвычайно крупных масштабов с кардинальным изменением всех предшествующих взглядов на военное строительство.

К концу гражданской войны в Советской России ее армия выглядела довольно печальным образом. А. Б. Мартиросян вину за такое состояние РККА возлагает прежде всего на пред-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

седателя Реввоенсовета СССР Л. Д. Троцкого. «... обследовавшая еще в начале 1924 г. РККА специальная комиссия ЦК партии вынесла тогда же следующий вердикт: “Красной фрмии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной запасами силы у нас в настоящее время нет”. Вот какой был председатель Реввоенсовета, что даже армии в стране и то не было, хотя под ружьем на момент проверки числилось 5 с лишним миллионов человек!» (Мартыросян А. Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. — М.: Вече, 2003. С. 383).

В результате резкого сокращения численность Красной армии уже на 1 января 1926 года составила 610 тысяч человек. По численности личного состава РККА была лишь немного больше польской армии. В Красной армии имелось в наличии всего 60 танков, 100 бронев автомобилей и около 1000, в основном деревянных, самолетов. Практически вся указанная техника была старых образцов и весьма изношенной. А только Польша, например, имела в строю приблизительно 200 танков, 60 бронев автомобилей и 500 самолетов. В это же время ВВС Франции имели в своем составе 6114 самолетов. В США их было 3800, в Великобритании — 3460, а в Италии — 1700 (См.: Житорчук Ю. В. Так кто же виноват в трагедии 1941 года. — М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2008. С. 46). Проведенное резкое сокращение Красной армии обуславливалось как экономическими, так и во многом чисто политическими мотивами, связанными с необходимостью ослабления позиций последователей Троцкого в РККА. Но способность страны по обеспечению своей армии боевой техникой иначе как плачевной назвать было нельзя. «Танковых войск СССР практически не имел, как и современной боевой авиации. Но главное было не это, а то, что промышленность Советского Союза не имела возможности выпускать в достаточном количестве не то что танки и самолеты, но даже самые обычные винтовки» (Веселов В. В.

Новый антиСуворов. — М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 330).

15 июля 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О состоянии обороны в СССР», которым был утвержден новый пятилетний план строительства вооруженных сил, нацеленный на достижение военного превосходства над вероятным противником. Одновременно были утверждены и лимиты вооруженных сил на конец первой пятилетки. Численность армии мирного времени устанавливалась в 648 700 человек, а в случае мобилизации — 3 млн; военно-воздушный флот — 2000 боевых самолетов в строю, 500 в резерве, 1000 в запасе; танков — 1500 в строю, столько же в запасе и 1000 — 2000 в резерве; орудий средних и крупных калибров — 9348, мелких калибров — 3394 (См.: Маркуша М. Ассимиляция производства. По материалам книги Л. Самуэльсона «Красный колосс» / Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой. — М.: Яуза-пресс, 2007. С. 144 — 154). Несмотря на указанное постановление, только начиная с 1932 г. по этим планам стало осуществляться развертывание Красной армии (См.: О накоплении начальствующего состава и пополнении им Рабоче-крестьянской красной армии. Из справки-доклада начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е. А. Щаденко. 20 марта 1940 г. // Известия ЦК КПСС. № 1 (300). Январь 1990. С. 177 — 185). Таким образом, хорошо видно, что прошло не менее двух с половиной лет, а то и более, от принятия 15 июля 1929 года указанного выше постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны в СССР» до начала развертывания РККА в 1932 году. При всем этом до 1932 года не было нормального накопления через систему военно-учебных заведений кадров начальствующего состава для обеспечения оргмероприятий и мобилизационной потребности. Красная армия была численно относительно небольшой и строилась по территориальному принципу. Пере-

менный состав территориальных частей пополнялся из запаса, а постоянные кадры были незначительны, и выпусками из военных училищ в основном обеспечивалось только покрытие естественной убыли (там же).

А вот яркая характеристика состояния нашей страны в начале 1930-х годов. «Советский Союз к 1930 году не был ни великой державой, ни империей, ни социалистической страной. Слабый в военном отношении, полный внутренних врагов, в случае агрессии ведущих империалистических держав против него, или даже хищников поменьше, объединенных в союз вроде Малой Антанты, Советский Союз с большой вероятностью был бы быстро разгромлен» (Рубецкий Олег. В чем смысл Пакта Молотова — Риббентропа / Мельгухов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 86 — 219). По указанным причинам численность РККА оставалась практически неизменной до начала 1930-х годов. Но возникла ситуация, известная в истории как военная тревога 1927 года, которая имела громаднейшее значение для дальнейшей истории нашей страны. Для руководства СССР окончательно стала очевидной полная незащищенность страны от возможной внешней агрессии. При этом Советскому Союзу не на кого было рассчитывать, он сам должен был производить вооружение в количествах, необходимых для масштабных боевых действий. Поэтому на первое место с неизбежностью выходила задача ускоренной коллективизации и индустриализации страны для построения на этой основе военно-промышленного комплекса. Также было необходимо обеспечить крепкий тыл, немедленно обуздав внутривластную оппозицию. Вполне понятно, что решение этих задач могло вестись только в рамках мобилизационной экономики, а это исключало продолжение политики НЭПа (Житорчук Ю. В. Так кто же виноват... С. 47).

В руководящих структурах СССР довольно быстро пришло понимание, что имеется настоятельная необходи-

мость срочного и резкого повышения количественного и качественного состава РККА, а также ее вооружения. И если чисто количественный состав армии мог быть увеличен относительно быстро и без особых усилий, то для повышения качества армии и ее технического оснащения имелись серьезнейшие препятствия. И лишь начиная с 1932 года стало осуществляться развертывание Красной армии (См.: О накоплении начальствующего состава и пополнении им рабоче-крестьянской красной армии. Из справки-доклада начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е. А. Щаденко. 20 марта 1940 г. // Известия ЦК КПСС. № 1 (300). Январь 1990. С. 177—185). Вот что было написано через двадцать лет, в 1946 году, о состоянии и принципах организации РККА. В СССР после окончания гражданской войны международная обстановка позволяла, а внутреннее экономическое положение Советского государства вынуждало строить значительную часть Красной армии (75 % стрелковых дивизий, небольшую часть кавалерийских дивизий и некоторые другие части) по территориально-милиционной системе. Закон об обязательной военной службе от 13 августа 1930 года устанавливал, например, что военнотрудовые перемены состава территориальных частей в течение первого года службы проходят 3-месячное обучение, а в течение следующих 4 лет — учебные сборы общей продолжительностью 5—8 месяцев (в зависимости от рода войск). В дальнейшем, однако, рост технического оснащения армии, усложнение функций бойцов и командиров и новые потребности обороны Советского государства в связи с усиленными вооружениями зарубежных стран и ростом военной угрозы со стороны агрессивных фашистских государств заставили СССР отказаться от территориальной системы и целиком перейти к кадровой системе организации и обучения частей и соединений Красной армии. Действовавший Закон о всеобщей воинской обязанности от

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

1 сентября 1939 года не предусматривал организации территориальных частей (См.: Территориальная армия / Большая Советская Энциклопедия. [1 издание]. Т. 54. — М.: Государственный научный институт «Советская энциклопедия», 1946, ст. 178).

Для обозначения дальнейшего развития РККА можно было бы воспользоваться выражениями «ни шатко ни валко» либо «вялая постепенность». Благодаря такому способу развития к середине 1937 года, через пять лет после начала практической реализации указанного выше постановления, численность Красной армии составила 1 миллион 433 тысяч человек (См.: Мартиросян А. Б. На пути к мировой войне. — М.: Вече, 2008. С. 267). Тем самым РККА по численности не слишком превысила армию Польши или Чехословакии и даже несколько, хотя и очень ненамного, отстала от армии Германии. Но по «качеству» личного состава РККА явно не могла обрадовать высшее руководство СССР. «... армия в руках таких, не прошедших должной выучки от простого солдата до командира “героев” Гражданской войны представляла собой плохо управляемый сброд». Свидетельствует архивный документ (РГВА. Ф. 37464. Оп. 1. Д. 12. Л. 92), описывающий состояние РККА в 1936 году [выделено крупно в книге. — Авт.]: «... Плохая боевая выучка войск времен Уборевича и Якира была обусловлена не только низкой квалификацией командиров РККА, но и плохим воинским воспитанием. Об уровне последнего можно судить, например, по коллективному портрету комсостава 110-го стрелкового полка БВО, сделанному комдивом К. П. Подласом в октябре 1936 года: “Млад[шие] держатся со старшими фамиллярно, распушенно... сидя принимают распоряжение, пререкания... Много рваного обмундирования, грязные, небритые, в рваных сапогах” [Выделено в книге. Заметим, что приводится описание не просто рядовых бойцов, а лиц, входящих в число командирского состава. — Авт.]. Между тем еще 12 лет

назад РККА была в точно таком же состоянии, из-за чего руководство СССР вынуждено было, предварительно выгнав Троцкого со всех военных постов, начать глубокую военную реформу. И спустя дюжину лет “опять двадцать пять” — при всех реформах, при всем резком оснащении оружием и техникой, повышении общеобразовательного уровня военнослужащих, при всем резком улучшении материального положения, особенно командного состава, — все тот же жуткий беспорядок» (Мартиросян А. Б. На пути к мировой войне. — М.: Вече, 2008. С. 264). Сравним приведенное положение вещей с явно официальной точкой зрения на РККА, высказанной ранее в 1926 году. «Наиболее сильной стороной Красной А[рмии] является то, что она не будет вынуждена воевать за интересы, чуждые трудящимся массам СССР. Сознание трудящихся, что они воюют для защиты своих интересов, в значительной степени является предпосылкой сознательной дисциплины и вместе с тем облегчает возможность перехода на милиционную систему. Красная А[рмия] находится в тесной связи с трудящимися СССР. Высокая политическая сознательность — отличительная черта Красной А[рмии]» (Армия / Большая Советская Энциклопедия. [1 издание]. Т. 3. — М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1926, ст. 395—396). Здесь уместно сравнить заметки А. Б. Мартиросяна о «дисциплине» («грязные, небритые ...»), что плохо вяжется с «сознательной дисциплиной», на которую есть ссылка в энциклопедической статье 1926 года. Поэтому идеальный образ РККА, описанный в Большой Советской Энциклопедии, как отчётливо видно во многом не соответствовал ее действительному состоянию.

Низкую боеспособность РККА в 1930-е годы можно объяснить, в частности, следующими соображениями. 1. Пропаганда в стране (СССР) все время твердила, что стоит только РККА перейти границу любого государства, как рабочие и крестьяне этой страны тут же восстанут. Далее они не-

избежно сбросят иго своей буржуазии и вольются в ряды РККА. В конечном итоге данная страна быстро присоединится к СССР. Так зачем же слишком надрываться при обучении военному делу? Ведь победа при войне с любым врагом, судя по пропаганде, была автоматически обеспечена местными рабочими и крестьянами. 2. Уже упомянутая выше пропаганда постоянно твердила о том, что рабочие являются классом-гегемоном, «хозяевами страны» и т. д. и т. п. Так что, попав в РККА, рабочие, очевидно, должны были чувствовать себя как хозяева, которым нагловатые холопы в лице командиров пытаются давать какие-то указания. Поэтому рядовые из рабочих и «передовых крестьян» должны были ощущать некий душевный дискомфорт, который явно не способствовал повышению боеспособности армии.

До середины 1930-х годов РККА также не имела материальных возможностей для ведения даже «средних размеров» войны в Европе. По линии ОГПУ, например, уже в 1926 году считали весьма возможным временную потерю части территории СССР в результате боевых действий. Вот что писал Ф. Э. Дзержинский 18 июля 1926 года в своем запросе Г. Г. Ягоде: «Т. Уншлихт мне говорил, что нами ничего не сделано в части, к нам относящейся из постановления П/бюро 25 года, в связи с диверсионной работой (организация боевых групп на нашей территории на случай занятия ее врагом). Прошу доложить, что сделано, что делается» (Дзержинский Ф. Э. Государственная безопасность. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 110).

«К концу 1937 года в Наркомате обороны был разработан план развития и реорганизации РККА на третью пятилетку (1938—1942 годы). 27 ноября 1937 года этот план был представлен руководителям партии и правительства. Через день он был утвержден. В основу разрабатываемого плана были положены требования партии и правительства к Вооруженным силам быть способными отразить нападение

врагов одновременно на западе и востоке и перенести борьбу на территорию противника» (Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы: [сб.] — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 255). Заметим, что ничего конкретного о содержании указанного плана М. В. Захаров не сообщил. Более точные сведения приводит Ю. В. Житорчук. Он сообщил, что этот «План развития и реорганизации РККА в 1938—1942 годах» 1937 года предусматривал увеличение армии мирного времени с 1 миллиона 600 тысяч человек на 1 января 1938 года всего до 1 миллиона 800 тысяч человек к 1 января 1943 года (См.: Житорчук Ю. В. Так кто же виноват в трагедии 1941 года. — М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2008, с. 444). То есть упомянутым планом предусматривалось увеличение армии на 200 тысяч человек за 5 лет. Иными словами, всего на 12,5 % по сравнению с ее исходным количеством в 1938 году, что составляло среднегодовой прирост армии в 2,5 % от ее исходной численности. В том же 1938 году численность командного состава РККА составляла около 150 тысяч человек (там же, с. 439). Вариант Положения о службе Генерального штаба РККА, представленный в феврале 1937 года руководству Комиссии обороны СССР, очерчивал следующий круг возлагаемых на нее задач. «На службу Генерального штаба возлагались разработка оперативно-стратегических планов войны, вопросов организационного строительства вооруженных сил, составление мобилизационных планов; изучение и подготовка театров военных действий; разработка перспектив развития военной техники, совершенствование боевых возможностей видов вооруженных сил; организация оперативной подготовки командного и начальствующего состава; разработка вопросов материально-технического обеспечения вооруженных сил во время войны и т. д.» (Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы: [сб.] — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 104—105). Для решения перечисленных многоплановых

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

задач возникала безусловная необходимость создания многочисленного квалифицированного ядра кадровых военнослужащих, имеющих призвание и способности для несения службы в высшем штабе Красной армии. Требования же к сотрудникам Генерального штаба были весьма многочисленными и в реалиях середины 1930-х годов трудно достижимыми в одном и том же военнослужащем РККА. Их перечисление занимает довольно много места. В число обязательных требований, которые предъявлялись к кадрам службы Генерального штаба, были включены: беспредельная преданность социалистической Родине и Коммунистической партии; высокая марксистско-ленинская подготовка, широкий общеобразовательный и военно-теоретический кругозор; глубокие и всесторонние знания войск, методов боевой подготовки и всех видов военной техники нашей армии, а также тактики и оперативного искусства армий ведущих капиталистических государств, их истории, географии, экономики и политики. Главными критериями, определявшими годность кандидатов для зачисления в службу Генерального штаба, являлись их деловые и моральные качества: наличие воли, организаторские навыки, трудоспособность и прилежание, способность к самостоятельному, ясному, пространственному мышлению с быстрой реакцией на обстановку, аккуратность, скромность. Кроме того, они должны были хорошо владеть техникой штабной работы, уметь организовать и провести учение в оперативно-стратегическом масштабе, участвовать в военно-научной работе, разработке уставов и наставлений, а также вести самостоятельное исследование тем, намеченных Генеральным штабом. Отставание в этих вопросах, указывалось в проекте Положения о службе Генерального штаба, должно учитываться как основной повод для отчисления из Генерального штаба (См.: Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы: [сб.] — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 105). Требования серьезные и их обоснованность ни

у одного здравомыслящего человека вряд ли может вызвать хотя бы малейшие возражения. Беда, очевидно, заключалась здесь в совершенно других обстоятельствах. Можно предполагать с большой долей вероятности, что перечисленные идеальные требования к сотрудникам Генерального штаба в очень слабой степени могли быть соотнесены с возможностями выбора из имеющихся в войсках и военных учебных заведениях кандидатов на вакантные должности.

Данные, приводимые М. И. Мельтюховым, указывают на рост численного состава РККА и значительные изменения ее структуры. «... сухопутные войска Красной Армии во второй половине 1939 — первой половине 1941 г. значительно возросли и организационно преобразовались. За это время были сформированы управления 42 стрелковых, 29 механизированных, 5 воздушно-десантных корпусов, 125 стрелковых, 31 моторизованная, 61 танковая дивизии, 108 артполков, 3 отдельных артдивизиона, 29 мотоциклетных полков и другие части обеспечения» (Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 — 1941 (Документы, факты, суждения). — М.: Вече, 2000. С. 348). Особо отметим в качестве важной детали тот факт, что сухопутные войска «организационно преобразовались». А вот как увеличился состав РККА за один только 1939 год. «За отчетный период, в особенности в августе — сентябре месяцах, в армии проведено значительное количество новых формирований, а именно 4 фронтовых управлений, 2 окружных управлений, 8 армейских управлений, 19 управлений стрелковых корпусов, 111 стрелковых дивизий (...), 16 танковых бригад, 12 запасных стрелковых бригад... 85 запасных полков... 345 эвакуационных госпиталей... На проведение этих мероприятий потребовалось 117 188 чел. начсостава или увеличения на 40,8% к численности на 1.1.1939 г. (штатная численность начсостава на 1.1.1939 г. составляла 239 992 чел., а к марту 1940 г. увеличилась до 357 000 чел.)» (О рабо-

те за 1939 год. Из отчета начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е. А. Шаденко. 20 марта 1940 г. // Известия ЦК КПСС. № 1 (300). Январь 1990. С. 186—192). Но является вполне понятным, что этот рост был в основном чисто количественного плана. И данное обстоятельство следует из некоторых высказываний на совещании командного состава РККА, посвященного результатам Советско-финской войны. На этом совещании высшего комсостава, состоявшемся в ЦК партии в апреле 1940 года, командующий 8-й армией Г. М. Штерн заявил: «...Нужно сказать прямо, товарищ Мерецков, тебя наградили крепко, по заслугам, все мы тебя целуем и поздравляем, но, товарищ Мерецков, подготовил ты (правда, не один ты виноват, многие были виноваты) эту войну плохо». Сталин тогда Штерна поддержал: «Он хочет сказать, округ-то ваш, Ленинградский, а подготовили войну плохо». Берия же еще в ноябре 39-го понимал, что войска к вторжению в Финляндию не готовы. Лаврентий Павлович, однако, не нес никакой ответственности за подготовку армии и флота к войне. Поэтому он мог позволить себе очень откровенную критику. Вместе с тем он прекрасно понимал, что эти и другие многочисленные недостатки за сутки до начала боевых действий никак не исправишь. Если штабы не умеют толком спланировать операцию, а артиллеристы — зарядить орудия, если отсутствуют таблицы для стрельбы и не пристреляны пулеметы, если разведка работает плохо, а приготовления к наступлению не удастся сохранить в тайне, — значит, войска, которым предстоит завтра перейти финскую границу, потерпят серьезные неудачи и не смогут добиться быстрой победы» (Соколов Б. В. Тайны финской войны. — М.: Вече, 2000. С. 33—34).

По состоянию на 22 июня 1941 года численность Красной армии возросла до 5 669 602 человек. (Мартиросян А. Б. На пути к мировой войне. — М.: Вече, 2008. С. 267). При этом, если числен-

ность командного состава РККА в 1938 году составляла около 150 тысяч человек, то к лету 1941 года увеличилась почти в четыре раза и составила 580 тысяч. По состоянию на 1 января 1938 года РККА имела около 128 танковых батальонов, а к началу войны их число достигло 643 (См.: Житорчук Ю. В. Так кто же виноват ... С. 439).

Таковы вкратце сведения о численном увеличении РККА. Но арифметическая численность армии это еще далеко не все. А как обстояли дела с ее боеспособностью, какие существуют ее оценки у различных авторов? Вот что пишет известный писатель, участник Великой Отечественной войны В. В. Карпов. «Сталин после финской войны и разбора ее итогов на Главном Военном совете убедился в том, что наша армия слабая, что ее командный состав подготовлен плохо, что вооружение у нас устаревшее, что такая армия не сможет противостоять гитлеровской армии» (Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Книга первая. — М.: Вече, 2002. С. 223). Пессимистическую оценку способности командования Красной армии дает В. В. Бешанов. «...воевать “как положено” красные командиры не умели. Вот гробить людей и технику, это сколько угодно. Им и 100 тысяч танков могло не хватить для завоевания Европы» (Бешанов В. В. Танковый погром 1941 года. (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?). — Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 119). Очевидно, что если такая оценка боеспособности РККА понятна автору книги, вышедшей в 2000 году, то Сталину в 1939 году, а тем более в 1940 году после Советско-финской войны, она должна была быть еще более понятной.

Ю. В. Житорчук обращает особое внимание на отсутствие у Красной армии боевой выучки, которая была бы достаточной для борьбы с вермахтом на равных. «Причина значительного отставания Красной Армии от вермахта в боеспособности состояла не в том, что РККА была хуже вооружена. По

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

числу танков и самолетов она превосходила немецкие войска. Однако боеспособность армии определяется не только количеством дивизий, пушек, танков, самолетов, но и умением воинских подразделений использовать их в боевых условиях. А вот боевая выучка солдат и офицеров Красной Армии существенно уступала выучке военнослужащих немецко-фашистских войск» (Житорчук Ю. В. Так кто же виноват в трагедии 1941 года. — М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2008. С. 444).

В. Б. Соколов ссылается на данные Л. П. Берия об обстановке в РККФ непосредственно перед Советско-финской войной. Утверждается, что в самый канун нападения на Финляндию некоторые советские руководители вполне сознавали неготовность войск к эффективному ведению войны. «29 ноября 1939 года нарком внутренних дел Берия направил весьма тревожное письмо наркому обороны маршалу Ворошилову. Пока опубликован лишь фрагмент этого письма, посвященный Краснознаменному Балтийскому флоту ... : “В деле боевой подготовки КБФ имеется ряд недочетов. В работе штаба наблюдается неорганизованность и излишняя суета, нет должного оперативного взаимодействия между отделами штаба флота. ... Вокруг операции ведется много телефонных и устных переговоров. Комнату, где сконцентрированы все оперативные документы и разработки, посещают много посторонних лиц. ... Разведывательный отдел штаба флота работает плохо. ... Неорганизованность в работе наблюдается и в некоторых штабах соединения флота. Начальник штаба эскадры, капитан 1-го ранга Челпанов, докладывая командующему флотом о готовности артиллерии, не знал даже точных данных о количестве и марках снарядов, необходимых для новых миноносцев”...» (Соколов В. В. Тайны финской войны. — М.: Вече, 2000. С. 31–32). С большой долей уверенности можно предполагать, что сведения по сухопутным силам, приводимые Л. П. Берия в его

письме Ворошилову, были еще более безотрадными.

Уже 20 марта 1940 года Е. А. Щаденко с большой прозорливостью дал нелестную оценку боеспособности РККА в будущей большой войне. «Если будет оставаться такое положение с накоплением полноценных кадров армии и запаса, то при отмобилизации в 1940 и 1941 гг. армия будет иметь не менее 70 % наскоро подготовленных, а сама война этот процент, безусловно, быстро увеличит до 80 и больше процентов. На таком крайне пестром и неподготовленном прапорщике не удержалась и рухнула царская армия, в которой квалифицированные кадры были выбиты, в основном, уже к 1916 году. У нас нет гарантии, что “прапорщик”, (т. е. краткосрочник) не подведет нас, тем более что у нас около 50 % недостает крепкого кадра в старшем и высшем звене, а в запасе этой категории лиц вовсе нет» (О накоплении начальствующего состава и пополнении им рабоче-крестьянской красной армии. Из справки-доклада начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е. А. Щаденко. 20 марта 1940 г. // Известия ЦК КПСС. № 1 (300). Январь 1990. С. 177–185). А что же предпринимал Генеральный штаб РККА, чтобы исправить сложившийся дисбаланс кадров командного уровня? «Генеральный штаб, верный своим традициям, все “мероприятия” по подготовке и накоплению кадров и запаса относил на военное время, на войну» (там же, с. 181). Говоря иными словами, наличествовала хорошо известная в нашем Отечестве ситуация: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

По мнению, высказанному А. Морозовым, Красная армия серьезно уступала немцам в самом главном — в организации (Морозов А. Si vis pacem para bellum / Великая Отечественная катастрофа-3: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — С. 442, 447–477).

В. Б. Соколов указывает на важную роль диспропорций между выпускном чисто военных и гражданских видов

продукции в пониженной боеспособности РККА. «Пожалуй, главной ошибкой было то, что, всемерно наращивая выпуск новейших вооружений и боевой техники, советские руководители и генералы не озаботились соответствующим наращиванием гражданской продукции, необходимой для обслуживания вооруженных сил: бензина, транспортных средств, радиостанций и иных средств связи. А ведь ради этого стоило бы немного притормозить выпуск самолетов и танков... наблюдались гигантомания, погоня за большими цифрами самолетов и танков, без учета реальных возможностей освоить в короткий срок новую технику и обеспечить ее всем необходимым... **Красной Армии прежде всего не хватало организovanности и порядка** [выделено мной. — Авт.]. Казалось бы, в таком состоянии нечего было и думать о нападении на Германию. Однако на самом деле эти органические пороки были присущи советским вооруженным силам всегда, в том числе и в победном 1945-м. К тому же Сталин, да и многие другие руководители Красной Армии не признавали всей серьезности присущих ей недостатков и считали, что она может успешно воевать» (Соколов Б. В. Вторая мировая: факты и версии. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, [2007]. С. 70–71). По поводу высказанного соображения, что «Сталин, да и многие другие руководители Красной Армии не признавали всей серьезности присущих ей недостатков и считали, что она может успешно воевать». Думается, Сталин все же вполне понимал, особенно после Советско-финской войны 1939–1940 годов, все недостатки РККА. Но он понимал также, что воевать придется, а какой-то другой армии у него нет, как и нет других, более талантливых военачальников. Вот слова из телеграммы И. В. Сталина от 9 мая 1942 года в адрес Л. З. Мехлиса, которые, на наш взгляд, вполне адекватно отражают ситуацию с качеством военачальников. «Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас

нет в резерве Гинденбургов» (Сталин И. В. Сочинения. Том 18. — Тверь: Информационно-издательский центр «СОЮЗ», 2006. С. 291). Равным образом можно утверждать, что «Гинденбургов» тем более у нас не было в конце 1930-х годов. И Сталину это было вполне ясно уже тогда. Правда, остается все же не вполне понятным, когда Сталин узнал об отсутствии в РККА Гинденбургов. То ли по результатам боев 1941 года, то ли в марте 1940 года, а может быть, и еще раньше. Можно предполагать, что Сталин именно поэтому воспринимал в 1941 году РККА не столько как чисто военный инструмент, сколько как инструмент внешней политики в отношениях с немцами.

На гонку РККА за формальным количественным превосходством над немецкой армией обращает внимание Ю. В. Житорчук. «Советское военное и политическое руководство, готовясь к войне с Германией, усиленно добивалось количественного превосходства над вермахтом, особенно в танках и самолетах, однако при этом оно слишком поздно осознало факт существенного отставания Красной Армии от вермахта в боевой выучке войск. А боевая выучка войск РККА в предвоенные годы находилась на весьма низком уровне. Причиной тому являлось отсутствие укоренившихся армейских традиций, безалаберность и разгильдяйство, маскируемые очковитирательством и победными рапортами в адрес вышестоящих инстанций» (Житорчук Ю. В. Так кто же виноват в трагедии 1941 года. — М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2008. С. 440).

Б. В. Соколов отмечает существенные, по его мнению, причины неудачных действий РККА в боевых действиях Советско-финской войны 1939 — 1940 годов. «Вместе с тем именно инициативы, смекалки и хитрости не хватало бойцам и командирам Красной Армии» (Соколов Б. В. Тайны финской войны. — М.: Вече, 2000. С. 302). Очевидно, что эти свойства в Красной армии не появились не только в ходе Советско-финской войны, а их не

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

было еще задолго до нее. Также вполне очевидно, что Сталин был хорошо осведомлен о низком уровне «инициативы, смекалки и хитрости» у личного состава РККА.

С таким состоянием Красной армии СССР подошел к августу 1939 года, то есть ко времени, когда появилась необходимость вплотную решать вопрос о том, подписывать или нет договор с Германией, позднее названный Пактом Молотова — Риббентропа. Теперь продолжим и попытаемся понять, а с чем же к этому времени пришла Германия и ее вооруженные силы.

Рассмотрим, от какого исходного состояния произошло развитие вооруженных сил Германии после прихода А. Гитлера к власти в 1933 году. Официально с 1921 года Германия имела армию под названием Рейхсвер, который состоял из сухопутных войск и военно-морского флота. Согласно Версальскому мирному договору 1919 года Германии запрещалось иметь боевую и транспортную авиацию, бронетанковую технику, тяжелую артиллерию, подводные лодки, линейные корабли водоизмещением свыше 10 тысяч и крейсера водоизмещением свыше 6 тысяч тонн. Запрещалось также иметь генеральный штаб. Численность сухопутных войск была ограничена 100 тысячами человек, в том числе 4,5 тысячи офицеров, что составляло семь пехотных и три кавалерийских дивизии. На вооружении армии находились 288 легких орудий и 252 миномета. Военно-морской флот насчитывал всего 6 старых линейных кораблей, 7 легких крейсеров, 12 эсминцев и 12 миноносцев. Личный состав ВМФ насчитывал 15 тысяч военнослужащих, в число которых входили 1500 офицеров. Однако уже с середины 1920-х шла тайная подготовка к увеличению рейхсвера, в 1930 был принят план увеличения личного состава вооруженных сил до 300 тысяч рядовых и офицеров к 1938 году. Начиная с 1933 года указанный план стал реализовываться на практике (См.: Энциклопедия Третьего рейха / Сост. д-р ист. наук В. Тели-

цын. — 2-е изд. — М.: Локид-Пресс; РИПОЛ Классик, 2004. С. 348—349).

Уже к осени 1934 года состав германской армии увеличился в три раза по сравнению с предыдущим годом. На базе имевшихся семи пехотных дивизий была образована 21 дивизия, состоящая каждая из двух пехотных полков. В каждом полку было 4 батальона. Артиллерийские дивизионы имели по две батареи. Была осуществлена моторизация кавалерийских частей (См.: Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 128). Таким образом, уже через полтора года после прихода Гитлера к власти, германские вооруженные силы достигли численности, которая планом была предусмотрена только на 1938 год.

В начале следующего года произошло переименование рейхсвера в вермахт. Это было не просто переименование, но начало строительства вооруженных сил на иной принципиальной основе. Базой для развертывания, перевооружения и пополнения рядов вермахта явился именно рейхсвер. Его переименование было связано с принятием 15 марта 1935 года «Закона о строительстве вермахта». В соответствии с этим законом в Германии вводилась всеобщая воинская повинность, общее число дивизий должно было возрасти до 36, а общая численность сухопутной армии должна была достичь 500 тысяч солдат и офицеров (См.: Энциклопедия Третьего рейха / Сост. д-р ист. наук В. Телицын. — 2-е изд. — М.: Локид-Пресс; РИПОЛ Классик, 2004. С. 84—85). Эта полумиллионная армия, причем мирного времени, развертывалась в составе 36 дивизий, организационно объединенных в 12 трехдивизионных армейских корпусов. Одновременно было объявлено о создании военно-воздушных сил (См.: Панов Б. В., Киселев В. Н., Картавцев И. И. и др. История военного искусства: Учебник для военных академий Советских Вооруженных Сил. — М.: Воениздат, 1984. С. 103; Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече,

2007. С. 128). Тем самым фактически произошел отказ от ограничений, наложенных на Германию Версальским мирным договором 1919 года. Работа по развитию армии осуществлялась в Германии чрезвычайно высокими темпами. Так, в мобилизационный период 1935–1936 годов было создано: 23 пехотных дивизии, 1 горнострелковая дивизия, 3 танковых дивизии, 1 кавалерийская бригада, 1 легкая моторизованная бригада мирного времени, 8 резервных дивизий и 21 дивизия ландвера. По мнению советской стороны, итоговая фактическая численность германских вооруженных сил к лету 1935 году могла составить от 849 000 до 909 000 чел. Уже тогда германская армия имела в наличии 661 000 легковых автомобилей, 191 000 грузовых машин и 983 000 мотоциклов (См.: Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 128). Можно с уверенностью сделать вывод о преувеличении советской стороной действительной численности автомобилей и мотоциклов в вермахте. Такое количество техники явно превышало текущие потребности наличного состава армии. Практически вся армия должна была состоять только из водителей автомобилей. А для мотоциклов уже не было водителей. Возможны два объяснения. Первое. Это являлось дезинформацией, а истинное количество единиц автомобильной техники и мотоциклов было значительно меньшим. Второе. Приводимое количество единиц техники являлось близким к истинному. Но данная техника была предназначена, в основном, на перспективное увеличение численности армии, причем большинство техники находилось пока на консервации.

РККА, судя по сведениям, приводимым А. Б. Мартирисяном, была ослаблена и актами предательства. Выдача иностранному государству мобилизационного плана всей армии — куда уж идти дальше! — «... выдан был мобилизационный план на 1936/37 г. ... именно с фактом наличия этого плана у германских военных связаны те

самые “удивительные” командно-штабные учения вермахта, на которых Минск был “взят” на пятый день после начала агрессии! Кстати говоря, с августа 1937 г. новый начальник Генштаба Б. М. Шапошников немедленно занялся разработкой нового мобилизационного плана» (Мартирисян А. Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. — М.: Вече, 2003. С. 431). Тем самым, литературные сведения указывают на тот факт, что, по крайней мере, уже к 1936 году военная разведка Германии находилась на весьма высоком уровне.

В 1937 году курс Гитлера на подготовку к войне приобрел совершенно понятную всем окружающим направленность. И к осени этого года результаты перевооружения германской армии уже ни у кого не вызывали сомнений. Правда, впервые о своих намерениях завоевания мирового господства Гитлер оповестил генералов вооруженных сил Германии лишь 5 ноября (См.: Романенко К. К. Великая война Сталина. Триумф Верховного Главнокомандующего. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 18). Спустя короткое время, в феврале 1938 года, была осуществлена концентрация функций управления вооруженными силами Германии в руках А. Гитлера. Он лично возглавил все вооруженные силы. Но, не будучи ни военачальником, ни тем более полководцем, фюрер был не в состоянии решать абсолютно все вопросы, которыми занимался главнокомандующий (См.: Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 132).

Подготовка Германии к войне была недолгой, но четкой и результативной. На основе указаний Гитлера уже 7 марта 1938 года главным штабом вооруженных сил Германии была разработана директива «Руководство войной как проблема организации». В объемном документе, в частности, было определено и то, что успех в войне гарантируется только единством и сплоченностью государства, вооруженных сил и народа (См.: Хлопотов О. Д. Крова-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

вая тропа к Великой Победе. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 16–17). Буквально через несколько дней войска Германии, не встречая абсолютно никакого сопротивления, вступили на территорию Австрии и заняли ее. Эта скоротечная кампания получила название «цветочная война», так как население Австрии стояло вдоль дорог, с восторгом осыпая проходящие немецкие войска цветами. Уже в апреле 1938 года был проведен референдум, который придал «законные основания» включения Австрии в состав Третьего рейха. «В результате территория Германии увеличилась на 17 процентов, а население почти на семь миллионов человек. В состав вермахта, что чрезвычайно важно, вошло шесть сформированных в “Остмарке” дивизий. Кроме того, вермахт получил несколько тысяч хорошо подготовленных кадровых генералов и офицеров всех родов войск, в том числе профессиональных разведчиков и контрразведчиков» (Гладков Т. Тайны спецслужб III рейха. — М.: Изд-во Яуза, Изд-во Эксмо, 2004. С. 130). В итоге всех указанных выше мероприятий в рядах вермахта по состоянию на 1938 год стало насчитываться уже более 1 миллиона человек (Энциклопедия Третьего рейха / Сост. д-р ист. наук В. Телицын. — 2-е изд. — М.: Локид-Пресс; РИПОЛ Классик, 2004. С. 349). Но далеко не все обстоятельства благоприятствовали Германии в военном плане. В первой половине 1938 года правительство Чехословакии вовсе не собиралось капитулировать перед немцами. У чехов для этого не было никаких оснований. Чешская армия, будучи одной из самых сильных в Европе, была готова защищать свою страну в случае агрессии со стороны Германии. Соотношение сил к такой решимости весьма располагало. Весной 1938 года армия Чехословакии состояла из 34 дивизий против 28 дивизий вермахта. К осени того же года растущая сумасшедшими темпами немецкая армия стала заметно сильнее, но все равно преимущество гитлеровцев не было многократным. Бо-

роться было можно: против 39 германских дивизий численностью 1,8 млн человек чехи могли выставить 36 дивизий, состоявших из 1,6 млн человек; против 2400 самолетов и 720 танков Гитлера у Чехословакии было соответственно 1500 самолетов и 400 танков. Не забудем и тот факт, что чехословацкая армия собиралась обороняться, а немецкая была бы вынуждена наступать (Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. — СПб.: Питер, 2008. С. 172). С участием любого союзника, а тем более союзников, армия Чехословакии легко разгромила бы вермахт даже осенью 1938 года. Но мюнхенский договор практически лишил Чехословакию этой возможности. Заходя несколько вперед, скажем, что неудобная для Германии проблема с Чехословакией была окончательно решена ею в свою пользу только 15 марта 1939 года.

Положение, сохранение которого, как казалось руководству западных стран, было на длительное время обеспечено Мюнхенскими соглашениями, очень недолго оставалось стабильным. Уже 17 декабря 1938 года вермахт получил указание Гитлера о подготовке оккупации оставшейся урезанной части независимой Чехословакии. Оценивая обстановку, он предполагал, что вооруженные силы этой страны не окажут немцам какого-либо серьезного сопротивления. Глава Третьего рейха также исходил из мнения, что Великобритания и Франция позволят ему оккупировать Чехословакию во избежание крупномасштабной войны в Европе. Чехословацкая армия, насчитывавшая 800 тысяч человек, была хорошо обучена и снабжена прекрасным оружием, произведенным на превосходных военных заводах. Это вызывало опасения Гитлера, и поэтому он решил избежать открытой вооруженной конфронтации (См.: Такер-Джонс Э. Великий танковый грабеж. Трофейная броня Гитлера. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 15–16). Таким образом, даже в конце декабря 1938 года Гитлер еще не считал Германию готовой к открытому военному столкновению с Чехо-

словакией, даже и один на один без участия в конфликте каких-либо союзников последней. Очевидно, что тем более он должен был считать Германию и ее вооруженные силы не подготовленными к ведению боевых действий с коалицией ведущих держав и даже только с Францией. Данной точки зрения придерживался в то время также ряд высших офицеров Третьего рейха. «Уже после войны многие руководители вермахта признавали, что, если бы Англия и Франция выступили на защиту Чехословакии, позиции Германии оказались бы безнадежными» (Безыменский Л. А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. — М.: Вече, 2003. С. 44). В итоге из-за ускоренного развития армии к концу 1938 года затраты Германии на программу перевооружения достигли 52 %, то есть более половины всех государственных расходов. Эти затраты в целом составили 17 % валового национального продукта страны (См.: Романенко К. К. Великая война Сталина. Триумф Верховного Главнокомандующего. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 18). Подводя итоги, следует констатировать, что на протяжении 1938 года военное и экономическое положение Германии резко улучшилось. В состав Германии были включены Австрия и Судетская область, то есть территории с весьма развитыми отраслями экономики, имеющими большое военное значение.

Следующий, 1939 год начался с того, что 15 марта немецкие войска оккупировали чешскую часть территории Чехословакии, которая накануне прекратила свое существование как единое государство из-за формального объявления Словакией своей независимости. Англо-французские гарантии, ранее предоставленные Чехословакии, формально прекратили свое действие вследствие распада этой страны. «Разрушение чехословацкого государства также означало и то, что немцы теперь могли беспрепятственно размещать военно-воздушные базы на территории независимой Словакии, откуда открывался оперативный про-

стор для войны на Востоке» (Такер-Джонс Э. Великий танковый грабёж. Трофейная броня Гитлера. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 18). Кроме того, вследствие исчезновения с карты Чехословакии СССР, равно как и другие страны, хотя бы формально антигитлеровской направленности, лишились в Европе союзника, обладающего мощным военным и экономическим потенциалом. Данное действие Германии привело к резчайшему потрясению «европейского равновесия».

«Чешские трофеи Гитлера оказались воистину баснословными. Одним абсолютно бескровным для нее завоеванием нацистская Германия захватила 469 танков, 1500 самолетов, более 500 зенитных орудий, 43 тысячи пулеметов, более 1 миллиона винтовок, 1 миллиард патронов, 3 миллиона артиллерийских снарядов. Под власть немцев перешли также оружейные заводы “Шкода”, уступавшие лишь крупновским заводам. Чешские арсеналы были использованы для вооружения четырех танковых и 15 пехотных дивизий вермахта. Армию бывшей Чехословакии тихо распустили, а ее офицеров отправили на пенсию. В дальнейшем в вермахте они практически не служили (См.: Такер-Джонс Э. Великий танковый грабёж. ... С. 22). Вооруженные силы Германии, как и ее военные отрасли экономики, значительно укрепились. А совокупные военные и экономические возможности остальных европейских стран, наоборот, резко снизились. «По словам Черчилля, “захват Чехословакии лишил союзников этой страны двадцать одной регулярной дивизии или пятнадцати-шестнадцати уже мобилизованных дивизий второй линии, а также линии горных укрепрайонов, которые в дни Мюнхена потребовали размещения тридцати дивизий моторизованной и хорошо обученной немецкой армии”» (Такер-Джонс Э. Великий танковый грабёж. ... С. 296). Оценка вполне справедливая. Но только Черчилль здесь не упоминает о том, что при действиях вокруг чехословацкой про-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

блемы Англия и Франция предприняли много усилий не для сдерживания амбиций Гитлера, а для канализации их против СССР. На этом фоне прошло почти незамеченным присоединение в конце марта к Германии Мемельской области. Это была небольшая, но экономически развитая территория, в которой было сосредоточено около 40 % промышленности Литвы, в том числе крупный город и порт Мемель.

Касаясь дальнейшего развития ситуации, упомянем, что к середине 1941 года вместе с армией резерва вооруженные силы Германии насчитывали свыше 4,2 миллиона человек, в том числе: в сухопутных войсках — 3,7 миллиона, в военно-воздушных силах — 373 тысячи, в военно-морском флоте — более 159 тысяч человек (См.: Панов Б. В., Киселев В. Н., Картавцев И. И. и др. История военного искусства: Учебник для военных академий Советских Вооруженных Сил. — М.: Воениздат, 1984. С. 103). Далее можно сослаться на интегрированную оценку вооруженных сил Германии рассматриваемого периода времени. «В целом немецко-фашистские вооруженные силы обладали большой наступательной мощью. По своей организации, подготовке и вооружению они превосходили армии других стран капиталистического мира. Их личный состав, особенно офицерский корпус, в подавляющем большинстве был заражен нацистской идеологией и ревностно исполнял волю господствующих классов фашистской Германии» (там же, с. 104). Понятно, что качество вооруженных сил Германии также оценивалось как очень высокое уже в августе 1939 года. Поэтому для руководства СССР тогда было совершенно очевидным, что РККА не может один на один без союзников воевать с Германией. А впервые, как следует, весь мир разглядел мощь вермахта 20 апреля 1939 года на параде в честь юбилея А. Гитлера. «В 11 часов состоялся большой военный парад. Гитлер с малочисленным сопровождением медленно объехал парадный строй войск, замер-

ших на новой магистрали. Их подготовкой к торжественному маршу целыми неделями занимался специальный штаб. Парад, продолжавшийся целых пять часов, открылся прохождением знаменного батальона всех составных частей вермахта, который потом замер перед трибуной лицом к фюреру... Гитлер продемонстрировал именно то, чего он достиг к своему 50-летию: в этот день весь мир должен был осознать военную мощь рейха» (Белов Н., фон. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 201—202). Судя по тому, что показывали в кинохронике того времени, ему удалось во многом достигнуть желаемого эффекта. Действия Германии по развитию своих вооруженных сил были весьма успешными. За период с 1937/1938 по 1939/1940 годы вермахт значительно увеличил численность полевых войск с 1382 тысяч, или 71 дивизии, до 2108 тысяч, или 103 дивизий. Удалось также увеличить численность армии резерва за счет призывников (Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 131 — 132). Дальнейшее развитие событий в Европе опрокинули многие из прогнозов, которые в СССР военные предоставляли руководству своей страны в начале — середине 1939 года. Так, согласно расчетам на 1942 год предполагалось, что война Германии с ее противниками будет длительной. «Первое разочарование Сталину пришлось пережить в дни польской кампании. Та самая Польша, которую Генштаб Красной Армии считал серьезным противником и еще в 1938 году ждал ее нападения, та самая Польша потерпела поражение за несколько недель... Затем — Франция, великая европейская держава. Ее сопротивление длилось также несколько недель, не говоря уже о быстрых успехах вермахта в Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурге. В Европе продолжалась лишь воздушная и морская война с Англией» (Безыменский Л. А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. — М.: Вече, 2003. С. 114). Соображения-

ми, указанными выше, очевидно, руководствовался И. В. Сталин, принимая решение о подписании пакта. Очевидно, он, на основании прогнозов военных, предполагал, что война с Польшей продлится довольно долго и станет войной на истощение Германии. А Советскому Союзу останется только пользоваться преимуществами страны, не вовлеченной в боевые действия. По крайней мере, какое-то время.

К сентябрю 1939 года силы вермахта насчитывали почти 3 миллиона человек. В дальнейшем рост рядов вермахта был продолжен. С осени 1939 года в частях и подразделениях вооруженных сил Германии был создан институт нацистских комиссаров, которые отвечали за поддержание морального духа солдат и офицеров (См.: Энциклопедия Третьего рейха / Сост. д-р ист. наук В. Телицын. — 2-е изд. — М.: Локид-Пресс; РИПОЛ Классик, 2004. С. 87, 297). Можно предполагать, что подготовительные мероприятия к введению этого института нацистских комиссаров в войсках проводились еще и до августа 1939 года. О. Д. Хлопотов указывал в своей книге на то, что немецкая дивизия времен Второй мировой войны была сильной не только своим духом, но и вооружением, равно как и боевой выучкой (См.: Хлопотов О. Д. Кровавая тропа к Великой Победе. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 62). Но такие свойства немецкие дивизии обрели отнюдь не с началом Второй мировой войны, а значительно раньше. Так, Уборевич, который в конце 1920-х годов значительное время проработал в Германии, писал: «Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас...» (Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 101). Не менее интересным является отрывок из письма, посланного из Германии в 1930 году Иваном Панфиловым Беловым, командующим войсками Северо-Кавказского военного округа: «... Когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика до ге-

нерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости. Хочется кричать благим матом о необходимости самой напряженной учебы — решительной переделки всех слабых командиров в возможно короткие сроки» (См.: Смыслов О. С. Накануне 1941 года... С. 104). Очевидно, что после 1933 года дело с обучением немецких войск ни в коей мере не ухудшилось, а только улучшилось.

Автор, пишущий под псевдонимом В. Суоров, абсолютно согласен с Резуном в том плане, что Гитлер начал войну со Сталиным, будучи к ней не готовым. В рамках краткой оценки состояния вермахта в июне 1941 года, можно сказать, что вермахт был готов воевать против России, но он был не готов ее победить. Правда, этого никто не знал. Ни Рузвельт, ни Гитлер, ни Бек. Черчилль обманул их всех. Недаром он пугал Сталина Гессом, то есть возможностью заключения мира с Германией добиваясь вступления СССР и США в войну любой ценой (См.: Суоров В. Ледокол 2. — Мн.: ООО «ФУАинформ», 2005. С. 334). Здесь можно отметить и обратное соотношение. Сталин даже в середине 1941 года также еще не был готов к масштабной войне с Гитлером. Тем более Сталин не был готов к такой войне к августу 1939 года. СССР мог воевать с Германией летом 1938 года... Но только в союзе с Чехословакией и с другими странами. То есть СССР мог бы успешно вести войну с Германией, во-первых, как коалиционную и, во-вторых, в случае возникновения двух или более фронтов против Германии. Но такая возможность была предотвращена общими усилиями, хотя и поразному мотивированными со стороны Англии, Франции, Германии и Италии. И, в конечном итоге, Советский Союз к августу 1939 года остался практически один на один с Германией. Возможность заключения военного союза СССР с Польшей в преддверии нападения на нее Германией не просматривалась даже сугубо гипоте-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

тически. Имеется оценка вермахта образца 1941 года. «Германские войска имели достаточно высокий боевой дух... К лету 1941 г. вермахт был сильнейшей армией мира, что делало его очень серьезным противником» (Кузнецов И. Н. Засекреченные трагедии советской истории. — Изд. 2-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 120). Можно привести и другие подобные оценки, в которых имеется сравнение РККА и вермахта. «По качественным параметрам Красная Армия в 1941 г., безусловно, уступала фашистскому вермахту. Германскую армию отличали высокая дисциплина, прекрасная боевая выучка, перво-классная военная техника, опыт ведения современной войны, умение офицеров и генералов управлять войсками в сложных условиях, хорошее взаимодействие частей и соединений различных родов войск. Все это делало вермахт сильнейшей армией мира» (Боханов А. Н., Горинов М. М., Дмитриенко В. П. и др. История России. XX век. — М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. С. 417). Вот другая сходная оценка армий СССР и Германии. «Танк — это кусок железа. Немецкие танкисты и летчики прошли пол-Европы, а наши сплошь и рядом имели по два-три часа практики. У них

была разработанная до мелочей и обкатанная на войне тактика боя, уровень которой явился для нас полнейшей неожиданностью. Наконец, самое главное для современной войны — строжайший порядок и организованность, а в Красной армии не было даже элементарной дисциплины!» (Прудникова Е. А. Последний бой Лаврентия Берии. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 241–242).

«Одним из главных факторов, определяющих успех вермахта и сам факт ведения войны Германией со всем миром, было умение опережать своих потенциальных и реальных противников во всем, что необходимо для достижения военных успехов. Ограниченные жесткими условиями Версальского договора, военно-морские силы Германии не отставали от мирового уровня, а во многом его превосходили. В тридцатых годах в Германии сходили со стапелей “карманные линкоры” водоизмещением 10–12 тыс. тонн, но имеющие вооружение линкора... Как ни печально осознавать, но храбрость и беззаветная преданность своему делу есть только одно из условий успешного ведения войны с очень сильным противником» (Хлопотов О. Д. Кровавая тропа к Великой Победе. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 225–227)...

Продолжение читайте в следующем выпуске журнала.

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ В НАЧАЛЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ?

(редакционный анализ православных пророчеств и предсказаний)

Обязательно молись за врагов. Если не молишься, то будто керосин в огонь льешь — пламя все больше и больше разгорается... Всегда и за все, даже за скорби благодари Господа и Пресвятую Богородицу.

Преподобный Серафим Вырицкий

Настоящая работа выполнена на основе использования материалов portal-credo.ru, формировавшихся в течение ряда последних лет. Ее целью является побуждение пишущей братии к обращению ими своих творческих усилий в сторону литературного осмысления грядущих значительных событий. Но являются ли предлагаемые к рассмотрению тексты пророчеств и предсказаний абсолютно подлинными, авторам предлагаемой к прочтению статьи точно не известно. Поэтому-то далеко не все смогут поверить в предлагаемые предсказания. Но и не знание о них также вряд ли поможет кому-либо. Почему возникла идея написания подобного текста? А вероятно потому, что ныне Россия, по предположению его авторов, вновь переживает переломный исторический момент, а значит, в их же понимании, ее ждут большие потрясения и яркая судьба или, как часто бывало ранее, ее ждет невероятная по меркам сегодняшнего дня доля. Последняя, скорее всего, будет связана с глобальными изменениями как социального, так и природного характера. Иначе говоря, Россия, как плохо себя понимающая женщина, ныне в лице ее властей судорожно входит в уже уходящую в небытие мировую капиталистическую реальность. Подобное поведение не может не привести к известным потрясениям и к значительным неожиданностям. Сама предстоящая работа мыслится как выделение изначально сходных и, по мнению ее авторов, важных, а также и наиболее часто встречающихся пророчеств и предсказаний. Редакция журнала полагает для себя возможным использовать в данной статье и пророчества, относимые к пророчествам о России ныне широко известного прорицателя древней Руси Василия Немчина, а также предсказания широко почитаемой православной святой Матрены Московской (Матроны Никоновой) и, наконец, предсказания старца Преподобного Серафима Вырицкого. Названные выше предсказания и пророчества, за исключением высказываний Серафима Вырицкого (последние взяты из литературного источника), были получены редакцией также из пространства русского Интернета. Кроме того, еще были использованы наработки из книги: А. Миронов. Связующая смысла суть. СПб.: Геликон Плюс, 2006.

Первым предсказанием, достойным упоминания в настоящем исследовании, будет пророчество монаха-провидца Авеля (1796):

«...свершатся надежды русские. На Софии, в Царьграде, воссияет крест православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь, аки крин небесный».

В данном пророчестве, надо думать, указано предстоящее свершение подлинной или самой сокровенной мечты каждого действительно русского сердца, суть которой, вероятно, в победоносном воцарении веры православной как в России, так и за ее пределами.

Следующим достойным обдумывания пророчеством, по оценке авторов предлагаемого писания, следует признать такое (Преподобный Серафим Саровский, 1825–1832):

«Перед концом времен Россия сольется в одно великое море с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрек устами всех святых: “Грозное и непобедимое Царство Всероссийское, всяславянское — Гога и Магога, пред которым в трепете все народы будут”. И все это — все равно как дважды два четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрекший о нем и его грозном владычестве над землею. Соединенными силами России и других народов Константинополь и Иерусалим будут полонены. При разделе Турции она почти вся останется за Россией...»

Как мы видим, вновь речь идет о предстоящем русском владычестве над Турцией и еще дополнительно над Иерусалимом. Кроме того, дано ясное указание на объединение славянских народов.

Теперь рассмотрим такое весьма любопытное и существенное предсказание-наставление всем верующим (Святитель Игнатий Брянчанинов, 1865):

«...Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро... Нынешнее отступление попущено Богом: не покусись остановить его немошною рукою твоею... Ознакомься с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избежать влияния его... Предопределений Промысла Божия о России никто не изменит. Святые Отцы Православной Церкви (например, святой Андрей Критский в толковании на Апокалипсис, глава 20) предсказывают России необыкновенное гражданское развитие и могущество... А бедствия наши должны быть более нравственные и духовные».

Последнее предсказание-наставление уже указывает нам на главное поле предстоящей России брани как на поле духовно-нравственного противостояния и борьбы, где враг далеко не всегда очевиден, а друг порой оказывается его (врага) неявным союзником.

И как бы в подтверждение последнего предположения звучат следующие слова (Преподобный Амвросий Оптинский, 1871):

«Если и в России, ради презрения Заповедей Божиих и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви, и ради других причин оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать

конечное исполнение того, что сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова».

Ничего не скажешь, весьма грозное предупреждение. Впрочем, Промысл Божий не настолько слаб, чтобы случилось подобное.

А вот еще одно, и не менее колоритное предначертание (Святитель Феофан Затворник, 1894):

«Зло растет, зловерие и неверие поднимают голову, вера и Православие слабеют... Что ж, сидеть сложа руки? Нет! Молчащее пастырство — что за пастырство? Нужны жаркие книги, защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать... Надо свободу замыслов пресечь... неверие объявить государственным преступлением. Материальные воззрения запретить под страхом смертной казни!»

Да, подобный эмоциональный напор может и навредить, а значит, и сыграть самому злу, как говорится, «на руку», особенно в контексте предлагаемых запретительных и карающих мер. С другой стороны, нельзя и попустительствовать распространению зла, так как оно вполне заразительно и тлетворно.

Теперь впору привести уже такое предсказание (Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, 1906–1908):

«Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету святого князя Владимира — как единая Церковь! Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

Ничего не скажешь: достойные потомков слова. Их никогда не стоит забывать. Предсказание Преподобного Варсонофия Оптинского (1910):

«До страшных времен доживем мы, но благодать Божия покроет нас... Антихрист явно идет в мир, но этого в мире не признают. Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными качествами человека. Это сила посторонняя, злая сила. Источник ее — дьявол, а люди злые являются только орудием, посредством которого она действует. Это предтечи антихриста».

В последнем приведенном пророчестве, очевидно, угадываются нынешние времена, когда многое происходит как бы исподволь и в целом против Господа Бога нашего.

Теперь, как говорится, до полноты предшествующей картины рассмотрим еще и такое предсказание (Преподобный Анатолий Оптинский, 1917):

«Еретики возьмут власть над Церковью, всюду будут ставить своих слуг и благочестие будет в пренебрежении... Посему, сын мой, как увидишь нарушения Божественного чина в Церкви, отеческого предания и установленного Богом порядка, — знай, что еретики уже по-

явились, хотя, может быть, и будут до времени скрывать свое нечестие или будут искажать Божественную веру незаметно, чтобы еще более успеть, прельщая и завлекая неопытных в сети.

Да, подобное положение церковных дел, видимо, весьма часто бывало в русской истории. Однако ж внутри православия в конце концов всегда находились носители подлинной веры, и они же удерживали саму Церковь от ее полного и окончательного падения. Единственно, что так и остается, очевидно, нераспознанным, так это то, почему были и есть ереси внутри самого православия. То ли сама соответствующая вера тяжела, то ли ум русский слишком слаб, то ли ума в вере и не требуется вовсе, и даже напротив — он совсем вреден ей, то ли в самой вере имеются смысловые проблемы (умолчания) либо, может быть, и неточности, которые и дают о себе периодически знать через естественное возникновение помянутых выше ересей?

Но продолжим цитирование наших предшественников о будущем России и всего мира (Схиеромонах Аристоклий Афонский, 1917–1918):

«Сейчас мы переживаем предантихристово время. Начался суд Божий над живыми и не останется ни одной страны на земле, ни одного человека, которого это не коснется. Началось с России, а потом дальше... Конец будет через Китай. Какой-то необычный взрыв будет, и явится чудо Божие. И будет жизнь совсем другая на земле, но не на очень долго. Крест Христов засияет над всем миром, потому что возвеличится наша Родина и будет как маяк во тьме для всех».

Емкое предсказание, ведь персональный спрос с каждого из живущих на земле людей как никогда уместен. Конец же через Китай и через необычный взрыв с чудом Божьим малопонятен. Финал же предсказания вновь греет русскую душу, но и только.

Теперь короткое, но весьма важное пророчество (Преподобный Нектарий Оптинский, 1920):

«Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом богата, и в Оптиной будет еще 7 светильников, 7 столпов. Если в России сохранится хоть немного верных православных, Бог ее помилует. А у нас такие праведники есть».

Что ж, хорошо, коли так. Но важно, конечно, прежде помнить о богатстве духа, которое бывает лишь при скромном материальном достатке.

Смотрим ясное и вполне принципиального свойства предсказание Святителя Феофана Полтавского (1930):

«В России будет восстановлена монархия, самодержавная власть. Господь предызбрал будущего царя. Это будет человек пламенной веры, гениального ума и железной воли. Он прежде всего наведет порядок в Церкви Православной, удалив всех неистинных, еретичествующих и теплохладных архиереев. И многие, очень многие, за малыми исключениями, почти все будут устранены, а новые, истинные, непоколебимые архиереи станут на их место... Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир удивится... Православие в ней возродится и восторжествует. Но того Православия, что прежде было, уже не будет. Самим Богом будет поставлен сильный царь на престоле».

Неужели подобное возможно? Неужели все так и будет? Очень хочется в это верить. Впрочем, следует твердо также запомнить, что все ключи к спасению Отечества, как оказывается, находятся в руках иерархов Православной церкви, которые странным образом, как видно из пророчества, вовсе не спешат ими воспользоваться.

Но идем далее. Пророчество о третьей мировой войне Преподобного Лаврентия Черниговского конца 1940-х годов:

«Война третья Всемирная будет уже не для покаяния, а для истребления. Где она пройдет, там людей уже не будет. Будут такие сильные бомбы, что железо будет гореть, камни плавиться. Огонь и дым с пылью будет до неба. И земля сгорит. Будут драться и останется два или три государства. Людей останется очень мало, и тогда начнут кричать: долой войну! Давай выберем одного! Поставить одного царя! Выберут царя, который будет рожден от блудной девы двенадцатого колена. И Антихрист сядет на престол в Иерусалиме».

Очень мрачный прогноз. Что-то он совсем мало соединяется с предыдущими весьма благостными текстами. Почему? Да потому, что, например, будущий русский царь у того же провидца будет грозой антихриста:

«При антихристе будет Россия самое мощное царство в мире. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, написанные в Священном Писании».

Таким образом, получается, что Россия во главе всех славянских земель окажется вполне свободной от необходимости подчинения антихристу наравне с другими оставшимися после третьей мировой войны странами? Либо она и вообще не будет участницей этой брани? Непонятно. Может, уже в других пророчествах и предсказаниях будет больше ясности?

Но вот предсказание одного из современных нам старцев, сделанное им в сентябре 1990 года, которое что-то в приведенном выше тексте хоть как-то проясняет:

«Приблизились последние дни Запада, его богатства, его разврата. Внезапно постигнут его бедствия и пагуба. Богатство его несправедливое, злое, угнетает весь мир, и разврат его как разврат нового и худшего Содомы. Наука и техника его — безумие нового и худшего Вавилона. Гордость его — гордость богоотступническая, сатанинская. Все дела его — на потребу антихриста. Им овладело “сборище сатанинское” (Ап. 2:9)... Гнев Божий огненный на Запад, на Вавилон его! А вы восклоните головы ваши и возрадуйтесь, страдальцы Божии и все добрые, смиренные, терпевшие зло в уповании на Бога! Возрадуйся, народ православный многострадальный, оплот Востока Божиего, страдавший по воле Божией за весь мир. Тебе, ради избранных в тебе, даст Бог силу на исполнение великого и конечного обетования Сына своего Единородного Возлюбленного о последней проповеди Евангелия Его в мире перед концом мира, во свидетельство всем народам!»

Очень сладкий для России прогноз получается и в такой же степени печальный — для Запада. Но в реальности мы имеем на 2009 год нечто

иное. Во-первых, продолжающуюся безудержную погоню на деле знать российской за всеми материальными ценностями Запада и весьма легкомысленное ее же участие в так называемой всемирной борьбе с терроризмом; во-вторых, еще весьма мало заметное ухудшение самих западных дел. Видимо, последний прогноз скорее есть некое пожелание, чем нечто глубоко и основательно понятое. Впрочем, приведем еще такое предсказание неведомого нам современного старца:

«Надменность и злорадство Запада о нынешних бедствиях России обратятся еще большим гневом Божиим на Запад. После “перестройки” в России начнется “перестройка” и на Западе, и там откроется невиданный раздор: междоусобица, голод, смута, падение властей, развал, анархия, моры, голод, людоедство — невиданные ужасы накопленного в душах зла и разврата. Господь даст им жать то, что сеяли много веков и чем угнетали и развращали весь мир. И поднимется на них все злодейство их... Россия выдержала свое искушение, ибо имела в себе мученическую веру, милость Бога и избрание Его. А Запад этого не имеет и потому не выдержит... Россия ждет Бога! Русскому народу нужен только вождь, пастырь — Царь, избранный от Бога. И он пойдет с ним на любой подвиг! Только Помазанник Божий даст высшее и сильнейшее единение русскому народу!»

Да, вновь мы видим своего рода агитку или яркое, но все-таки одномерное полотно. Вряд ли дело будет обстоять строго так, как указано у неизвестного провидца.

Но вот и подошел черед главных пророчеств, ставших известных авторам настоящего исследования. Сначала слова знаменитого старца Паисия Святогорца, произнесенные им в начале 90-х годов минувшего столетия:

«Помысел говорит мне, что произойдут многие события: русские займут Турцию, Турция же исчезнет с карты, потому что треть турок станет христианами, треть погибнет на войне и треть уйдет в Месопотамию... В Константинополе произойдет великая война между русскими и европейцами, и прольется много крови. Греция не будет играть в этой войне первенствующую роль, но ей отдадут Константинополь. Не потому, что русские будут благоговеть перед греками, но потому, что лучшего решения найти не удастся... Греческая армия не успеет подойти туда, как город будет ей отдан... Евреи, поскольку будут иметь силу и помощь европейского руководства, обнагледут и поведут себя с бесстыдством и гордостью, и постараются управлять Европой... Средний Восток станет ареной войн, в которых примут участие русские. Прольется много крови, китайцы перейдут реку Евфрат, имея двухсотмиллионную армию, и дойдут до Иерусалима. Характерной приметой, что эти события приближаются, будет разрушение мечети Омара, так как разрушение ее будет означать начало работ по воссозданию евреями храма Соломона, который был построен именно на том месте».

Ну как, уважаемый читатель, еще грустно не стало? Зато русская победа над Турцией разве никак не бодрит? Получается, что Россия в обозримом будущем встрянет не в одну войну, а в несколько войн. Да, сюжет выходит, как говорится, не хилый. Но хотелось бы все-таки знать последнее предназначение как-то подробнее или яснее, что ли.

Для этого посмотрим на пророчество 2001 года, данное паломником из России старцем монахом Иосифом (Иосифом-младшим), который ныне живет вблизи греческого монастыря Ватопед:

«Сейчас начало событий, тяжелых военных событий. Двигателем этого зла являются евреи. Их дьявол понуждает начать, чтобы уничтожить семя Православия в Греции и в России. Это для них главное препятствие к мировому господству. И они понудят турок все-таки прийти сюда в Грецию и начать свои действия. А Греция хотя и имеет правительство, но как такового на самом деле его как бы и нет, потому что оно не имеет силы. И турки придут сюда. Это будет момент, когда Россия тоже двинет свои силы, чтобы отбросить турок... События будут развиваться так: когда Россия пойдет на помощь Греции, американцы и НАТО постараются воспрепятствовать этому, чтобы не было воссоединения, слияния двух православных народов. Поднимут и еще силы — японцев и другие народы. На территории бывшей Византийской империи будет большое побоище. Только погибших будет около 600 миллионов человек. Во всем этом активно будет участвовать и Ватикан, чтобы воспрепятствовать воссоединению и возрастанию роли Православия. Но это обернется полным уничтожением ватиканского влияния, до самого основания. Так повернется Промысл Божий...»

Вновь перед нами картина, как говорится, «всем хватит!». Вместе с тем старец предрек еще и такое:

«Будет попущение Божие, чтобы были уничтожены те, кто сеет соблазны: порнографию, наркоманию и т. п. И Господь так ослепит их умы, что они будут уничтожать друг друга с ненасытностью. Господь попустит это специально, чтобы провести большую чистку. Что касается того, кто управляет страной, он недолго будет, и то, что теперь творится, будет недолго, а потом сразу война. Но после этой большой чистки будет возрождение Православия не только в России, но и по всему миру, большой всплеск Православия».

Касательно уже упомянутого выше нынешнего российского главного руководителя, то, скорее всего, уместно привести также слова из предсказания древнего русского прорицателя Василия Немчина, которые заметно проясняют само существо его правления:

«“Человек со шлемом и забралом”, не раскрывающий своего лица, “безликий образ”, “меченосец”, “человек из болота”... глаза его отливают зеленью и болотом... Он будет у власти, когда у него сойдутся две пятерки. У него была смертельная рана, но она исцелена... он упал, но снова поднялся и стал мстить всем за свое унижение. И будет кровь, связанная с падением зеленоглазого “шлемоносца”... затем он будет низвергнут в пучину».

В качестве комментария к последнему описанию, вероятно, следует заметить, что Санкт-Петербург стоит на болотистой в целом местности. Смертельная рана — это, скорее всего, совершенно неожиданное (по некоторым оценкам) поражение на выборах мэра Санкт-Петербурга А. Собчака в 1996 году, предвыборный штаб которого и возглавляло ныне широко известное лицо. Две упомянутые пятерки есть пока загадка, а о его мстительности в народе ходят даже легенды. Впрочем,

может быть, все это всего лишь простое совпадение? Но кого же указывает Василий Немчин в качестве восприемника нынешнего управителя страны? Он рисует человека с длинным носом, страдающего (так говорили в старину) разноглазием, и называет его «Стремительным Государем» или «Великим Всадником». Далее прорицатель указывает, что его будут многие ненавидеть, однако он сумеет собрать вокруг себя большую силу. Но кто бы это мог быть? Пока непонятно. При правлении «длинноносого» и «разноглазого» «страшная гибель будет грозить всем». Вполне вероятно, что последнее предсказание тем более выглядит как предсказание точное, ведь его весьма усиливает пророчество известной русской святой Матрены (Матроны) Московской (Никоновой), которая характеризует наше время так:

«Потом придут прежние, и будет хуже, чем было! Жизнь будет все хуже и хуже. Придет время, когда перед вами положат крест и хлеб и скажут: "Выбирайте"».

Видимо, как раз впору процитировать еще и такую оценку нашего положения, данную русским паломникам в 2001 году греческим старцем монахом Иосифом:

«Такое ухудшение сейчас — общее состояние во всем мире. И это состояние есть именно тот предел, после которого уже начинается гнев Божий. Мы достигли этого предела. Господь только по милости Своей терпел, а теперь уже терпеть не будет, но по правде Своей станет наказывать, потому что пришло время».

Но почему вдруг такое? Вероятно, что накопленное совокупное напряжение в мире от долгого действия принципа «двойных стандартов», которое сегодня еще заметно усиливается циничными действиями российских властей, дошло до своего предела и, как все в природе, попросту обречено на соответствующее возвратное действие. А в качестве своего рода подтверждения сформулированных до того подозрений авторы настоящего исследования сошлутся еще на слова видного масона («Черного папы») Альберта Пайка, сказанные им в 1871 году:

«Для полного торжества масонства понадобятся три мировые войны; в третьей из них будет уничтожен мусульманский мир, после чего мы спровоцируем гигантское потрясение, ужасы которого покажут всем гибельность безверия. Революционное меньшинство будет уничтожено, а разочаровавшееся в христианстве большинство... получит от нас истинный свет Люцифера».

Теперь попробуем осмыслить уже выделенное выше как нечто целое. Что твердо объединяет имеющееся? Указание на грядущую решительную битву во имя или против веры в Бога? Пожалуй. На стремительное движение к всемирному торжеству подлинного православия? Похоже. Но сами названные события, вероятно, будут развиваться несколько, что ли, противоречивее, сложнее, чем об этом рассказано в приведенных пророчествах и предсказаниях. Почему? Да потому, что, например, ныне в России правят аморальные люди, для которых выгода (корысть) и есть бог, которому они истово служат. Каких-либо заметных указаний на иные цели общественного бытия и вовсе не видно. Православная церковь скромно, или «потупив очи», воспринимает все

происходящее, никак не пытаясь сказать свое решительное слово. Другими словами, нынешние иерархи Русской Православной Церкви объективно и, скорее всего, по слабости веры своей способствуют продолжающемуся нравственному оскудению русских сердец. А в качестве подтверждения справедливости своих печальных слов авторы сошлутся на предсказание еще одного русского старца, Преподобного Серафима Вырицкого, скончавшегося в 1949 году:

«Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога и погибнет куда больше душ, чем во время открытого богоборчества. С одной стороны, будут воздвигать кресты и золотить купола, а с другой — настанет царство лжи и зла. Истинная Церковь всегда будет гонима, а спастись можно будет только скорбями и болезнями, гонения же будут принимать самый изощренный, непредсказуемый характер. Страшно будет дожить до этих времен... Наступят времена, когда развращение и упадок нравов молодых достигнут последних пределов. Почти не останется нерастленных. Они будут считать, что все им позволено для удовлетворения прихотей и похотей, ибо будут видеть свою безнаказанность. Станут собираться в компании и банды, воровать, развратничать» (Преподобный Серафим Вырицкий. Акафист и житие. М.: Изд-во Братства святителя Алексия, 2002).

Как мы видим, Россия ныне вполне подтверждает приведенное выше предсказание, которое может быть усилено еще и таким описанием ее будущего. Вновь процитируем слова великого старца:

«Наступит время, когда Россию станут раздирать на части. Сначала ее поделят, а потом начнут грабить богатства. Запад будет всячески способствовать разрушению России и отдаст до времени ее восточную часть Китаю. Дальний Восток будут прибирать к рукам японцы, а Сибирь — китайцы, которые станут переселяться в Россию, жениться на русских и в конце концов хитростью и коварством возьмут территорию Сибири до Урала. Когда же Китай пожелает пойти дальше, Запад воспротивится и не позволит».

Таким образом, и выходит, что никак не стоит считать и тем более обольщаться, что события в нашей стране уже идут в сторону кардинального улучшения ситуации. Другими словами, еще многое и многое прискорбное в духовно-нравственном и не только отношении ожидает впереди всех нас. Но последнее вовсе не означает того, что можно безвольно взирать на все ныне происходящее и жить только своей частной жизнью.

Теперь некоторые существенные соображения о принципиальных расхождениях в имеющихся пророчествах и предсказаниях. Так, практически во всех приводимых выше изречениях угадывается в целом успешный выход России и всех славянских народов из предстоящей третьей мировой войны и ее последующее хоть и кратковременное, но все-таки независимое, в том числе и от воцарившегося к тому времени в Иерусалиме антихриста, существование во главе с Богом поставленным монархом. Но посмотрим, что же в связи с этим пророчествует Преподобный Серафим Вырицкий:

«Многие страны ополчатся на Россию, но она выстоит, утратив большую часть своих земель. Это война, о которой повествует Свя-

ценное Писание и говорят пророки, станет причиной объединения человечества. Люди поймут, что невозможно жить так дальше, иначе все живое погибнет, и выберут единое правительство — это будет преддверие воцарения антихриста. Потом начнутся гонения на христиан; когда будут в глубь России уходить эшелоны из городов, надо спешить попасть в число первых, так как многие из тех, кто останется, погибнут. Наступает царство лжи и зла. Будет так тяжело, так плохо, так страшно, что не дай бог дожить до этого времени».

Из последнего текста вполне усматривается, что участие России в третьей мировой войне принесет ей ощутимые потери во всех отношениях (потери земель и начало преследования за веру в Бога) и она окажется фактически наравне с другими странами под тяжелой пятой антихриста. Кроме того, у Серафима Вырицкого ровном счетом нет никакого упоминания о восстановлении в России какой-либо монархии. Но тогда получается, что могут быть как точные, так и, скажем мягко, не совсем что ли точные пророчества и предсказания? В таком случае нам неизбежно придется из наличных текстов что-то и как-то отбирать. Но что и как? И так ли это на самом деле? Для подготовки к совершению этого всего лишь возможного выбора приведем такие слова старца Серафима Вырицкого:

«Но придет время, когда будет глас Божий, когда поймет молодежь, что так жить дальше невозможно, — и пойдут к вере разными путями, усилится тяга к подвижничеству. Те, кто были до того грешниками, пьяницами, наполнят храмы, почувствуют великую жажду к духовной жизни. Многие из них станут монахами, откроются монастыри, церкви будут полны верующих. Тогда пойдут молодые в паломничества по святым местам — славное будет время!.. За каждого верующего будут по сорок человек цепляться, чтобы он вытащил их».

Таким образом, видимо, под воздействием, с одной стороны, новых тяжких напастей, с другой — под впечатлением неожиданно сбывающихся чудес Божьих, многие русские люди опомнятся и уже не за страх земной, а за совесть небесную и уверуют в Господа Бога нашего, что и станет, наконец, предпосылкой для восстановления в России и монархии. И тогда, видимо, и сбудутся слова святителя Феофана Полтавского (духовника семьи Николая II):

«О, Россия, Россия!.. Как она страшно погрешила пред благостью Господней. Господь Бог благоволил России дать то, чего ни одному народу на земле не давал. И этот народ оказался таким неблагодарным. Оставил Его, отрекся от Него, и потому Господь предал его бесам на мучение. Бесы вселились в души людей, и народ России стал одержимым, буквально бесноватым. И все то, что мы слышим ужасного о том, что творится в России: о всех кощунствах, о воинственном безбожии и богоборстве, — все это происходит от одержимости бесами. Но одержимость эта пройдет по неизреченной милости Божией, народ исцелится. Народ обратится к покаянию, к вере... сам народ восстановит православную монархию. Самим Богом будет поставлен сильный царь на престоле. Он будет большим реформатором, и у него будет сильная православная вера. Он низринет невер-

ных иерархов Церкви, он сам будет выдающейся личностью, с чистой, святой душой. У него будет сильная воля. Он придет из династии Романовых по линии матери. Он будет Божиим избранником, послушным Ему во всем. Он преобразит Сибирь. Но эта Россия просуществует недолго. Вскоре будет то, о чем говорит апостол Иоанн в Апокалипсисе» (по материалам книги В. Губанова «Святой царь Николай II и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы». М.: Ставрос, 2004).

Завершить же в целом уже написанную работу редакция журнала хотела бы вновь словами старца монаха Иосифа, сказанными им паломникам из России в 2001 году:

«Испытания не должны нас ужасать, мы всегда должны иметь надежду на Бога. Ведь так же страдали тысячи, миллионы мучеников, так же страдали и новомученики, и поэтому мы должны быть готовы к этому и не ужасаться. Терпение, молитва и упование на Промысл Божий должны быть. Будем молиться за возрождение христианства после всего того, что нас ожидает, чтобы Господь действительно дал нам силы возродиться. Но этот вред пережить надо... Испытания давно начались, и надо ждать большого взрыва. Но после этого уже будет возрождение...»

Комментарий редакции. В настоящей специальной рубрике публикуются различные воззрения на тему патриотизма. Много споров издревле ведется вокруг этого вопроса. Эта тема и поныне продолжает будоражить русское сознание. Не все и не во всем согласны друг с другом, когда речь заходит о любви к Родине. Многим же и вообще этот вопрос представляется и вовсе надуманным в условиях современного глобализирующегося мира. Поэтому подробный разговор об этом сегодня в условиях стремительно меняющегося мира представляется как никогда важным и своевременным. Ниже читатель журнала сможет ознакомиться с некоторыми развернутыми суждениями на сей счет и, возможно, в свою очередь попытается выработать и свое понимание заявленной проблемы. Последнее, вероятно, поможет многим вернее реагировать на вызовы современной эпохи — эпохи утраты многих моральных ориентиров и ценностей.

В. П. Федорова

СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ ЛЮБЯ (о патриотизме)

Борьба за нефтяные ресурсы и другие материальные ценности стала основным стержнем политики конца XX столетия.

Это нравилось некоторым, когда огромные суммы перетекали со счетов одного банка на другие в зарубежных банках, тем самым давая возможность ещё большего развития другим странам и подрывая экономику своей страны. И где же здесь патриотизм?

Патриотизм корнями своими исходит из Римской империи.

У нас в России зарождается в годы правления Петра I и окончательно утверждается Екатериной II.

Наивысшего расцвета он достигает в годы Советской власти. При распаде СССР, в переходный период, влекомые безудержным стяжанием материальных благ, забыли совершенно о нём. Старались уничтожить исходящие его истоки, ни во что поставили армию, образование, медицину и т. д. В переходный период всё это пребывало в застое. Особенно первое десятилетие было насыщено кризисными событиями, которые привели к затуханию патриотического творчества.

Эти годы характеризуются напряженными художественными поисками, разнообразными литературными течениями. Особенное развитие получила криминальная литература. Ее сюжеты стали господствовать в художественных изданиях, газетах и на телевидении.

Нашу литературу захлестнуло обилие убийств, перекликающихся с бесконечными сериалами, приучающих зрителей к тому, что убийство, насилие, жестокость, нагромождение кровавых походов — вполне уместно для мира современных событий.

Нынешние детские писатели в основном создают остросюжетные повести — «ужастики». На книжных полках этого продукта сегодня в изобилии.

В этот период совершенно отсутствует попытка передать колорит героев древней эпохи. Не создаются образы романтических героев, преодолевающих все препятствия, стремящихся постоять за правду и справедливость. Имеется колоссальный дефицит богатого отечественного наследия.

Отсутствие позитивной литературы, если она и была, то за малым исключением, оставляет неудовлетворенны-

ми потребности читателей, школьников и молодёжи в актуальной современной литературе. В связи с этим необходимо начинать серьёзный и настойчивый разговор с подростками. Поэтому возрастная структура издания художественных произведений должна быть грамотной.

В школьных программах должно быть больше отведено часов, посвящённых историческим событиям и оценке патриотических поступков их героев.

Патриотизм зарождается в семье, подтверждается в школе, закрепляется дружбой с товарищами. Поэтому-то среди них должно быть привычным достижение общих целей, которые возникают в различных кружках по интересам: литературных, художественных, спортивных и т. д. На содержание их должны выделяться ресурсы или обучение должно вестись за более умеренную плату. Целью таких кружков по интересам должно являться вовлечение как можно большего числа школьников, молодёжи. Необходимо занять их нужным делом.

Люди устали от негативной информации новостей, телевидения, кино, книг, отсутствия позитива.

Появление стабильности и уверенности в будущем во времена правления Владимира Владимировича Путина заставило пробудиться соотечественников и подумать о других ценностях, о повышении интеллектуального уровня.

На смену чрезмерному нарастанию материальных ценностей приходит период духовного развития.

Время не стоит на месте. Начатый прогресс остановить невозможно. Человечество развивается по единому закону природы. На наших глазах меняется мир, и мы в последнее время всё чаще говорим о патриотизме.

Сегодня миром управляет дух соревнования, дух соперничества, но при этом должны соблюдаться правила честной конкуренции. Ей мы обязаны за движение по пути прогресса.

Энергия духа соперничества захватила все сферы современного обще-

ства. Это и спорт, и политика, и бизнес, и культура.

Стремление к успеху, достижение цели и желание быть первым — это и есть патриотизм или одна из его черт. Уместна как никогда ранее гордость за свою страну. Родина — это прежде всего твой язык. Отечество там, где тебя понимают на твоём родном языке, где тебя любят, растят, где ты обретаешь себя, становишься человеком. Это тот родимый очаг, в который ты вырастаешь душой и сердцем.

Глазами ты можешь обозревать весь мир, выбирая и применяя лучшее, что могло бы обогатить и дополнить лучшим твою родину.

Мы все вырастаем на наследии прошлого. Когда-то брошенные в почву зёрна проросли и продолжают свой рост дальше. Вот и мы должны расти, не отделяя себя от истории. Многие пытаются искусственно её переделать. Но это невозможно. История жива в нас, и мы её продолжаем.

Мы гордимся за свою Россию, когда приезжаем в тот или иной морской порт или аэропорт и слышим, как звучит из репродукторов музыка наших композиторов. В августе 2007 года мне пришлось побывать в городе Новороссийске. Идя от морского вокзала вдоль набережной к городскому пляжу, я слышала, как из репродукторов лилась музыка нашего гениального композитора Петра Ильича Чайковского. Негромко, ненавязчиво, казалось, она сливалась с плеском волн от небольшого ветра. Приятно было стоять на гранитных ступенях, ведущих к пляжу, и слушать, слушать её... И такая меня гордость взяла за нашу страну, что мы всё можем: и музыку писать, и слушать, и врагов побеждать. После этого мне вдруг очень захотелось увидеть монумент — силищу русского народа, выходящий из моря огромным кораблём, а по бокам его воины — освободители, защищающие Россию, её Малую землю. И так защемило сердце...

Звучание музыки на вокзалах, морских портах, аэропортах наших композиторов — это прежде всего вклад России в мировую культуру. Это наша

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

непреходящая гордость. Это главное качество русской души — открытость миру.

Дух патриотизма должен быть заложен во всё. Его широкое поле деятельности открывается перед патриотами традиционно русских компаний, работающих на потребительском рынке, не роняя своей чести и достоинства. Приходят те времена, когда потребители среди наших соотечественников, а также из числа зарубежных будут предпочитать российские продукты питания и товары.

Особенно должны поработать наши модельеры, предлагая и пропагандируя моду, подходящую для наших российских условий и сохраняющую здоровье нации. Но модельеры должны всегда помнить — африканская мода не для нашей погоды.

Силу русского патриотизма подтвердила вместе со своими болельщиками футбольная команда «Зенит», впервые в своей истории завоевав Кубок УЕФА. Она показала своим блестящим успехом присущую ей мощь и отстояла честь России, города и своего клуба.

Но победа, достигнутая один раз, не может быть постоянной. Каждый раз её добывать нужно снова и снова, вступая в честную борьбу с соперниками. Вот это движение порождает любовь к своей Родине, гордость за свою Родину, желание быть впереди. Главной задачей общественно-нравственного воспитания является подготовка человека сильной личностью, любящего своё Отечество, патриота.

Виссарион Белинский, русский литературный критик, писал, что «Любовь к Отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего».

Поэтому патриотизм необходимо воспитывать с детства, в семье. При этом родители должны быть сами образованными людьми. Особенно это касается матерей. Они более эмоциональны, и их нравственная позиция помогает ребёнку правильно оценивать любые поступки через её понимающий взгляд, ласковые и добрые

слова и с помощью мудрого совета. Роль родителей в семье огромна в воспитании ребёнка систематическим вовлечением его в труд и через дружеский характер взаимоотношений. Патриотизм теряется тогда, когда дети бездельничают. Немалое значение имеет, в каких условиях будет развиваться ребёнок. Стать гармонично развитой личностью помогут литературно-художественные произведения.

В современной литературе, когда демократия начинает набирать обороты, литераторы, как никто другой, должны создать образ Нового человека, который мог бы жить на нашей земле, не загрязняя её, соблюдать экологию, разумно использовать то, что дала природа, который мог бы заполнить страницы книг, газет более глубоким содержанием. Человека, который не продаётся за всё золото мира, не могут испугать пули, угрозы. Он, как истинный патриот, бесстрашен, как бессмертно и его окружение. Необходимо воспитать такого человека, который, уходя на покой, мог бы сказать, что я был всегда в духовном единстве с народом и выполнил свой долг перед великой сокровищницей духовной силы, находящейся высоко в небе, за пределами зримой материи, откуда мы черпаем вдохновение и Высший разум.

Продлите разума час

Открыт живот, поясница:
Радикулит нежно маня.
Раньше... во сне не приснится!..
Зачем же калечим себя?

Это не наше уродство...
Кого нарожаем сейчас?
Нам же хранить первородство!
Продлить надо разума час!

В том наша женская сила:
Мы нарожаем дитя,
Чтоб не угасла природа,
Служите Отчизне, любя!

Адвокат российской власти

ХУЛИТЕЛЯМ РОССИИ

На дворе 2009 год. Время тревог и проверок всего содеянного совсем недавно. Много сделано, но еще более предстоит впереди. Да, лихие 90-е поставили под сомнение начатое в 1991 году. Они даже само существование нашей страны сделали проблемой. Но с началом правления В. В. Путина ситуация сначала осторожно, а затем вполне верно стала меняться. Государство российское вдруг собралось и стало весьма твердо действовать. Кто-то возразит, что его действия были малопродуктивны. Но разве очевидных перемен за последние годы к лучшему нет? Разве многим из нас жить стало хуже? Разве бесперебойное предложение самых разнообразных продуктов питания, всевозможных услуг и практически любых товаров народного потребления не радует глаз? А новые жилые дома, разве могут они сравниться с домами советских времен? А как стали одеваться россияне? Когда еще в прошлом нашей страны было такое многообразие фасонов и стилей? А взгляните на улицы наших городов. Кругом дорогие автомобили. И причем сами дороги также стали иными, ровными, широкими. На улицах появился комфортабельный общественный транспорт. Для сравнения посмотрите

внимательно старые советские кинофильмы. Теперь. Аптеки большинства городов переполнены самыми экзотическими по старым меркам лекарствами. А изобилие мест в наших с вами городах для комфортного отдыха не вызывает разве чувство удовлетворения? Далее. Разве кому-то и что-то приказывают делать насильно? Разве нельзя говорить всем то, что им вздумается, в конце концов? Разве, в крайнем случае, нельзя уехать из страны? Ну чего еще надо всем недовольным? Чего им не хватает? Денег? Так работайте и получайте все заработанное! Что, не нравится? Хочется покомандовать? Не выйдет. Время подлинных патриотов России не позволит всяким любителям особицы или любителям казарменного уравнилельного социализма иметь в нашей стране сколь-нибудь заметное влияние. И это уже навсегда. Как сказал В. В. Путин в апреле текущего года на отчете правительства в Думе: нынешняя российская власть не Николай II, не советское правительство и не позволит себе снять с себя ответственность. Так что разумный выбор у всех один: любить Россию, а значит, поддерживать современный курс российской власти и не искать себе на голову приключений!

*Точка зрения редакции журнала***О ПАТРИОТИЗМЕ,
сознающем свой дух (свою суть)**

Любовь к Отечеству, к России, несмотря ни на что, остаётся одним из самых важных смыслов русского бытия. В нём русское сознание ищет и находит себе и опору и радость. Но что такого особенного в России, что русскому человеку в ней? Неужели эта земля, как говорится, мёдом намазана? Так ведь нет такого и в помине. Наоборот, в ней всякому жить ой как непросто, а порой и весьма даже тошно бывает. Почему? Да потому, что истарил русский русскому, как говорится, проблема. Другими словами, уж очень много досадного в отношениях сих бывает, нет в них совсем никакой деликатности. Странно и опять же досадно. Но не признать сего наблюдения справедливым никак нельзя. Почему вдруг русский человек столь требователен и одновременно груб к себе же подобным бывает? Какое такое побуждение в нём в такие минуты побеждает и, главное, почему? Кроме того, почему он так не шепетилен, не педантичен в поведении своём? Ответ может быть один: он совсем не дорожит приятными удобствами самой жизни, хотя и не отказывается пользоваться ими. Но что тогда ему дорого? А например, собственные чувства, переживания и даже какое-то упоение от погружения в них. Иначе говоря, он чрезвычайно любит свои переживания насчёт собственной жизни, причём он умеет и любит распространять её, родимую, мысленно далеко за частные

пределы. То есть он легко отождествляет себя, скажем, с руководителем страны и судит о нём часто совсем по-свойски. В нём есть какая-то невероятная смелость к рассуждению обо всём на свете. В такие минуты русский человек видит себя почти хозяином всего сущего. С другой стороны, порой его беспомощность в социальном смысле поражает так же неотразимо, как и его же умение становится центром мира. Другими словами, русский человек в очевиднейших ситуациях, скажем измены его руководителей, делает вид, что он совсем бессилен что-либо предпринять в ответ на постыдное поведение своих начальников, а значит, легко становится покорным заложником всесильных «обстоятельств» самой жизни. Вот у такого-то странного субъекта истории порой и возникает острая потребность в особом объекте поклонения и любви, которая вполне и удовлетворяется через чувство патриотизма. В России патриотизм есть чувство прирождённое, в нём есть нечто мистическое или не от мира сего. Что же именно? А то, например, что русский патриотизм — это часто совсем не разумный патриотизм или это патриотизм, что ли, мстительный, по принципу «пускай мне же хуже будет». Иначе говоря, в нём угадывается некая сакральность или совсем не житейская истина, уходящая в далёкое будущее, в котором только всё и объясниться сможет. Поэтому русский пат-

риотизм — это и здешний феномен, и одновременно нечто совсем потустороннее будет. Другими словами, в России патриотизм есть её же неременный атрибут, который, с одной стороны, требует к себе особого внимания и попечения, с другой — он сам себя сохраняет и воспроизводит с течением времени. Если говорить о названном попечении, то следует сказать, что сие занятие, конечно же, потребует ярких и убедительных рассказов как о великом прошлом, так и подобном настоящем нашего Отечества. Если же в настоящем ничего такого не видно, тогда патриотизм сакральный уже сам вызовет в известном настоящем как бы из небытия некие великие и потрясающие события, которым уже никто противиться не сможет. Но тогда если власть в России сама ничего действительно великого не сделает, то её к тому, видимо, совсем скоро понудит вполне уже логика самой истории державы российской. Альтернативы сему нет и не будет, пока стоит земля Русская!

От патриотизма к национальной идее как идее внеациональной...

Патриотизм исходным смыслом своим восходит к Римской империи. Именно тогда он как понятие и зародился, тогда же он и вошёл в историю всех последующих империй, вошёл как особо патетическая любовь к своему отечеству, непременно имеющему величественную и превосходящую иные историю и не менее достойное настоящее. В России патриотизм зарождается в годы правления Петра I, невиданного ранее новатора. Именно тогда статус нашей страны и получает вполне отчётливые имперские черты. Окончательно само понятие патриотизма в России утверждается уже в годы правления Екатерины II. Последний и самый невиданный доселе в мировой истории расцвет патриотизма происходит уже в годы Советской

России, а точнее — в годы существования СССР. В эти же годы вызревают и предпосылки для его же невиданного ранее по масштабу падения по причине невиданной ранее волны националистических тенденций, окончательно возобладавших в нашем Отечестве после снятия им собственным военным могуществом очевидных внешних военных угроз. Но всё же что конкретно составляет существо самого патриотизма? Он, конечно же, имеет в себе, если хотите, черты религиозного культа, который выражается в непременно величественной архитектуре общественных построек (дворцов, зданий, проспектов, парков), в небывалой роскоши убранств, оформляющих опять же многие места общественного присутствия; в многочисленных произведениях культуры, воспевающих подвиги подлинных героев и титанические труды великих государственных мужей, больших учёных. Другими словами, содержание общественного бытия в период подъёма патриотизма непременно свидетельствует в пользу торжества идеи обретения страной большого смысла для своего существования. Никогда и нигде патриотизм не опирался в первую очередь на материальное богатство, на желание своего господства в мире, наоборот — в нём всегда доминировали, так или иначе, идеи общего блага. Поэтому подлинный патриотизм — это своего рода сплав всех лучших свойств человеческой природы, выражающий себя в подъёме братских чувств, в ощущении общей причастности к великим и праведным свершениям, предпосылаемых всему будущему человечеству. В нём всегда угадываются все лучшие мечты, чаяния и стремления многих поколений когда-то живших на Земле людей. В связи с этим патриотизма без приоритета общего блага, конечно же, нет и быть не может. В противном случае возможен лишь националистический угар, разгул шовинизма и беснование скупающих от нарастающего ощущения бессмысленности своего существования толп праздных людей. Ныне в России пос-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ле её падения в безудержное стяжание всевозможных материальных благ, доставшихся ей по наследству от канувшего в прошлое СССР, наблюдается острая нехватка смысла общественного бытия. Оперативное невосполнение сего дефицита, конечно же, погубит её в самые сжатые исторические сроки, так как метастазы фантастической коррупции пронизали собою буквально всё её государственное тело, превратили его в монстра, готового поглотить всё и вся. Что же может остановить сие безумное поведение когда-то могучей страны? Неужели нам быть свидетелями её окончательной гибели? Но шанс на спасение всё-таки ещё имеется. Он как раз и связан с патриотической идеей, с воцарением её в умах наших сограждан. Сам же патриотизм без осознания существа национальной идеи, конечно же, не возникнет, так как он есть чувство производное, а не причинное. Тогда как сама суть национальной идеи, наоборот, способна вызвать к жизни собою и патриотизм. Но в чём уже её существо? Как обрести её ни в чём не твёрдым умам, ведь процессы подлинной жизни ныне практически повсеместно заменены их имитацией? Да, серьёзно отвечать на сей исторический вызов ой как не просто будет! Придётся преодолевать всевозможные наслоения и иллюзии, которые буквально превратили само подобное изыскание уже в нечто карикатурное и даже постыдное. Во-первых, национальной идеи вне ответа на вопрос о смысле человеческой жизни, конечно же, нет и быть-то даже не может. Во-вторых, сам смысл человеческого бытия вне служения общественному благу и вовсе немыслим. В-третьих, существо самого названного выше блага опять же вне образа человека праведного и не возникнет вовсе. Поэтому-то искомая национальная идея своим смыслом непременно должна покоиться на идее приоритета общественного жертвенного служения, которое, в свою очередь, должно видеть перед собой образ человека праведного. Только такая цель способна будет со-

общать упоение самим упомянутым до того служением. Иначе говоря, служение сие не может быть не воодушевляющим или оно невозможно как рутинное дело. Но что может объять и вполне снять естественные в таком случае трудности? Вера, вера в чистоту помыслов, как ни странно, наличной земной власти, вера в её мудрость и мужество в претворении в жизнь национальной идеи. Помилуйте, но как же сие возможно в современной России? Да, с обывательской точки зрения подобное верование представляется исключительно утопией или чем-то совсем немыслимым. Но если взглянуть на это трудное дело уже с позиции верующего в Бога человека, то тогда запредельное вдруг становится не таким уж недостижимым. Почему? Да хотя бы потому, что для Бога-то невозможного и нет ничего, а значит, и управу на власть земную Он найти всегда сможет. Поэтому названная выше вера как самый могучий народный наказ и сможет стать самым востребованным и властью земной. Другое дело, что саму веру сию ещё надо будет обрести. И здесь много смогут послужить влиятельные и авторитетные в народе люди, которые сначала и сами должны будут внять сему соображению как самому важному и самому насущному. И ещё. Следует изначально твёрдо уяснить, что сие дело только внешне выглядит делом национальным. Тогда как оно в сути своей вненационально будет. Почему? Да потому что нет особой национальной праведности, нет национального всечеловеческого блага, а значит, думать, что работа сия станет угрозой для других, скажем не русских, народов, и вовсе не стоит. И потом, уж таковы свойства русского языка, что он не мыслит себя совсем без всего человечества. И всё же, всё же, почему так и не даётся существо национальной идеи нынешнему поколению русских людей? Казалось бы, русские люди теперь, против кем-то клятых времён СССР, в явном численном большинстве в родном Отечестве, а нет, не выходит ровным счётом ничегошеньки! Впрочем, вспомним бы-

лое. Что у нас ранее было? При царе Россия имела «Православие, самодержавие, народность», при большевиках — надежду на построение коммунизма. Кроме этого, русские когда-то шли в бой «За веру, царя и Отечество», при большевиках — «За Родину! За Сталина!» (или ещё как-то). Ныне, если придётся вдруг воевать, россияне, видимо, пойдут на брань просто «За Россию!» С другой стороны, сама национальная идея ведь должна содержать в себе настолько ёмкие смыслы, что через них возможно даже будет уяснить само назначение России в мире сём. Поэтому задача сия, конечно, не для бизнесмена, и даже не для бизнесвумена будет. Но и остальным не придётся сильно заирать нос и думать, что уж им-то Бог сию тайну откроет. Не откроет, во всяком случае, без большого или даже огромного желания познать её. То есть сие знание обывателю ведь без надобности. А сегодня в России других почти и нет уже вовсе. Но не будем печалиться и попробуем в свою очередь всё-таки открыть эту тайну. Во-первых, спросим самих себя, а что есть такое «национальная идея» как понятие? С сущностной точки зрения это выходит как *народно-государственное осязаемое явление, вызывающее мысленное изображение*. Чуть иначе это будет означать «относящееся к совокупности индивидов, связанных сознанием своего единства посредством общности происхождения, языка, религии, быта, нравов, обычаев, исторического прошлого, осязаемое явление, вызывающее мысленное изображение». Не хило вышло, а? Другими словами, национальная идея России — это большая или объемлющая и неоспоримая мысль всех её сограждан, воспринимающих друг друга без оговорок равными и родными существами. В ней не может содержаться смыслов, которые бы отталкивали людей друг от друга или проводили между ними разделительную линию. Наоборот, эти смыслы должны соединять всех в одно целое. Что это такое может быть? Любовь к Родине или к Отечеству? Пожалуй, что так. Но

этого явно мало, и в этом нет характерного или нет отличия от других народов, которые тоже обыкновенно патриоты своих стран. Кроме того, национальная идея есть идея *строго немеркантильная*. Иначе говоря, она свободна от тленного и преходящего сама по себе или в ней нет того, что может быть в дефиците. В ней могут сосредотачиваться только образы, уходящие смыслом своим в область вечного или неизбежного бытия. Но разве возможно познать и понять сие, проживая на Земле? С одной стороны, это, конечно, похоже на утопию, а с другой — совсем даже нет. Почему? Да потому, что без этого жизнь на Земле уж больно пресна была бы, а раз она всё-таки таковую не является, то и неземное на Земле вполне стяжать можно! По крайней мере, в какой-то его части. Трудно? Да, трудно, но и выбора-то особенного у нас и нет совсем. Почему же? Да потому что будущее без *национального развития* нам полностью заказано, а значит, придётся-таки познавать национальную идею, так как лишь с её помощью справимся и с национальным развитием тоже. То есть общенациональный смысл — это ключ и к национальному развитию самой России. Но чем возможно увлечь человеческую душу основательно или необратимо? Богатством? Вряд ли. Вечной жизнью на Земле? Тоже не получается. Ощущением своего родства со всем миром? Ощущением своей нужности или значимости? Пожалуй, что так. Но что конкретно может объединять столь разных в части личного развития людей? Язык? Да, но и в нём есть специфика или имеются заметные отличия. Другими словами, сам язык и есть характеристика человеческого развития. То есть хорошо знающий и хорошо (правильно) употребляющий слова родной речи — это и есть вполне развитый человек. Поэтому язык, конечно, подходит в качестве искомого общенародного смысла. Впрочем, знатоков самого русского языка в России ныне долго искать надо. Конечно, специалистов много, но они почему-то не очень-то востребованы как госу-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

дарством, так и обществом. Видимо, их авторитет *весьма низок*, а значит, и глубина их познания остаётся под вопросом. Или мало знать язык по форме, его следовало бы знать по его сути, чего, скорее всего, пока не случилось. Вы спросите, а где доказательства? Пожалуйста. Спросите любого знатока, что означает русское слово «добро»? Они, вероятно, начнут мямлить вам о некоей материальной помощи бедным людям, скажут ещё, возможно, о взаимопомощи и взаимовыручке. Но ведь добро на самом деле не «делают», его приносят, как, впрочем, и зло. Иначе говоря, добро нельзя оторвать от личности, с ним непосредственно связанной. Или добро только там, где имеется честный человек, тогда как все другие люди неспособны будут к нему *принципиально*. Но и честность — это непросто. Почему? Потому что она не может быть избирательной, она лишь *тотальна*. То есть честный человек сродни человеку праведному или непорочному. И потом, добро там и тогда, где происходит необратимый сдвиг к лучшим качествам человека. Вот и выходит, что наши знатоки языка, скорее всего, исстари сохраняют лишь его не востребованность русскими людьми в главных его же смыслах. Поэтому язык, конечно же, смог бы стать центром средоточия смысла на-

циональной идеи. Теперь, если русский язык ныне плохо понимаем и плохо применяем, то, может быть, и национальной идее в России нынче и не быть вовсе? Что ж, может быть, это и так. Но каковы всё-таки её вероятные смысловые контуры? Возможно, что национальная идея России как-то связана с чувством избавления русской души от тоски по чему-то, так до сих пор и не сбывшемуся, по чему-то даже невероятному. Вот и выходит, что национальная идея сродни чему-то мистическому, а точнее, *всеобщему духовному идеалу*. Другими словами, национальная идея прямо указывает на некий смысл — смысл роли России внутри человечества. Каков он? С одной стороны, это известные попытки русских людей жить в ладу со всеми в мире, с другой — желание устройства собственной жизни по-божески. Поэтому столь трудное назначение России — это непрерывное воспроизводство попыток изыскания образа действительно славного или праведного человеческого жития. То есть *национальная идея России — это непрерывный поиск и непрекращающееся воплощение образа подлинно честной, а значит, и подлинно праведной жизни народа России*. Вот так. Поэтому, завершая думку, и почнём дерзновение к святому. И помогай нам Бог!

С. Я. Водовозова

ПОЗИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВРЕМЕНИ УРОКА

«Всячески нужно предохранять молодежь от <...> безделья, чтобы дети не научились делать дурное или не отупели умственно»

Я. А. Коменский

В обучении, воспитании и развитии на самом высоком уровне качества нуждается каждый ребенок, независимо от уровня своего развития в дошкольном возрасте и возможностей своих родителей. И чем ниже интеллектуальный, нравственно-этический и материальный уровень среды, в которой ребенок находится, тем в *большей мере* необходимо ему превосходное образование, чтобы в нем сформировались лучшие качества и он в течение всей жизни мог быть надежной *опорой самому себе, своей семье, своим друзьям, своему отечеству, а не обузой для других, объектом забот и источником проблем.*

Доминирующая организационная форма работы школы — урок.

Как правило, учитель *учит* ученика. Но быть объектом ребенку трудно и непривлекательно. (Многим такая роль не подходит совсем.) Ученик начинает сопротивляться, откровенно бездельничать или делать вид, что занят делом. Такого ученика учить трудно, неприятно и бесполезно.

До сих пор большинство уроков начинается с проверки выполнения домашнего задания. Проверка занимает *немало* времени, причем *лучшего(!):* в начале урока.

Однако не каждый ученик имеет *условия*, благоприятные для успешного выполнения домашней работы; далеко не каждый *самостоятельно* справляется с домашним заданием успешно; не каждый ученик *заинтересован* в

выполнении домашней работы на самом *высоком* уровне *качества*.

Во время проверки большинство учеников не видит ничего интересного в ответах своих одноклассников, сидит безучастно — по сути, *упражняется в безделье*.

Немалая часть *времени урока* *расходуется* на выражение учителем недовольства по поводу недобросовестного отношения отдельных учеников к выполнению домашнего задания.

В таком варианте работа с домашним заданием не способствует ни развитию учащихся, ни увеличению объема усвоения учебного материала, ни повышению качества знаний, умений и навыков, ни формированию у них положительного отношения к учебно-познавательной деятельности. Ученики приобретают *привычку бездельничать умственно, тратить время напрасно*.

Для работы с новым учебным материалом остается, чаще всего, вторая половина урока, когда дети уже устали, но *не от работы, а от скуки и безделья*, у них испорчено настроение, желание вникать в новый материал у многих отсутствует. В это время учитель довольно бегло сообщает ученикам новое, в быстром темпе проводит небольшую тренировочную работу.

На уроке не происходит главное: учащиеся *не имеют возможности* глубоко и всесторонне вникнуть в суть изучаемого, рассмотреть его свойства, определить его роль в жизни и деятель-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ности людей. У них не *успевает появиться понимание его безусловной ценности, не возникает желание* овладеть новым на высоком уровне качества. Определенная часть детей просто не включается за это время в работу, не считает нужным утруждать себя, отговариваясь: «Дома выучу».

Немалое количество детей с нетерпением ждет звонка. Нереализованную энергию расходует в беготне, криках, потасовках...

На следующий урок эти ученики пойдут без желания, потому что домашнее задание будет выполнено кое-как.

Порочный круг замкнулся.

Так для многих учение превращается из просвещения в затмение разума. Природная любознательность утрачивает свои драгоценные свойства. Вкус к познанию у них не формируется, не развивается. Не удивительно, что качество знаний большинства учащихся с переходом из класса в класс становится ниже, о чем свидетельствуют их оценки.

Мы видим, что *мнение о полезности* урока с *традиционным* домашним заданием основано на *глубоком и стародавнем заблуждении*, а упорное использование этой формы работы поддерживается *привычкой*.

Можно ли *повысить эффективность использования времени урока?*

Для достижения успеха учитель-акмеолог (акмеология — наука о высших достижениях в области гуманитарного знания. — Ред.) *создает условия*, благодаря которым все ученики, основательно знакомясь с содержанием и особенностями нового учебного материала, добросовестно выполняя тренировочные упражнения, успешно усваивают учебный материал *непосредственно на уроке*.

Урок такого типа имеет следующую структуру:

1. Сообщение учителем темы, задач и основных *особенностей работы* над новым учебным материалом (1–3 минуты).

2. Ознакомление учащихся с новым учебным материалом: его *свой-*

ствами, сущностью и практической полезностью для личности, общества, государства и человечества (7–12 минут).

3. Приобретение учащимися *умений и навыков безошибочного применения* полученных знаний в процессе тренировочной работы в *постоянных* учебных парах (7–10 минут).

4. Контроль *результатов* работы учащихся (1–2 минуты).

5. Выполнение учащимися дифференцированных заданий *в соответствии с результатами* контроля (оставшееся время).

6. Контроль результатов *дифференцированной* работы.

7. Подведение итогов проделанной работы, *индивидуальные* задания учащимся (1–2 минуты перед звонком с урока).

Для проверки бесполезных традиционных домашних заданий здесь места нет. Оно и не нужно. Ведь на таком уроке абсолютное большинство учеников имеет возможность овладеть на «отлично» не только всем новым учебным материалом, но и наиболее эффективными способами его усвоения и применения.

Чем полезна такая структура урока?

1. Она позволяет *сохранить непрерывность процесса* работы с учебным материалом: от ознакомления с ним до использования его в практической деятельности. Благодаря *непрерывности* работы учащиеся не успевают забыть то, что освоено на предыдущем этапе урока, следовательно, последующая работа не требует времени и сил на восстановление в памяти полученных знаний, а способствует их упрочению и более глубокому осмыслению.

2. Логически связанные между собой и последовательно расположенные во времени части урока позволяют учителю *разнообразить формы* работы учащихся *с одним и тем же учебным материалом*; не только *использовать имеющиеся* положительные свойства

учеников, *но и формировать необходимые* непосредственно в процессе выполнения учебно-познавательных и тренировочных упражнений. В итоге *повышается качество* процесса и результата труда *без дополнительных затрат* времени и сил участников деятельности.

3. Фронтальная работа учеников с элементами поиска, исследования и практической деятельности длится всего 7—12 минут. Но она помогает учащимся «самим» научиться и научиться видеть характерные особенности нового материала, его элементы, суть и свойства, логические взаимосвязи, способы овладения новым и его использования (см. таблицу «Структура содержания учебного материала» в кн.: С. Я. Водовозова. Сделаем шаг к успеху. СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2009).

4. Учебный материал раскрывает перед детьми свои *интересные и полезные* свойства, *увлекает* их, позволяет без принуждения *удерживать* внимание на предмете изучения. Их внимание становится более устойчивым. Ученики работают без перенапряжения, хорошо осознанное новое усваивается легко и быстро.

5. Коллективная работа в таком варианте урока ценна тем, что успешный пример наиболее старательных и сообразительных учащихся пробуждает познавательную активность остальных детей, «зажигает» нерешительных, обеспечивает использование *каждым* ребенком умственных действий, необходимых и достаточных для усвоения нового учебного материала на самом высоком уровне качества (см. разд. «Нумератор и его педагогический потенциал», «Структура интеллектуальной деятельности» в кн.: С. Я. Водовозова. Сделаем шаг к успеху).

6. Создать ситуацию, в которой учебно-познавательная активность *каждого* ученика в большом коллективе класса проявляется, сохраняется и становится стабильной; *акцентировать внимание* всех учащихся на тех свойствах учебного материала, которые в данный момент наиболее полно

соответствуют методической задаче урока, на его конкретных свойствах, функциональных особенностях и ценности помогает диагностический и стимулирующий контроль с помощью *нумератора* (см. разд. «Средства обратной связи в учебном процессе», «Контроль и учет знаний» в кн.: С. Я. Водовозова. Сделаем шаг к успеху).

7. Работа в постоянных учебных парах позволяет каждому ученику общаться с товарищем, выслушивать его внимательно и изобретательно помогать ему, принимать помощь от него, благодаря чему каждый в психологически комфортных условиях, не выпадая из общего ритма, трудится активно в своем темпе над своевременным выявлением и незамедлительным преодолением своих трудностей (см. разд. «Работа в постоянных учебных парах» в кн.: С. Я. Водовозова. Сделаем шаг к успеху).

8. «Благодаря <...> столько раз проведенному повторению все ученики усвоят себе этот урок лучше, чем при самом долгом домашнем корпени над ним <...>» (Я. А. Коменский. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982, т. 1, с. 364).

Даже самые сильные и организованные учащиеся усваивают на таком уроке намного больше и лучше, чем на традиционном уроке с последующим выполнением домашнего задания.

9. При такой организации труда учащиеся высвобождают массу неуточного времени и для отдыха, и для занятий по интересам (в том числе и углубленного изучения данного учебного предмета, выполнения исследовательских и творческих работ; при необходимости — повышения качества усвоения отдельных частей ранее изученного учебного материала), для помощи родным и близким...

Для абсолютного большинства учеников такой урок — настоящее спасение. Он позволяет каждому ребенку почувствовать радость и от полученных *полезных знаний*, и *от самого процесса* хорошо организованного, а потому *успешного труда*, от общения, от высо-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ких оценок за отличное качество выполненной работы. Такой урок защищает школьника от неприятностей, которые постоянно преследуют его, если он учится кое-как...

На уроке без домашнего задания ученики, даже самые нерадивые, работают *активно от звонка до звонка* — и *никаких признаков усталости*, что положительно сказывается на состоянии их нервной системы и общем физическом самочувствии. Дети не замечают, как пролетает время урока. Звонок с урока — а они удивлены: так быстро?!

На таком уроке **учитель-акмеолог тоже не устает!**

Усваивая новое на уроке в течение десяти с лишним лет, дети не только получают полезные знания, умения и навыки, они **привыкают**:

— работать *активно, вдумчиво, целеустремленно, с хорошим конечным результатом*;

— *целесообразно и изобретательно* использовать разнообразные приемы

учебно-познавательной, тренировочной и практической деятельности, *необходимые и достаточные* для выполнения работы на «отлично»;

— не терять времени *понапрасну*, не откладывать выполнение задания на «потом» и на всем этом *экономить* время и силы;

— предпочитать *лучшее* привычному или первому попавшемуся;

— *принимать помощь; деликатно, вдумчиво, находчиво помогать* другим;

— учиться *радостно*;

— *глубоко и искренне уважать* товарищей, учителя, школу...

«Привычка — вторая натура» (Я. А. Коменский. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982, т. 1, с. 546).

Такие привычки — бесценное сокровище не только для ученика, но и для зрелого человека.

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ С. Я. ВОДОВОЗОВОЙ

(точка зрения редакции журнала)

Нельзя не признать продуктивность педагогических поисков Светланы Яковлевны Водовозовой. Она стремится максимально использовать тот позитивный потенциал, который содержится на уроках акмеологической направленности. По мнению автора книги «Сделаем шаг к успеху!», наиболее ценным является такое занятие, которое ориентировано на создание благоприятных условий для успешного освоения нового учебного материала, и с этим убеждением её следует согласиться.

Для реализации своих принципов С. Я. Водовозова предлагает, во-первых, исключительно четкую структуру урока, состоящую из семи основных звеньев, и, во-вторых, *отказ* от традиционных домашних заданий, признанных ею бесполезными.

В этих рекомендациях, безусловно, есть своё рациональное зерно. Освобождение учащихся от *домашних заданий*, как показывает практический опыт, решает три важные взаимосвязанные задачи: 1) делает обучение необременительным и привлекательным в глазах школьников; 2) приучает к напряженному труду на основе дифференцированных и коллективных заданий на уроке; 3) освобождает время учащихся для досуга, отдыха и самостоятельного приобретения знаний за пределами уроков. Кроме того, как справедливо полагает педагог, такая система занятий сохраняет целостность процесса работы с учебным материалом и делает его непрерывным.

Вместе с тем предлагаемая система имеет и ряд изъянов, а иногда кажется не продуманной до конца.

1. Схема урока представляется слишком жесткой и максимально регламентированной. Работа учащихся над новым материалом и по использованию полученных знаний не может

практически протекать в течение семи и даже десяти минут. Контроль результатов работы учащихся не может быть осуществлен в течение 1 — 2 минут.

2. Не всегда учебный материал может быть оценен с точки зрения **пользы** «для общества и человечества», например понятие квадрата суммы или образ «чудного мгновенья» в лирике Пушкина.

3. Вопреки эпиграфу из труда П. Я. Гальперина («чем больше оснащена деятельность, тем меньше усилий она требует»), приведенному в книге С. Я. Водовозовой, в данном случае ничего не говорится об *оснащении* деятельности учащихся и урока, например, приборами, реактивами или наглядными пособиями, скажем картинами Верещагина на тему войны 1812 года, а ведь именно рассматривание подобных средств наглядности или пользование прибором требуют значительного дополнительного времени.

4. Ничего не говорится в данном разделе о занятиях по литературе, а они требуют непременно, обязательного самостоятельного прочтения текста.

5. Предлагаемая система все-таки должна сопровождаться многими конкретными примерами из различных учебных дисциплин.

Поэтому необходимо не одно исключение из предлагаемого автором метода правила и неизбежны значительные *домашние задания* по ознакомлению с художественными произведениями и критическими статьями. Эти задания оказываются отнюдь не бесполезными и крайне необходимыми.

Всё сказанное приводит к выводу о том, что данная система, имеющая несомненно позитивную и рациональную основу, все-таки нуждается в дальнейшей и значительной корректировке.

В. П. Федорова

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО... ЛАДНО ПОСТИГАТЬ ИСТИНУ!

Петербуржцы и гости нашего города любят прогуливаться и обращают внимание не только на красоты ночного Петербурга, белых ночей и самые впечатляющие виды Дворцовой площади, Петропавловской крепости, Университетской набережной и т. д. Прогуливаясь по Невскому проспекту и улицам города, люди любят красоту домов, но мало кто знает, что они таят внутри. Среди них — много сюрпризов.

Находясь в двух шагах от самых престижных проспектов, расположен дом в середине тихого и уютного квартала по улице Марата, 72. Этот дом известен как дом Бажанова. Под таким названием находятся все сведения о нем в справочниках и других источниках, несмотря на то что единолично этот дом ему никогда не принадлежал.

Дом Бажанова был построен в 1907—1909 годах по заказу торгово-промышленного товарищества Ф. Г. Бажанова и А. П. Чувалдиной, представлявшего собой крупное акционерное общество, занимавшегося в основном торговлей мануфактурой.

В собственном доме упомянутого выше товарищества, представляющем собой и сегодня многокорпусное строение, созданное гражданским инженером П. Ф. Алешиным, находилась обширная квартира из сорока комнат директора-распорядителя Филадельфа Геннадьевича Бажанова. Стоит особо отметить удачное решение лицевого фасада главного корпуса.

Итак, мы в гостях у купца Бажанова через сто лет после новоселья. В апартаменты Филадельфа Геннадьевича ведет парадная металлическая дверь

главного корпуса. Это единственный вход с улицы оформлен двумя тамбурами с дубовыми дверями, верхняя часть заполнена венецианским стеклом с факетом. Перед нами предстает белая мраморная лестница с фонарями на перилах и с низкими парапетами, переходящими во встроенные скамейки. За дубовой трехстворчатой дверью, также с венецианскими стеклами, находится еще одна парадная лестница — трехмаршевая — из такого же белого мрамора. Над ней симметрично друг другу расположены два вензеля: монограммы «ФБ» и «ФЕ». Последняя принадлежит супруге хозяина квартиры — Екатерине Владимировне.

Особое внимание П. Ф. Алешин уделил отделке верхних частей стен в кабинете и большой столовой. В названной выше отделке интерьеров были использованы резьба по дереву, майолика. Стены украшены барельефами, а потолки — лепным орнаментом. Над внутренним оформлением столовой работали разные художники начала XX века. Это помещение представляет интерес как образец квартиры богатого русского купца начала XX века. Сохранился представляющий большую ценность художественный камин, созданный по эскизу художника М. А. Врубеля по мотивам былины «Вольга и Микула». Это один из тех примеров, о которых Н. К. Рерих неоднократно писал как об удивительной талантливости русского народа, о том, что ему суждено великое будущее, что он является оплотом мира и прогресса всего человечества. В обращении «Друзьям — художникам» читаем: «Знатоки говорят, что русский народ есть наследник чудесного будущего».

Пишут теперь, что мир всего мира зависит от русской мощи, от русского решения. Европейские журналы пестрят изображениями жизни народов Союза...» В огромном наследии Н. К. Рериха среди работ на темы героического эпоса наибольший интерес представляет «Богатырский фриз». Он был создан в 1910 году в Петербурге как раз для столовой в доме Ф. Г. Бажанова. Этот фриз состоял из 7 больших панно. Высота панно — 2,03 метра. Общая длина больших панно — 25,75 метра. Кроме того, над окном и на оконных наличниках было размещено еще 12 декоративных полотен значительно меньшего размера. «Богатырский фриз», ныне находящийся в Русском музее, воскрешает былинные образы, заключает в себе и ярко выраженную философскую концепцию художника. То есть в доме Ф. Г. Бажанова удачно сошлись лучшие замыслы лучших художников России начала XX столетия.

В настоящее время лицевой фасад дома в строительных лесах. Планируется проведение исследовательских работ и реставрация первоначального облика здания. Счастливая судьба хранит этот дом.

Дом прошел длинный путь с момента своего открытия в 1909 году. С 1943 года в трех парадных залах располагалась библиотека им. А. П. Чехова, сотрудники и читатели которой пользовались входом со стороны двора. С 1964 года библиотеке стали принадлежать и остальные залы парадной части квартиры Ф. Г. Бажанова, в том числе и главный вход.

С 1984 года здесь находится Детская библиотека истории культуры Петербурга — филиал № 2 Центральной городской детской библиотеки им. А. С. Пушкина.

Администрация и сотрудники библиотеки бережно относятся к зданию, как к своему родному детищу. Они прививают эту черту и своим читателям, и посетителям, которых встречают теплом и вниманием. В библиотеке ведется большая культурно-просветительная работа. В читальном зале проводятся занятия как со школьни-

ками, так и с самыми маленькими — дошколятами. Регулярно устраиваются выставки картин петербургских художников. Проводятся концерты для школьников, читателей, ветеранов, инвалидов. По залам Дома Бажанова периодически проводятся экскурсии для школьников всех возрастов, а также и для взрослых жителей города. Ежедневно там проходят по два или три мероприятия. Войдя в библиотеку, сразу встречаешься с добрыми и заботливыми сотрудниками. Внутри нее ощущаешь себя в покое и независимости. Хорошо сохранили этот дом все те, кто его занимал. Каковы перспективы этого исторического места?

Одна из них, видимо, в том, что с января 2009 года в стенах библиотеки начала работать секция «Литературно-дискуссионные чтения» Российского Межрегионального союза писателей, к работе которой руководство библиотеки с самого начала отнеслось благосклонно, понимая важность подобного непростого дела. Коллектив секции в свою очередь получил уникальную возможность для творческого поиска. Удивительная красота интерьера помещения, в котором проходят известные занятия, настраивает участников на достижение новых невиданных ранее высот писательского вдохновения. В частности, в рамках состоявшихся десяти встреч писателей фактически был сверстан второй и третий выпуски журнала «Писатель. XXI век». В работе над содержанием журнала члены РМСП постоянно ощущали незримое присутствие духа предшественников, живших или посещавших место занятий секции и как бы строго взиравших на происходившие обсуждения. Коллектив секции очень надеется, что этот его труд внесет в будущую историю дома Бажанова новую и яркую краску.

Литература

1. Н. К. Рерих. Друзьям — художникам. Рига: Мысль, 1939. С. 81.
2. Северный модерн. Диалог культур. Музей-усадьба Н. К. Рериха. ЛОРОО «Историко-культурный центр «Изара»». СПб.: Издательский Европейский дом, 2005.

Андрей Каратыгин

ТВОРЧЕСТВО ЙОЗЕФА ГАЙДНА — золотое сечение музыки

Начиная разговор о Франце Йозефе Гайдне, давайте взвесим значимость мнений великих людей о композиторах вообще, и о Гайдне в частности. Возьмем два крайних суждения. П. И. Чайковский в своих критических статьях чаще всех упоминает имя Л. В. Бетховена, которого он недолюбливал и сравнивал с грозным и непознаваемым богом Саваофом, хотя, отзываясь о конкретном произведении, давал ему высокую и логически обоснованную оценку. Любимого же своего композитора В. А. Моцарта, которого П. И. Чайковский сравнивает с Христом, он упоминает в два раза реже, причем признает техническое несовершенство его музыки, но отмечает высокую идейную насыщенность последней. Имя Гайдна звучит в три раза реже имени Моцарта, оценка творчества Гайдна, данная Чайковским, сводится к признанию его добротности, технической безупречности, но малонасыщенности идеями, то есть, условно говоря, милой безделушкой. Прочитав критическое наследие столь великого композитора и очень интересного музыкального критика, вряд ли захочется взяться за изучение титанического наследия Гайдна, сопоставимого по объему разве что с наследием И. С. Баха или Г. Ф. Телемана. Но есть и другое суждение. Великий русский пианист С. Рихтер незадолго до смерти давал интервью Бруно Монсенжону и, говоря о фортепианных сонатах Гайдна, сказал: «Гайдн — лучше». — «Лучше кого?» — спросил Бруно, делая вид, что не понимает. — «Моцарта, конечно!». Далее шли слова о свежести музыки Гайдна и других ее достоинствах. Мы не случайно обратили внимание на возраст артиста — за шаг до Вечности не до эпитафии, а самое время для мудрости. Безусловно, и Чайковский, и Рихтер правы: не может быть одинаковых привязанностей, каждый любит то, что вызывает консонанс или отклик в его душе, всеобщая безоговорочная привязанность к одному творцу странна. (Не она ли породила фанатизм, постепенно трансформировавшийся в футбольных зомби и прочих вудуистов наших дней?) Безусловно, должна быть избирательность для себя, но в то же время она не может отрицать достоинств другого творца, тебе, возможно чуждого, иначе, отрицая часть, мы косвенно будем отрицать и целое. Так делать не стоит.

Поэтому мы призываем: думайте сами, изучайте сами, выбирайте сами — этим вы формируете **свою** личность, а не даете делать из вас микропроцессор с двухбитовой шиной управления. Мы убеждены, что культурные фильтры установлены давно, и то, что сейчас стало вопиюще (то, как формирует «вкус» ТВ и радио и прочие масс-медиа), было и ранее, иначе и быть не могло. Как можно, скажем, судить о творче-

стве Бетховена по так называемой «Лунной сонате», бывшей долгое время визитной карточкой гения по решению неких культурных дозаторов? Во-первых, их (сонат) еще 30, а во-вторых, они, как минимум, не хуже. А не лучше ли абстрагироваться от названия «Лунная» — ведь автор его не давал, может, тогда это великое произведение прозвучит для вас по-другому? Попробуйте!

Кстати, по-немецки соната называется *Mondschein*, т. е. соната лунного света — согласитесь, что при трактовке перевода уже допущена вольность! Но давайте про Бетховена поговорим в другой раз, хотя очевидно — не будь Гайдна, Бетховен был бы совсем другим (кстати, около года Бетховен был учеником Гайдна)! Итак, забудем про шаблонный набор «великих творцов» и «великих творений», мы просто примем к сведению мнение искренне уважаемых художников, но постараемся выработать и свое мнение. Это благодарное дело и, вообще, изучение литературы, музыки и других видов искусств необходимо для сохранения и своего родного языка во всем его многоцветии, и в сохранении человека как в себе, так и в обществе в целом — генная память не вечна, нужно трудиться! Плоды культурного «свободного» рынка, к сожалению, уже налицо! Ну не может правитель, находящийся под действием так называемого русского шансона, быть человеколюбивым, дальновидным, высокоморальным! Кстати, в Западной Европе активно возвращаются к классической музыке, в местах массового скопления людей теперь звучит классика, среди музыкантов возрос интерес к старинной музыке в ее полном понимании, как совокупности музыкального текста, инструмента, соответствующего эпохе, техники звукоизвлечения и, конечно, погружения в дух того времени, когда автор создавал произведение. Мы можем только позавидовать европейцам, имеющим круглосуточный телеканал классической музыки — они действительно думают о своем будущем! Итак — Гайдн! Мы не ставим своей задачей пересказать биографию Гайдна, остановимся на основных моментах его жизни. Начало, трудное даже для тех времен, безденежье, бездомность, но непоколебимая вера в Бога, неустанный труд, образование и, конечно, огромный талант, помноженный на удивительное жизнелюбие и оптимизм. Его заметили, сделали придворным капельмейстером (известный австро-венгерский меценат князь Эстергази). Гайдн стал известным по всей Европе, стал вполне богатым человеком, совершил две поездки в Англию, сделавшие его еще более известным и богатым, тем не менее до конца своих дней он трудился, творил! Даже из описаний его последних визитеров создается образ очень аккуратного и душевного человека — до последних дней он облачался в камзол с орденской лентой, носил парик, был очень чистоплотным. Он рассказывал о методе своей работы: после утренней молитвы поиск идей за инструментом; если идеи не идут, то снова молитва и так до тех пор, пока идея не будет дарована. А чего стоит его завещание, по которому были обеспечены все его слуги, а дочь его камердинера смогла получить хорошее образование и впоследствии стала известной певицей! Известность его была повсеместной и любовь к нему выражалась даже анекдотическим образом: рассказывают, что во время захвата Вены войсками Наполеона в дом Гайдна ворвался взволнованный французский офицер, упал на колени и стал целовать

руки насмерть перепуганного Гайдна — оказалось, это был его почитатель.

Смерть Гайдна была омрачена диким случаем, растиражированным впоследствии М. А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». Булгаков только взял имя другого композитора — Берлиоза. С одной стороны, этот случай говорит о нравах тогдашней элиты, мало изменившихся с тех пор, а с другой — о незаурядности личности, к которой был проявлен столь изощренный интерес. А дело в том, что два высокопоставленных гражданина украли из могилы голову Гайдна с целью овладения святыней и возможности разгадать секрет гения, но в конце концов справедливость восторжествовала, и тело художника упокоилось с миром.

Моцарт любил не только творчество Гайдна, но и его самого, он называл его «папа Гайдн» и посвятил ему 6 замечательных квартетов. «Никто не в состоянии делать все: балагурить и потрясать, вызывать смех и глубоко трогать, и все одинаково хорошо, как это умеет Гайдн», — сказал Моцарт. Известно описание сцены их расставания перед первой поездкой Гайдна в Лондон в 1791 году, когда оба плакали, предчувствуя, что они больше не увидятся. Вероятно, речь шла о том, что Гайдн в возрасте 60 лет не вынесет испытания длительной поездкой, но все вышло, как вышло — Моцарт вскорости умер, а слезы были пророческими — больше они не увиделись!

Теперь о творчестве Гайдна. Как мы уже упоминали, оно обширно — скажем, только симфоний 107 (104 номерные и три ранние А, В, С, помимо этого концертные симфонии — в общем, сам Гайдн насчитывал 118 симфоний). Собственно, по количеству сравнивать особо не с кем. Что в симфониях? А в симфониях удивительная радость бытия, хвала Всевышнему, молодой задор, он будто бы говорит: «Не унывай, бежим со мной, я покажу тебе, как прекрасна Земля, какие силы живут в тебе и вокруг, оглянись, смелей!»

Да, в его симфониях живет ритм бега, даже в минорных частях он борется, карабкается вверх без усталости и уныния. К сожалению, минора у Гайдна очень мало, так как его заказчик, князь Эстергази, требовал музыку жизнерадостную и веселую, но в тех произведениях, где все же есть минор, Гайдн не доводит его до отчаяния, уныния, он просто печалится, иной раз может и всплакнуть, а потом разгоняет тучи своей добротой, энергией и, конечно, удивительным юмором. Говоря о симфониях, надо упомянуть, что именно Гайдн является создателем классической симфонии и, соответственно, симфонического оркестра. Очень интересно проследить развитие музыкального стиля Гайдна по его симфониям — от простых, незатейливых ранних, через средний период «бури и натиска», к зрелым парижским и лондонским симфониям. Мы, конечно, рекомендовали бы ознакомиться со всеми симфониями Гайдна, но, учитывая их количество, сделать это непросто. Поэтому остановимся на некоторых из них. 6, 7, 8 — соответственно Утро, Полдень, Вечер с бурей. Интересно услышать сочетание имитационной, казалось бы, музыки с разговором о человеческой жизни и её перипетиях. Точку в этом разговоре, да ещё какую фундаментальную, Гайдн поставил знаменитой ораторией «Времена года» — последним крупным произведением художника, отнявшим, по его словам, после-

дние силы (не путать с одноимённым циклом Вивальди, кстати, всего лишь фрагментом большого произведения — это к слову о тех, кто формирует «вкус» за нас).

В симфониях среднего периода нужно отметить 39 соль-минорную симфонию. Она, наряду с 6-й соль-минорной И. К. Баха (младшего сына И. С. Баха), является прообразом знаменитой 40-й соль-минорной симфонии Моцарта. Противостоит ей яркая 59-я симфония — «Огненная». 26-я — «Жалобная» — нежная и проникновенная, 49-я — «Страсть», повествующая о страстях Господних в тесном преломлении с земным бытием (точку в этом разговоре Гайдн поставит ораторией «Семь слов нашего Спасителя на кресте»). Ну и, конечно, знаменитая 45-я — «Прощальная» — да-да, именно в ней музыканты по одному уходят из оркестра, гася свечи над своими пюпитрами и оставляя одинокую скрипку наедине с догорающей свечой. Существуют разные объяснения этой задумки Гайдна, но лучше создать свою! Мы особо внимательны к гайдновскому минору, так как его мало и тем он ценен вдобавок. Не пропустите 73-ю «Охотничью» симфонию. Она полна теплоты и юмора.

Особо рекомендуем вслушаться в последние 18 симфоний — это россыпь бриллиантов. Трудно даже выделить хотя бы одну из 18 — они все великолепны! Цикл составлен из 6 парижских симфоний и 12 лондонских. Интересно, что в этих симфониях легко угадывается Бетховен, как ранний, так и поздний.

Конечно, ни о каком подражании и речи быть не может. Просто Бетховен на гайдновском фундаменте построил свой храм, а использование идей можно только приветствовать. А для чего ж они нужны? Чтобы их приватизировать и стричь купоны, как убогий ростовщик? Конечно нет. Идеи надо развивать и множить. К слову, у любимого композитора Бетховена, Г. Ф. Генделя, насчитывают более 150 заимствований, и никто его в этом не упрекал. Тогда это была норма. Ведь всё — от Бога, тогда как можно приватизировать то, что от Бога? Зато сейчас, когда с авторскими правами дела налаживаются, с идеями, особенно творческими, беда! В последних симфониях Гайдн переполнен энергией, которую он удивительно мастерски укрощает, оркестр переливается всеми цветами радуги, создается ощущение полета, но не спонтанного, а осознанного, продуманного. Эти симфонии не просты, как может показаться, их надо слушать многократно — это шедевр. Мы рекомендуем прослушать последние 18 симфоний в исполнении Герберта фон Караяна и Берлинского филармонического оркестра. Караян сделал эти записи на склоне лет и получился чудесный дар одного старого человека другому. Караян строго последовал гайдновским партитурам, ушел от нарочитой эффектности, вычислил пифагоровы пропорции гайдновских симфоний, призванных лечить и душу и тело!

Нельзя не отметить и влияние творчества Гайдна на С. С. Прокофьева, первая симфония которого носит название «Гайдновской». Истоки энергии, светоносности творчества великого русского композитора лежат и в творчестве его великого австрийского предшественника.

Помимо жанра симфонии, Гайдна признают создателем струнного квартета, который, как может показаться, был всегда. Особенно интересны поздние квартеты Гайдна.

Нельзя умолчать и о фортепианных сонатах Гайдна. Их 52 и они тоже отражают развитие почерка Гайдна. Но, как и у Бетховена в ранних сонатах, в них есть великолепные зрелые части, которые сделали бы честь любому маститому художнику. Касаясь минора, которого и в сонатах очень мало — и в этом его особая ценность, он светел, это скорее печаль, но не страх, не уныние. Причем совершенно очевидно, что Гайдн мог идти дальше (туда, куда пошел Моцарт). Но он этого не сделал абсолютно сознательно, его умеренность, как в мажоре, так и в миноре, продумана, а не является творческой ограниченностью, как показалось П. И. Чайковскому! Потрясающим исполнением 6-ти поздних сонат великим канадским пианистом Гленном Гулдом была передана через простоту и сдержанность позднего Гайдна его глубина и добрая улыбка. Вообще музыка Гайдна пышет здоровьем, и духовным, и физическим — заряжайтесь! Его лейтмотив — *memento animi* в противоположность *memento mori*! По необходимости и Гайдн мог передать скорбь и страдания — послушайте его знаменитое сочинение «Семь последних слов спасителя на кресте», оно существует в версии струнного квартета, оркестровой версии с речитативом баса и в ораториальной версии. Особенно рекомендуем послушать ораториальную версию в концертном исполнении под управлением Николауса Арнонкура с оркестром Концентус музик Вена и солистами. Поверьте, вам откроется Гайдн с еще одной стороны, которую П. И. Чайковский просто мог не знать в силу недоступности большей части наследия Гайдна.

В жанре крупной вокально-инструментальной формы Гайдном созданы две оратории: «Сотворение мира» и «Времена года», 14 месс, 24 оперы. Из опер мы бы выделили «Орlando Палладин» — оперу-буфф, полную юмора, замечательных мелодий и радости.

В жанре инструментального концерта особо выделяются его виолончельные концерты 1 и 2. Гайдновские виолончельные концерты являются обязательными для каждого концертирующего виолончелиста. Не обходят стороной пианисты и его клавирные концерты. 4 и 11 у многих на слуху.

Завершая разговор, заметим, что Гайдн не создал шлягеров, годных для использования в мобильных телефонах (зато он автор современного гимна Германии!). Но в этом на самом деле благо — его музыка неделима, её надо изучать неторопливо и такое усилие обязательно будет вознаграждено изменением течения времени вашего бытия!